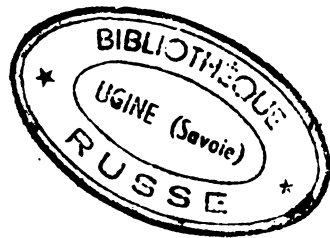

038

ТВОРЕНИЯ
СВЯТЫХЪ ОТЕЦЪ,
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,
ИЗДАВАЕМЫЯ
ПРИ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

— 101 —

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

— 101 —

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.
1843.

88686

JP

v. 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Юня 28-го дня, 1843 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Виванской Семинаріи Ректоръ

Архимандритъ Филовей.

APR 12 1954

ТВОРЕНІЯ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО
ГРЕГОРІЯ БОГОСЛОВА,
АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

—♦♦♦—
Часть вторая.
—♦♦♦—

С Л О В О 20,

О ПОСТАВЛЕНІИ ЕПИСКОПОВЪ И О ДОГМАТЪ СВЯТЫЯ ТРОИЦЫ.

Когда смотрю на усиливающуюся нынѣ болѣзнь языка, на скороспѣлыхъ мудрецовъ, на производимыхъ вновь Богослововъ, для которыхъ довольно только захотѣть, чтобы стать мудрыми: тогда ощущаю потребность высшаго любомудрія, ищу съ Іереміею *виталица послѣдняго* (Іер. 9, 2.), и желаю быть одинъ съ самимъ собою. Ибо для меня всего кажется лучше, замкнувъ какъ-бы чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, безъ крайней нужды не касаясь ни до чего человѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго, всегда носить въ себѣ божественные образы, чистые, не смѣшанные съ дольными и обманчивыми впечатлѣніями, быть и непрестанно дѣлаться какъ-бы неомраченнымъ зеркаломъ Бога и божественнаго, приобрѣтать ко свѣту свѣтъ, — къ менѣе ясному лучезарнѣйшій; пока не взойдемъ къ Источнику тамошнихъ озареній и не достигнемъ блаженнаго конца, когда дѣйствительность сдѣлаетъ

не нужными зеркала. Посему едва-ли кто въ-состояніи преодолѣть влекущее долу вещество, развѣ уже обучилъ себя долговременнымъ любомудріемъ, и постепенно отторгалъ отъ низкаго и сопряженнаго со тьмою, что есть въ душѣ благороднаго и свѣтовиднаго, или удостоился Божіей милости, или, сверхъ того и другаго, прилагалъ всевозможное стараніе вознести взоръ свой горѣ. А пока нѣтъ силъ преодолѣть вещественное, достаточно очистить слухъ и мысли; до тѣхъ поръ не безопасно принимать на себя попеченіе о душахъ и вдаваться въ богословствованіе.

И чѣмъ приведенъ я въ такой страхъ? Не почитите меня боязливымъ сверхъ мѣры; напротивъ похвалите даже мою предусмотрительность. Отъ самаго Моисея слышу, что, когда бесѣдовалъ съ нимъ Богъ, хотя и многіе призваны на гору, а въ числѣ ихъ и Ааронъ съ двумя сынами, священниками, однако же повелѣно было, чтобы прочіе поклонились издавеча, а къ Богу приступилъ одинъ Моисей, народу же не дозволено и восходить на гору (Исх. 24, 1. 2.). И не задолго прежде сего молніи, громы, трубы, вся гора дымящаяся, страшныя угрозы и другія подобныя грозныя явленія удерживали народъ внизу горы, и для него много было, по надлежащемъ очищеніи, слышать одинъ гласъ Божій. Между тѣмъ Моисей и на гору восходить, и вступаетъ внутрь облака, и приближается къ Богу, и приѣмлетъ законъ, — для народа законъ письмени, а для тѣхъ, которые выше народа, законъ духа. Знаю также, что было съ священникомъ Иліемъ, и нѣсколько послѣ него съ Озою.

Первый понесъ наказаніе за беззаконіе дѣтей, на которое они отваживались при жертвоприношеніяхъ, хотя не только не одобрялъ ихъ нечестія, но многократно дѣлалъ имъ строгіе выговоры. Другой дерзнулъ только прикоснуться къ Кивоту, увлекаемому тельцемъ, и хотя поддержалъ Кивотъ, но самъ погибъ; такъ Богъ охранялъ неприкосновенность Кивота! Знаю еще, что простому народу не безопасно было прикасаться къ стѣнамъ храма; почему и нужны стали другія внѣшнія стѣны (3 Цар. 6, 5.). И самыя жертвы потреблять позволялось не всякому, не во всякое время и не на всякомъ мѣстѣ; тѣмъ паче не дерзали часто входить во Святая-Святыхъ, и не только прикасаться, но даже простирать взоръ къ завѣсѣ, или къ очищенію, или къ Кивоту. Зная все сіе, а вмѣстѣ и то, что не достоинъ великаго Бога и Жертвы, и Архидіакона, кто не представитъ себя самого въ живую жертву Богу, или, лучше сказать, самъ не содѣлается святымъ и живымъ храмомъ живаго Бога, — зная все сіе, могъ ли я, какъ самъ необдуманно приступить къ преподаванію ученія о Богѣ, такъ и одобрить приступающаго къ сему дерзновенно? И желаніе не похвально, и предпріятіе трудно!

Посему надобно очистить сперва самихъ себя, а потомъ уже бесѣдовать съ Чистымъ. Иначе испытанъ на себѣ тоже, что было съ Маноемъ, и узрѣвъ явившагося Бога, должны будемъ сказать: погибли мы, жена, яко Бога видѣхомъ (Суд. 13, 22.)! Или, подобно Петру, станемъ высылать съ корабля Иисуса, какъ недостойные такого посѣщенія. Или, подобно сотнику, будемъ просить врачеванія, но не

примемъ Врача. Конечно, и изъ насъ инъй (пока онъ—сотникъ, надъ многими первенствуетъ во злѣ и служить еще Кесарю—міродержителю влеко-
мыхъ долу) скажетъ о себѣ: *нѣсмь достоинъ, да подѣ кровѣ мой внидеши* (Матѣ. 8, 8.). Но когда увижу Иисуса, хотя малъ я ростомъ духовно, подобно Закхею, однакоже взойду на смоковницу, *умертвивъ уды, яже на земли* (Кол. 3, 5.) и *измождивъ тѣло смиренія* (Филип. 3, 20.); тогда и Иисуса приму къ себѣ, и услышу: *днесь спасеніе дому сему* (Лук, 19, 9.); тогда дѣйствительно получу спасеніе; начну совершеннѣе любомудрствовать, прекрасно расточая собранное мною худо, то-
есть и деньги и ученіе.

Поелику же опредѣлено мною въ словѣ, каковъ долженъ быть Богословъ; то предложу краткое ученіе о Богѣ, уповая на помощь самого Отца, и Сына, и Святаго Духа, о Которыхъ у насъ слово. Но молю Бога, чтобы мнѣ о Немъ, подобно Соломону, и не помыслить и не произнести чего-либо собственнаго. Ибо когда Соломонъ говоритъ: *безумнѣе бо есмь отъ всѣхъ чловѣкъ, и разума чловѣческаго нѣсть во мнѣ* (Притч. 30, 2.); конечно не съ тѣмъ намѣреніемъ говорить сіе, чтобы изобличить совершенное свое неразуміе. Ибо возможно ли оно въ томъ, кто паче всего просилъ себѣ у Бога смышленности, и получилъ мудрость и даръ созерцанія и широту сердца—обильнѣе и неисчетнѣе песка морскаго (3 Цар. 3, 29.)? И какъ бы тотъ, кто былъ столько мудръ и сподобился такого дара, сталъ называть себя безумнѣйшимъ изъ людей, если не въ томъ смыслѣ, что въ немъ нѣтъ собст-

венной своей мудрости, а дѣйствуетъ мудрость Божія и совершеннѣйшая? И Павелъ, когда говорить: *живу некому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20.), разумѣетъ не то, что онъ совершенно мертвъ, но что живетъ жизнью совершеннѣйшею, чѣмъ многіе другіе; потому что онъ содѣлался причастникомъ истинной жизни, которой не полагаетъ предѣла никакая смерть.

Итакъ мы поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу, раздѣляя личныя свойства, и соединяя Божество. Не смѣшиваемъ трехъ (впостасей) въ одно, чтобъ не впасть въ недугъ Савелліевъ, и единого не дѣлимъ на три (сущности) разнородныя и чуждыя другъ другу, чтобы не дойти до Аріева безумія. Ибо для чего, какъ растеніе, скривившееся на одну сторону, со всѣмъ усиліемъ перегибать въ противную сторону, исправляя кривизну кривизною, а не довольствоваться тѣмъ, чтобы, выправивъ только до середины, остановиться въ предѣлахъ благочестія? Когда же говорю о серединѣ, разумѣю истину, которую одну и должно имѣть въ виду, отвергая какъ неумѣстное смѣшеніе, такъ и еще болѣе нелѣпное раздѣленіе. Ибо въ одномъ случаѣ, изъ страха многобожія сокративъ понятіе о Богѣ въ одну впостась, оставимъ у себя однѣ голыя имена, признавая, что одинъ и тотъ же есть и Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, и утверждая не столько то, что всѣ Они одно, сколько то, что каждый изъ Нихъ ничто; потому что, переходя и перемѣняясь другъ въ друга, перестаютъ уже быть тѣмъ, что Они сами въ Себѣ. А въ другомъ случаѣ, раздѣляя Божество на три сущности, или (по Ари-

еву, прекрасно такъ называемому, безумію) одна другой чуждыя, неравныя и отдѣльныя, или безначальныя, несоподчиненныя и, такъ сказать, противоположныя, то предадимся Іудейской скудости, ограничивъ Божество однимъ Нерожденнымъ, то впадемъ въ противоположное, но равное первому зло, предположивъ три начала и трехъ Боговъ, что еще нелѣпѣе предъидущаго.

Не должно быть такимъ любителемъ Отца, чтобы отнимать у Него свойство быть Отцемъ. Ибо чѣмъ будетъ Отцемъ, когда отстранимъ и отчуждимъ отъ Него вмѣстѣ съ тварію и естество Сына? Не должно быть и такимъ Христолюбцемъ, чтобы даже не сохранить у Него свойства—быть Сыномъ. Ибо чѣмъ будетъ Сыномъ, если не относится къ Отцу, какъ виновнику? Не должно въ Отцѣ умалять достоинства—быть началомъ, принадлежащаго Ему, какъ Отцу и Родителю. Ибо будетъ началомъ чего-то низкаго и недостойнаго, если Онъ не виновникъ Божества, созерцаемаго въ Сынѣ и Духѣ.— Не нужно все сіе, когда надобно и соблюсть вѣру въ единаго Бога, и исповѣдывать три Упостаси, или три Лица, притомъ каждое съ личнымъ Его свойствомъ. Соблюдется же, по моему разсужденію, вѣра въ единаго Бога, когда и Сына и Духа будемъ относить къ единому Виновнику (но не слагать и не смѣшивать съ Нимъ),—относить, какъ по одному и тому же (назову такъ) движенію и хотѣнію Божества, такъ и по тождеству сущности. Соблюдется вѣра и въ три Упостаси, когда не будемъ вымышлять никакого смѣшенія, или сліянія, въ-слѣдствіе которыхъ у чествующихъ болѣе, чѣмъ должно, одно,

могло бы уичтожиться все. Соблюдутся и личныя свойства, когда будемъ представлять и нарицать Отца безначальнымъ и началомъ (началомъ, какъ Виновника, какъ источникъ, какъ присносущный Свѣтъ); а Сына — нимало не безначальнымъ, однакоже и началомъ всяческихъ.

Когда говорю: началомъ; ты не привноси времени, не ставь чего-либо средняго между Родившимъ и Рожденнымъ, не раздѣлай естества худымъ вложеніемъ чего-то между совѣчными и сопребывающими. Ибо если время старше Сына; то безъ сомнѣнія Отецъ сталъ виновникомъ времени прежде, нежели — Сына. И какъ былъ бы Творцемъ времени Тотъ, Кто Самъ подъ временемъ? Какъ былъ бы Онъ Господомъ всего, если время Его упреждаетъ и Имъ обладаетъ? Итакъ Отецъ безначаленъ; потому что ни отъ кого иного, даже отъ Себя Самого, не заимствовалъ бытія (а). А Сынъ, если представляешь Отца виновникомъ, не безначаленъ (потому что началомъ Сыну Отецъ, какъ виновникъ); если же представляешь себѣ начало относительно ко времени, — безначаленъ (потому что Владыка временъ не имѣетъ начала во времени).

А если изъ того, что тѣла существуютъ во времени, заключишь, что и Сынъ долженъ подлежать времени; то безтѣлесному припишешь и тѣло. И

(а) Если бы Отецъ происходилъ Самъ отъ Себя, то могъ бы Онъ быть отдѣляемъ Самъ отъ Себя, такъ что въ одномъ могли бы мы представлять двухъ, — одного предсуществовавшего, и другаго изъ Него происходящаго.

если на томъ основаніи, что раждающееся у насъ прежде не существовало, а потомъ приходитъ въ бытіе, станешь утверждать, что и Сыну надлежало изъ небытія придти въ бытіе; то уравниешь между собою несравнимое—Бога и человѣка, тѣло и безтѣлесное. Въ такомъ случаѣ Сынъ долженъ и страдать и разрушаться, подобно нашимъ тѣламъ. Ты изъ рожденія тѣлъ во времени заключаешь, что и Богъ такъ раждается. А я заключаю, что Онъ раждается не такъ, изъ того самаго, что тѣла такъ раждаются. Ибо что не сходно по бытію, то не сходно и въ рожденіи; развѣ допустишь, что Богъ и въ другихъ отношеніяхъ подлежитъ законамъ вещества, на примѣръ: страдаетъ и скорбитъ, жаждетъ и алчетъ, и терпитъ все свойственное какъ тѣлу, такъ вмѣстѣ и тѣлу и безтѣлесному. Но сего не допускаетъ твой умъ; потому что у насъ слово о Богѣ. Посему и рожденіе допускай не иное, какъ Божеское.

Но спросишь: если Сынъ рожденъ, то какъ рожденъ?—Отвѣчай прежде мнѣ, неотступный совопросникъ: если Онъ сотворенъ; то какъ сотворенъ? А потомъ и меня спрашивай: какъ Онъ рожденъ?—Ты говоришь: «и въ рожденіи страданіе, какъ страданіе въ сотвореніи. Ибо безъ страданія ли бываетъ составленіе въ умѣ образа, напряженіе ума, и представленнаго совокупно разложеніе на части? И въ рожденіи также время, какъ творимое создается во времени. И здѣсь мѣсто, и тамъ мѣсто. И въ рожденіи возможна неудача, какъ въ сотвореніи бываетъ неудача (у васъ слышалъ я такое умствованіе); ибо часто, что предназначталъ умъ, того не выполняли руки.»—Но и ты говоришь, что все со-

ставлено словомъ и хотѣніемъ. *Той рече, и быша: Той повель, и создашася* (Пс. 32, 9.). Когда же утверждаешь, что создано все Божіимъ словомъ; тогда вводишь уже не человѣческое твореніе. Ибо никто изъ насъ производимаго имъ не совершаетъ словомъ. Иначе не было бы для насъ ничего ни высокаго, ни труднаго; если бы стоило только сказать, и за словомъ слѣдовало исполненіе дѣла. Посему если Богъ созидаемое Имъ творить словомъ, то у Него не человѣческой образъ творенія. И ты, или укажи мнѣ человѣка, который бы совершилъ что-нибудь словомъ, или согласишься, что Богъ творить не какъ человѣкъ. Предначертай по волѣ своей городъ; и пусть явится у тебя городъ. Пожелай, чтобы родился у тебя сынъ; и пусть явится младенецъ. Пожелай, чтобы совершилось у тебя что-либо другое; и пусть желаніе обратится въ самое дѣло. Если же у тебя не слѣдуетъ ничего такого за хотѣніемъ, между тѣмъ какъ въ Богѣ хотѣніе есть уже дѣйствіе, то явно, что иначе творить человѣкъ, и иначе — Творецъ всего — Богъ. А если Богъ творить не по-человѣчески: то какъ же требуешь, чтобы Онъ раждалъ по-человѣчески? Ты нѣкогда не былъ, потому началъ бытіе, а послѣ и самъ раждаешь, и такимъ образомъ приводишь въ бытіе то, что не существовало, или (скажу тебѣ нѣчто болѣе глубокомысленное) можетъ-быть и самъ ты производишь не то, что не существовало. Ибо и Левій, какъ говоритъ Писаніе, *еще въ чреслахъ отчима блже* (Евр. 7, 10.), прежде нежели произошелъ на свѣтъ. И никто да не уловляетъ меня на семь словъ; я не говорю, что Сыиъ такъ произошелъ отъ Отца, какъ

существовавший прежде въ Отцѣ, и послѣ уже приходящій въ бытіе; не говорю, что Онъ сперва былъ несовершенъ, а потомъ сталъ совершеннымъ, каковъ законъ нашего рожденія. Дѣлать такія привязки свойственно людямъ непріязненнымъ, готовымъ нападать на всякое произнесенное слово. Мы не такъ умствуемъ; напротивъ того исповѣдуя, что Отецъ имѣеть бытіе нерожденно (а Онъ всегда былъ, и умъ не можетъ представить, чтобы когда-либо не было Отца), исповѣдуемъ вмѣстѣ, что и Сынъ былъ рожденъ, такъ что совпадаютъ между собою и бытіе Отца и рожденіе Единороднаго, отъ Отца сущаго, и не послѣ Отца, развѣ допустимъ послѣдовательность въ одномъ только представленіи о началѣ, и о началѣ, какъ о Виновникѣ (не разъ уже возвращаю къ тому же слову дебелость и чувственность твоего разумѣнія).

Но ежели безъ пытливости принимаешь рожденіе (когда такъ должно выразиться) Сына, или Его самостоятельность (*ἰπόσασις*), или пусть изобрѣтетъ кто-нибудь для сего другое болѣе свойственное предмету реченіе (потому что умопредставляемое и изрекаемое превосходитъ способы моего выраженія); то не будь пытливъ и касательно исхожденія Духа. Достаточно для меня слышать, что есть Сынъ, что Онъ отъ Отца, что иное Отецъ, иное Сынъ; не любопытствую о семъ болѣе, чтобы не подпасть тому же, что бываетъ съ голосомъ, который отъ чрезмѣрнаго напряженія прерывается, или съ зрѣніемъ, которое ловить солнечный лучъ. Чѣмъ кто больше и подробнѣе хочетъ видѣть, тѣмъ больше повреждаетъ чувство, и въ какой мѣрѣ разсма-

триваемый предметъ превышаетъ объемъ зрѣнія, въ такой человѣкъ теряетъ самую способность зрѣнія, если захочетъ увидѣть цѣлый предметъ, а не такую часть его, какую могъ бы рассмотретьъ безъ вреда. Ты слышишь о рожденіи; не допытывайся знать, каковъ образъ рожденія. Слышишь, что Духъ исходитъ отъ Отца; не любопытствуй знать, какъ исходитъ.

Но если любопытствуешь о рожденіи Сына и объ исхожденіи Духа; то полюбопытствую и я у тебя о соединеніи души и тѣла: какъ ты — и персть, и образъ Божій? Чтò въ тебѣ движущее, или движимое? Какъ одно и то же и движеть, и движется? Какъ чувство пребываетъ въ томъ же человѣкѣ, и привлекаетъ внѣшнее? Какъ умъ пребываетъ въ тебѣ, и раждаетъ понятіе въ другомъ умѣ? Какъ мысль передается посредствомъ слова? Не говорю о томъ, чтò еще труднѣе. Объясни вращеніе неба, движеніе звѣздъ, ихъ стройность, мѣры, соединеніе, разстояніе, предѣлы моря, теченія вѣтровъ, перемѣны годовыхъ временъ, изліянія дождей. Ежели во всемъ этомъ ничего не разумѣешь ты, человѣкъ (уразумѣешь же можетъ-быть со временемъ, когда достигнешь совершенства; ибо сказано: *узрю небеса, дѣла персти Твоихъ* (Пс. 8, 4.), а изъ сего можно догадываться, что видимое теперь не самая истина, но только образъ истины); ежели и о себѣ самомъ не позналъ, кто ты, рассуждающій о сихъ предметахъ; ежели не постигъ и того, о чемъ свидѣтельствуешь даже чувство: то какъ же предпріемлешь узнать въ-подробности, чтò такое и какъ великъ Богъ? — Это показываетъ великое неразуміе!

Если же повѣришь нѣсколько мнѣ, не дерзновенному Богослову; то скажу тебѣ, что одно ты уже постигъ, а чтобы постигнуть другое, о томъ молись. Не пренебрегай тѣмъ, что въ тебѣ; а прочее пусть остается въ сокровищницѣ. Восходи посредствомъ дѣла, чтобы чрезъ очищеніе приобрести чистое. Хочешь ли со-временемъ стать Богословомъ и достойнымъ Божества? — Соблюдай заповѣди, и не выступай изъ повелѣній. Ибо дѣла, какъ ступени, ведутъ къ созерцанію. Трудись тѣломъ для души. И можетъ ли кто изъ людей стать столько высокимъ, чтобы придти въ мѣру Павлову? Однако же и онъ говоритъ о себѣ, что видитъ только *зерцаломъ въ гаданіи*, и что наступитъ время, когда узреть *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12.). Положимъ, что на словахъ и превосходимъ мы инаго любомудріемъ; однако же, безъ всякаго сомнѣнія, ты ниже Бога. Можетъ-быть, что ты и благоразумнѣе другаго; однакоже предъ истинною въ такой же мѣрѣ ты малъ, въ какой бытіе твое отстоитъ отъ бытія Божія. Намъ дано обѣтованіе, что познаемъ нѣкогда, сколько сами познаны (1 Кор. 13, 12.). Если не возможно имѣть мнѣ совершеннаго познанія здѣсь; то что еще остается? чего могу надѣяться? — Безъ сомнѣнія скажешь: небеснаго царства. — Но думаю, что оно не иное что есть, какъ достиженіе чистѣйшаго и совершеннѣйшаго. А совершеннѣйшее изъ всего существующаго есть вѣдѣніе Бога. Сіе-то вѣдѣніе, частію да хранимъ, частію да приобретаемъ, пока живемъ на землѣ, а частію да сберегаемъ для себя въ тамошнихъ сокровищницахъ,

чтобы въ награду за труды пріять всецѣлое познание Святыя Троицы, что Она, какова и колика (если позволено будетъ выразиться такъ), въ самомъ Христѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

С Л О В О 21,

ПОХВАЛЬНОЕ АЕАНАСИЮ ВЕЛИКОМУ, АРХИЕПИСКОПУ АЛЕКСАНДРІЙСКОМУ.

Хваля Аѳанасія, буду хвалить добродѣтель; ибо одно и то же — наименовать Аѳанасія и восхвалить добродѣтель; потому что всѣ добродѣтели въ совокупности онъ въ себѣ имѣлъ, или, справедливѣе сказать, имѣеть, такъ какъ предъ Богомъ живы всѣ, жившіе по Богу, хотя и преселились они отсель; почему Богъ и называется Богомъ Авраамовымъ, Исааковымъ и Иаковлевымъ, какъ Богъ *не мертвыхъ, но живыхъ* (Матѳ. 22, 32.).

А хваля добродѣтель, буду хвалить самого Бога, отъ Котораго въ людяхъ добродѣтель и даръ возведенія или возвращенія къ Нему чрезъ сродное озареніе. Ибо изъ многихъ и великихъ даровъ, которые мы получили и получимъ еще отъ Бога, и которыхъ числа и великости никто изречь не можетъ, даръ наибольшій и наиначе свидѣтельствующій о Божіемъ къ намъ челоуѣколюбіи, есть наше къ Нему стремленіе и сродство съ Нимъ. Чтò солнце для существъ чувственныхъ, то Богъ для

духовныхъ; одно освѣщаетъ міръ видимый, Другій — невидимый; одно тѣлесные взоры дѣлаетъ солнцевидными, Другій разумныя естества — богоподобными. И какъ солнце, доставляя возможность видящему видѣть, а видимому быть видимымъ, само гораздо превосходитъ видимаго; такъ Богъ, устрояющій, чтобы существа мыслящія имѣли даръ мышленія, а мыслимыя были предметомъ мышленія, Самъ выше всего мысленнаго, и всякое желаніе останавливается на Немъ, далѣе же никуда не простирается. Ибо далѣе Его ничего высшаго, и даже вовсе ничего, не находятъ умъ самый любомудрый, прывыспренній и любоиспытательный. Богъ есть послѣднее изъ желаемыхъ, успокоеніе всѣхъ бывшихъ умозрѣній. Кто успѣлъ съ помощію разсудка и умозрѣнія, расторгнувъ вещество и плотское (если назвать такъ) облако или покрывало, приблизиться къ Богу, сколько доступно человѣческой природѣ, и соединиться съ чистѣйшимъ свѣтомъ; тотъ блаженъ, по причинѣ какъ восхожденія отсель, такъ и тамошняго обоженія, къ которому приводитъ истинное любомудріе и возвышеніе надъ вещественною двойственностію ради единства, умопредставляемаго въ Троицѣ. А кто отъ сопряженія съ вещественнымъ сталъ хуже, и столько прилѣпился къ брению, что не можетъ воззрѣть на сіяніе истины и возвыситься надъ дольнымъ, тогда какъ самъ произошелъ свыше и призывается къ горнему: тотъ для меня жалокъ, по причинѣ ослѣпленія, хотя бы онъ и благоуспѣшенъ былъ въ здѣшной жизни; даже тѣмъ болѣе жалокъ, чѣмъ болѣе обольщается своимъ счастіемъ и вѣрить, что

есть другое благо, кромѣ блага истиннаго, пожиная тотъ вредный плодъ своего вреднаго мнѣнія, что или осуждается во тьму, или какъ на огонь смотреть на Того, Кого не призналъ за свѣтъ.

Такое любомудріе и изъ новыхъ и изъ древнихъ достигнуто не многими (ибо не много Божіихъ, хотя и всѣ — Божіе созданіе): — достигнуто законодателями, военачальниками, священниками, Пророками, Евангелистами, Апостолами, Пастырями, Учителями, всею духовною полнотою, всѣмъ духовнымъ соборомъ, а между ними и восхваляемымъ нынѣ мужемъ. Кого же разумію подъ достигшими? — Еноха, Ноя, Авраама, Исаака, Іакова, двѣнадцать Патріарховъ, Моисея, Аарона, Іисуса, Судей, Самуила, Давида, Соломона до извѣстнаго времени, Илію, Елисея, Пророковъ, жившихъ прежде и послѣ плѣненія, и тѣхъ въ порядкѣ послѣднихъ, но въ дѣйствительности первыхъ, которые близки ко времени Христова воплощенія или воспріятія Христомъ плоти, — сей свѣтильникъ предтекшій Свѣту, сей гласъ предварившій Слово, сего ходатая предшествовавшаго Ходатаю, сего посредника между ветхимъ и новымъ Завѣтомъ, сего славнаго Іоанна, и учениковъ Христовыхъ, и тѣхъ, которые послѣ Христа, или предсѣдательствовали въ народѣ, или прославились ученіемъ, или стали извѣстны по чудесамъ, или запечатлѣлись кровію. И изъ сихъ-то мужей Аѳанасій однимъ ни въ чемъ не уступалъ, другимъ уступалъ въ немногѣ, а нѣкоторыхъ (если не дерзко будетъ сказать) даже превзошелъ, подражая кому въ словѣ, кому въ дѣлѣ, кому въ кротости, кому

въ ревности, кому въ перенесеніи опасностей, кому во многомъ, кому во всемъ. Заимствуя у одного ту, у другаго другую красоту, какъ дѣлають живописцы, старающіеся довести изображаемый предметъ до крайняго изящества, и, совокупивъ все сіе въ одну свою душу, онъ изъ всего составилъ единый обликъ добродѣтели, сильныхъ въ словѣ превзойдя дѣятельностію, а дѣятельныхъ — словомъ, или, если угодно, превысивъ въ словѣ — прославившихся словомъ, и въ дѣятельности — самыхъ дѣятельныхъ, а посредственныхъ въ словѣ и дѣлѣ — превосходствомъ въ томъ и другомъ, высокихъ же въ одномъ изъ двухъ оставивъ ниже себя и словомъ и дѣломъ. И если къ славѣ предшественниковъ его служить, что они были для него образцомъ доблестей: то сему нашему украшенію не въ меньшую обращается похвалу, что онъ сталъ образцомъ для своихъ преемниковъ.

Какъ на описаніе всѣхъ его доблестей и на изъявленіе имъ удивленія потребовалось бы, можетъ быть, болѣе времени, нежели сколько должно занять настоящее слово; притомъ все сіе было бы дѣломъ не похвальнаго слова, а исторіи (и я въ назиданіе и услажденіе потомству желалъ бы изобразить его доблести особымъ писаніемъ, какъ и онъ описалъ жизнь божественнаго Антонія, изложивъ въ видѣ повѣствованія правила монашеской жизни): то изъ многихъ его дѣлъ, большую часть предоставивъ знающимъ, коснусь не многихъ, какія на сей разъ представляетъ мнѣ память какъ болѣе извѣстныя, чтобы только удовлетворить собственному желанію и воздать должное празднику. Ибо

не благочестно и не безопасно было бы чтить памятованіемъ житія нечестивыхъ, а преходить молчаніемъ мужей прославившихся благочестіемъ, и притомъ въ городъ (а), который едвали спасутъ и многіе примѣры добродѣтелей, потому что онъ божественные предметы обращаетъ въ забаву такъ же, какъ ристаніе на коняхъ и зрѣлища.

Аѳанасій рано былъ напоенъ божественными правилами и уроками, употребивъ не много времени на изученіе наукъ общеупотребительныхъ, съ тѣмъ только, чтобы и въ этомъ не казаться совершенно неопытнымъ и не знающимъ того, что почиталъ достойнымъ презрѣнія. Онъ не потерпѣлъ, чтобы благородныя и обильныя дарованія души были упражняемы въ предметахъ суетныхъ; не захотѣлъ подвергнуться участи неопытныхъ борцовъ, которые, поражая чаще воздухъ, нежели противниковъ, не достигаютъ награды. Изучивъ всѣ книги ветхаго и новаго Завета, какъ другой не изучалъ и одной, онъ обогащаетъ себя умозрительными свѣдѣніями, обогащаетъ и свѣтлостію жизни, и удивительнымъ образомъ соплетаетъ изъ того и другаго эту подлинно золотую, для многихъ неудобосплетаемую цѣпь, употребивъ жизнь въ руководство къ умозрѣнію, и умозрѣніе, какъ печать жизни. Ибо правило, что *начало премудрости страхъ Господень* (Пс. 110, 10. Притч. 1, 7.), есть какъ-бы первая только нелена; мудрость же, превозмогшая страхъ

(а) Константинополь.

и перешедшая въ любовь , дѣлаеть насъ Божіими друзьями и изъ рабовъ сынами.

Такъ воспитанный и обученный, какъ надлежало бы и нынѣ готовящимся быть предстоятелями народа и имѣть попеченіе о великомъ тѣлѣ Христовомъ, по великому Божію совѣту и предвѣднію, которое задолго прежде полагаетъ основаніе важныхъ событій , онъ соприсчисляется къ сему великому алтарю, дѣлается однимъ изъ приближенныхъ *приближающагося* къ Богу (Лев. 10, 3.), удостоивается священнаго стоянія и чина , и когда прошелъ весь рядъ степеней, тогда (чтобы не говорить о среднихъ) дается ему предсѣдательство въ народѣ, или, что тоже, ввѣряется попеченіе о цѣлой вселенной; и священство пріемлетъ онъ (не умѣю сказать) какъ награду за добродѣтель, или какъ источникъ и жизнь Церкви. Ибо нужно было, чтобы Церковь, томимая жаждою истины и едва дышущая, была напоена какъ Исмаиль (Быт. 21, 15—20.), или прохлаждена изъ источника какъ Ілія въ землѣ изсохшей отъ бездождія (3 Цар. 17, 2—7.), и оживотворилась , чтобы оставлено было *сѣмя* Израилю (Иса. 1, 9.), и мы не стали какъ Содомъ и Гоморрь, сіи города, потопленные огнемъ и жупеломъ (Быт. 19, 24.) и извѣстные своими пороками и еще болѣе своею погибелію.

Посему намъ, повергнутымъ уже долу, воздвигнутъ рогъ спасенія , благовременно ниспосланъ краугольный камень , связующій насъ съ самимъ собою и другъ съ другомъ, или огонь, очищающій гнилое и вредное вещество, или лопата земледѣтеля, отдѣляющая въ ученіи легкое отъ *полновѣ-*

наго, или мечь подсѣкающій корни злобы. И Слово находитъ своего поборника, и Духъ приобретаетъ мужа, который за Него будетъ дышать ревностію. Такъ и для такихъ причинъ, по приговору всего народа, не въ подражаніе худому образцу, невозможшему въ послѣдствіи, не съ помощію убійствъ и насилій, но Апостольски и духовно, возводится онъ на престолъ Марка (б) преемникомъ его первосѣдательства, а не менѣе и благочестія; ибо хотя далекъ отъ него въ первомъ, однакоже близокъ въ послѣднемъ. А въ этомъ собственно и надобно поставлять преемство; ибо единомысліе дѣлаетъ и единопрестольными, разномысліе же разнопрестольными. И одно преемство бываетъ только во имени, а другое въ самой вещи. Ибо тотъ истинный преемникъ, кто не употребилъ, а развѣ потерпѣлъ, принужденіе, кто возведенъ, не преступивъ законъ, но по закону, кто не противнаго держится ученія, но ту же содержитъ вѣру; если только называешь преемникомъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ болѣзнь преемствуетъ здравію, мракъ — свѣту, буря — тишинѣ, изступленіе — здравомыслію.

Такъ онъ возводится такъ и распоряжается властію. Не слѣдуетъ обычаю вступить на престолъ, и тотчасъ предаться своеволю отъ пресыщенія, подобно тѣмъ, которые сверхъ чаянія захватываютъ какую-либо власть или наслѣдство. Это свойственно священникамъ чуждымъ, незаконнымъ и недо-

---

(б) Св. Евангелиста Марка, перваго Епископа въ Александрійской Церкви.

стойнымъ сана, которые, приступая къ священству, ничего не приносятъ съ собою, нимало не потрудившись для добродѣтели, оказываются вмѣстѣ и учениками и учителями благочестія, и когда сами еще не очистились, начинаютъ очищать другихъ. Вчера святотатцы, а нынѣ священники, вчера не смѣвшіе приступить къ святынямъ, а нынѣ тайноводители, устарѣвшіе въ порокахъ и новоявленные въ благочестіи, произведеніе человѣческой милости, а не дѣло благодати Духа, — они весь путь свой ознаменовали насиліемъ и наконецъ гнетутъ самое благочестіе; не нравы даютъ имъ степень, а степень — нравы (такъ много превратился порядокъ!); имъ больше надобно приносить жертвъ за себя, нежели о людскихъ невѣжествахъ (Евр. 9, 7.); они непременно погрѣшаютъ въ одномъ изъ двухъ: или, имѣя нужду въ снисхожденіи, чрезъ-мѣру снисходительны, такъ что не пресѣкаютъ пороковъ, а учатъ пороку; или строгостію власти прикрываютъ собственныя дѣла свои.

Но Аѳанасій не имѣлъ ни одного изъ сихъ пороковъ; напротивъ того, сколько высокъ былъ дѣлами, столько смиренъ сердцемъ; въ добродѣтели никому недоступенъ, а въ обращеніи всякому весьма благопріступенъ, кротокъ, не гнѣвливъ, сострадательнъ, пріятенъ въ бесѣдѣ, еще пріятнѣе по праву, ангелоподобенъ наружностію, еще ангелоподобнѣе сердцемъ; когда дѣлалъ выговоръ, былъ онъ спокоенъ; когда хвалилъ, — назидательнъ. Онъ ни одного изъ сихъ добрыхъ качествъ не портилъ неумѣренностію: у него выговоры были отеческіе, и похвалы приличныя начальнику; и мягкость не

составляла слабости, и строгость—жестокости; напротивъ того первая представлялась снисходительностію, послѣдняя—благоразуміемъ, а та и другая—любомудріемъ. Ему не много было нужно словъ, потому что для наставленія другихъ достаточно было его жизни; ему рѣдко пужень былъ жезлъ, потому что достаточно было слова, и еще рѣже нужно было употреблять сѣченіе, потому что достаточно было жезла, поражающаго слегка.

Но для чего мнѣ описывать вамъ сего мужа? Его описалъ уже Павелъ, частію, когда восхваляетъ (Евр. 4, 14.) *Архіерея велика, прошедшаго небеса* (да дерзнетъ и на сіе мое слово; потому что Писаніе называетъ Христами живущихъ по Христѣ!), — частію, когда въ посланіи къ Тимоѳею даетъ ему законъ, изображая словомъ, каковъ долженъ быть предназначенный для епископства (1 Тим. 3, 1—7.). Ибо если законъ сей какъ правило приложишь къ похваляемому въ этомъ именно отношеніи; то ясно увидишь его прямизну.

Приступите же со мною къ прославленію Аѳанасія и подайте помощь мнѣ, который затрудняюсь въ словѣ, и желая большую часть преидти молчаніемъ, останавливаюсь на каждомъ его дѣяніи, не умѣя отыскать превосходнѣйшаго, какъ трудно бываетъ это находить въ тѣлѣ, со всѣхъ сторонъ одинаково и иречно отдѣланномъ; ибо что ни представится, все то оказывается прекраснымъ, всѣмъ тѣмъ увлекается слово. Итакъ пусть раздѣлитъ со мною его доблести всякій, кто хочетъ быть вѣщателемъ ему похвалъ и свидѣтелемъ; пусть всѣ вступятъ въ прекрасное другъ съ другомъ состя-

заніе — мужи и жены, юноши и дѣвы, старцы съ юными, священники и народъ, отшельники и подвижающіеся въ общежитіи, любители простоты и строгой точности, ведущіе жизнь созерцательную и дѣятельную! Пусть восхваляютъ — кто какъ-бы безплотность и невещественность его въ пощеніяхъ и молитвахъ, а кто бодрость и неутомимость во бдѣніяхъ и псалмопѣніяхъ, одинъ предстательство за нуждающихся, другой противоборство превозносящимся, или снисходительность къ смиреннымъ; дѣвы — невѣстоводителя, супруги — наставника цѣломудрію, пустынножители — окрыляющаго, пребывающіе въ общежитіи — законодателя, любители простоты — руководителя, ведущіе жизнь созерцательную — богослова, живущіе въ веселіи — узду, бѣдствующіе — утѣшителя, сѣдина — жезль, юность — дѣтвованіе, нищета — снабдителя, обиліе — домостроителя! Думаю, что и вдовы восхвалятъ покровителя, сироты — отца, нищія — нищелюбца, странныя — страннолюбца, братія — братолюбца, больные — врача, подающаго всякое врачевство и отъ всякой болѣзни, здравые — охранителя здравія и всѣ — *всѣмъ бывшаго вся* (1 Кор. 9, 22.), да всѣхъ, или какъ можно большее число людей, пріобрѣщеть.

Итакъ все сіе, какъ сказалъ я, пусть почтять удивленіемъ и похвалами другіе, у кого столько досуга, чтобы дивиться и малымъ его совершенствамъ! А когда называю малыми, говорю сіе, сравнивая его съ нимъ же самимъ, и сличая доблести его съ егоже собственными. Ибо *не прославился, какъ сказано, прославленное*, сколько оно ни славно, *за превосходящую славу* (2 Кор. 3, 10.). Между

тѣмъ и не многихъ изъ его доблестей достаточно было бы другимъ для прославленія. Но мнѣ, которому не позволительно, оставивъ слово, заняться чѣмъ-либо маловажнымъ, и въ его совершенствахъ надобно обратиться къ главнѣйшему. Впрочемъ сказать что-нибудь достойное его краснорѣчія и душевныхъ качествъ есть дѣло Божіе, а для Бога и сіе слово.

Процвѣтали и прекрасно текли нѣкогда наши дѣла; тогда во Дворы Божіи не имѣло доступа это излишнее, сладкорѣчивое и ухищренное богословствованіе. Напротивъ того, сказать или услышать о Богѣ что-нибудь новое и удовлетворяющее одному любопытству, значило тоже, что играть въ камни и скоростію ихъ перекидыванія обманывать зрѣніе, или забавлять зрителей разнообразными и женоподобными движеніями тѣла. Простота же и благородство слова почитались благочестіемъ. Но послѣ того какъ Сексты и Пирроны и охота къ словопреніямъ, подобно какой-то тяжелой и злокачественной болѣзни, вторглись въ наши церкви, пустословіе стали почитать ученостію, и, какъ въ книгѣ Дѣяній говорится объ Аевинянахъ (17, 21.), мы ни во что же ино упражняемся, развѣ глаголати что или слышати новое; съ сего времени какой Іеремія, одинъ умбѣющій составить плачь равномерный страданіямъ, оплатетъ нашъ позоръ и омраченіе! Начало сему бѣшенству положилъ Аріи (в), со-

---

(в) Имя *Αρειος* — Аріи можетъ означать неистоваго, изступленнаго.

именный умоизступленію, который и понесъ наказаніе за необузданность языка, по дѣйствию молитвы, а не по болѣзни, пріавъ конецъ жизни въ нечистомъ мѣстѣ, и разсѣдшись, какъ Іуда, за равное съ нимъ предательство Слова. А другіе, наследовавъ сей недугъ, составили изъ нечестія науку; они, ограничивъ Божество Нерожденнымъ, изгнали изъ Божества не только Рожденнаго, но и Исходящаго, чествуя Троицу однимъ общеніемъ имени, или даже и того не соблюдая. Но не такъ училъ сей блаженный, по-истинѣ Божій человекъ и великая труба истины. Зная, что Трехъ сокращать въ одно число безбожно и есть нововведеніе Савеллія, который первый выдумалъ такое сокращеніе Божества, а также Трехъ раздѣлять по естеству значить вводить въ Божество странное сѣченіе, — онъ и прекрасно соблюлъ единое относительно къ Божеству, и благочестно научилъ признавать Трехъ, относительно къ личнымъ свойствамъ, не сливъ Ихъ во-едино, и не раздѣливъ на трехъ, но пребывъ въ предѣлахъ благочестія чрезъ избѣжаніе какъ излишней преклонности къ тому или другому, такъ и излишняго сопротивленія тому и другому. И симъ, во-первыхъ, на святомъ Соборѣ въ Никее, среди сего числа избранныхъ мужей, которыхъ Духъ Святыи собралъ во-едино, онъ, сколько зависѣло отъ него, прекратилъ недугъ. И хотя не былъ еще возведенъ въ санъ Епископа, однако же удостоенъ первенства между собравшимся; ибо добродѣтель уважалась не менѣе степеней.

Потомъ, когда зло было вновь оживлено дуповеніемъ лукаваго, и объяло большую часть вселенной

(съ сего времени открываются предо мною дѣйствія, наполнившія собою почти всю сушу и море): тогда на Аѳанасія, какъ мужественнаго поборника Слова, воздвигается сильная брань (ибо на того болѣе и нападаютъ, кто болѣе противится), и отсюду новыя и новыя устремляются на него бѣды; потому что нечестіе изобрѣтательно на зло и нападаетъ съ крайнею дерзостію. Да и могли ли щадить людей не пощадившіе Божества? Особенно одно изъ нападений было очень жестоко. И я въ этомъ дѣлѣ имѣю свою часть (г). Но да извинять въ этомъ любезную страну—отечество! Въ зломъ дѣлѣ виновны не страна насъ произведшая, но сами избравшіе зло; она священна и всякому извѣстна своимъ благочестіемъ, а сіи недостойны Церкви, ихъ породившей. Вы слыхали, что и въ виноградникѣ родится терніе, что Иуда, одинъ изъ учениковъ, сталъ предателемъ. Иные не прощаютъ вины соименному мнѣ (д), который, изъ любви къ наукамъ проживая тогда въ Александріи, и благосклонно принятый Аѳанасіемъ, какъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ дѣтей пользуясь весьма великимъ у него довѣріемъ, замыслилъ, какъ говорятъ, возстать противъ отца и покровителя. И хотя дѣйствовали другіе, однако же съ ними была, что называется, рука Авесса-

---

(г) Какъ родившійся въ Каппадокіи, изъ которой происходилъ нѣкто Георгій, одинъ изъ враговъ Аѳанасіевыхъ, о которомъ будетъ говорено въ продолженіи слова.

(д) Григорію, который, по изгнаніи Св. Аѳанасія Аріанами, былъ избранъ въ Архіепископа Александрійскаго, но сведень съ престола Аріанами и замѣщенъ Георгіемъ Каппадокіецемъ.

ломля (2 Цар. 18, 18.). Если кто изъ васъ знаетъ эту руку, за которую оклеветали Святаго, и сего живаго мертвеца (е), и это несправедливое изгнаніе; то пойметъ, о чемъ говорю. Впрочемъ охотно предамъ сіе забвенію. По моему разсужденію, въ дѣлахъ подлежащихъ сомнѣнію надобно преклоняться къ челоуѣколюбію, и болѣе извинять, нежели обвинять подвергаемыхъ обвиненію; потому что злему очень легко обвинить и добраго, а доброму трудно обвинить и злаго. Кто нерасположенъ къ злу, тотъ неспособенъ и къ подозрѣнію.

Но вотъ уже не слово, а дѣло; не подозрѣніе, оставшееся безъ изслѣдованія, но достовѣрное и оглашенное происшествіе. Одно Каппадокійское чудовище, явившееся съ дальнихъ предѣловъ нашей страны, худое родомъ, еще худшее сердцемъ, по происхожденію не вполне свободное, но нѣчто смѣшанное, подобно тому, что знаемъ о мулахъ, — челоуѣкъ, который сначала прислуживалъ за чужимъ столомъ, продавши себя за кусокъ хлѣба, привыкъ все дѣлать и говорить для чрева, потомъ, къ несчастію, домогся общественной службы, и получилъ въ оной самое послѣднее мѣсто — пріемщика сви-

---

(е) Аріане, изъ ненависти къ Св. Аванасію, у кого-то, живаго или мертваго, отсѣкли руку, и представивъ ее въ судъ, клеветали на святаго, что онъ отсѣкъ сію руку у одного умерщвленнаго имъ Александрійскаго клирика Арсенія, и посредствомъ ея производилъ чары. Между тѣмъ Арсеній удалень былъ Аріанами изъ города. Но когда дошла до него вѣсть о томъ, въ чемъ обвиняютъ Св. Аванасія, немедленно явился въ судъ, и изблгичилъ лжецевъ.

ныхъ мясь, какими питается войско, но и здѣсь употребилъ довѣренность во зло и служилъ только чреву,—когда у него было все отнято, замышляетъ бѣгство, и переходя изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, какъ свойственно бѣглецамъ, наконецъ, къ общему вреду Церкви, подобно одной изъ Египетскихъ язвъ, достигаетъ Александріи. Здѣсь прекращается его скитаніе и начинается злокозненность. Хотя въ другихъ отношеніяхъ не заслуживалъ онъ никакого вниманія, не зналъ свободныхъ наукъ, не имѣлъ ни пріятности въ бѣсѣдѣ, ни даже вида и пустой личины благочестія, однако же всѣхъ былъ искуснѣе строить козни и приводить дѣла въ замѣшательство. Всѣ вы знаете и сами можете рассказать, сколько дерзостей учинилъ онъ противъ Святаго (ж). Ибо не рѣдко и праведники предаются въ руки нечестивыхъ, — не къ славіи нечестивыхъ, но для испытанія праведныхъ. И хотя, по Писанію, лукавіи смертію лютою погибнуть, обаче въ настоящей жизни посьмѣваются благочестивымъ (Іов. 9, 23.), доколѣ сокрыты и милость Божія, и великія сокровищницы уготованнаго тѣмъ и дугимъ въ-послѣдствіи, когда и слово и дѣло и помышленіе будутъ взвѣшены на праведныхъ вѣсахъ Божіихъ; когда Богъ возстанетъ судить землю, соберетъ намѣренія и дѣла, и обнаружитъ все, что у Него запечатлѣно и соблюдено.

Въ семь да убѣдитъ тебя Іовъ и словомъ и стра-

(ж) Аванасія.

даніями своими. Онъ былъ *человѣкъ истиненъ, непороченъ, праведенъ, богочестивъ* (Іов. 1, 1.) и проч., какъ свидѣтельствуесть о немъ Писаніе; однако же испросившій его (з) поражаетъ столь многими, непрерывными и щедрыми ударами, что изъ великаго множества во всѣ времена злострадавшихъ и, какъ вѣроятно, несшихъ тяжелыя бѣдствія никто не сравнитъ несчастій своихъ съ Іовлевыми. Ибо у Іова не только деньги, имущество, благочадіе и многочадіе, — что для всякаго челоуѣка весьма дорого, не только, говорю, отъемлется все это, и при непрерывности бѣдствій нѣтъ времени слезамъ, но на послѣдокъ самое тѣло поражено неизцѣльною и отвратительною для взора язвою, а въ дополненіе несчастія есть жена, подающая совѣты на худшее, старающаяся вмѣстѣ съ тѣломъ поразить и душу; есть искреннѣйшіе друзья, утѣшители золь, какъ самъ онъ говоритъ (Іов. 16, 2.), а не податели врачевства, которые видятъ страданія, но, не зная тайны страданій, признаютъ бѣдствіе его не испытаніемъ добродѣтели, но наказаніемъ за грѣхи, и не только содержатъ сіе въ мысляхъ, но не стыдятся даже укорять его самымъ несчастіемъ, тогда какъ надлежало бы облегчить скорбь словами утѣшенія, ^{если бы Іовъ страдалъ и за грѣхи.} Такъ было съ Іовомъ; таково начало дѣла его; это была борьба добродѣтели и зависти; зависть усиливалась препобѣдить добро, а добродѣтель, чтобы остаться непобѣдимую, все переноси-

---

(з) То-есть діаволь.

ла; одна подвизалась изъ-того, чтобы проложить путь пороку наказаніемъ благоуспѣвшихъ; а другая изъ-того, чтобы поддержать добрыхъ, имѣющихъ преимущество и въ самыхъ несчастіяхъ. Чтò же Вѣщающій къ нему *сквозь бурю и облаки* (Іов. 38, 1.), Медленный въ наказаніи и Скорый на помощь, *не оставляющій* вовсе жезла *гршннхъ на жребіи праведныхъ* (Пс. 124, 3.), дабы не научились праведные беззаконію? — При концѣ подвиговъ громкимъ провозглашеніемъ вызываетъ подвижника и открываетъ тайну поразившаго его удара, говоря: *мниши ли Мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишися правдивъ?* (Іов. 40, 3.). Таково врачество отъ ранъ! таковъ вѣнецъ за подвиги! такова награда за терпѣніе! А послѣдовавшее за симъ можетъ-быть и маловажно, хотя для нѣкоторыхъ кажется великимъ, да и совершенно Промысломъ ради людей малодушныхъ, хотя и съ усугубленіемъ получаетъ Іовъ потерянное.

Посему и здѣсь неудивительно, что Георгій превозмогъ Аѳанасія; напротивъ-того удивительнѣе было бы, если бы праведникъ не вынесъ испытанія въ огнѣ клеветы. Даже и сіе не очень удивительно, а удивительнѣе то, что пламени сего достаточно было къ произведенію большаго. Аѳанасій удаляется оттуда, и самымъ бѣгствомъ пользуется, какъ можно лучше. Ибо поселяется въ священныхъ и божественныхъ обителяхъ Египетскихъ отшельниковъ, которые, разлучившись съ міромъ и возлюбивъ пустыню, живутъ для Бога, посвятивъ Ему себя болѣе всѣхъ пребывающихъ во плоти. Одни изъ нихъ ведутъ совершенно уединенную жизнь

безъ сообщенія съ людьми, бесѣдуютъ единственно съ самими собою и съ Богомъ, и то одно почи-
таютъ міромъ, что знаютъ о немъ въ пустынѣ. Другіе, своею общительностію выполняя законъ любви, вмѣстѣ пустынники и общежительные; для прочихъ людей и вещей, для всего, что кружится передъ нами, то увлекая, то увлекаясь и обольщая насъ быстрыми перемѣнами,—они умерли, а другъ для друга составляютъ цѣлый міръ, взаимнымъ примѣромъ поощряя другъ друга къ добродѣтели. Съ ними бесѣдуя великій Аѳанасій, какъ и для всѣхъ другихъ былъ онъ посредникомъ и примирителемъ, подражая *Умиротворившему кровію Своею* то, что было весьма разлучено (Кол. 1, 20.), такъ примиряетъ и пустынножительство съ общежитіемъ, показавъ, что и священство совместно съ любомудріемъ (и) и любомудріе имѣетъ нужду въ тайноводствѣ; ибо въ такой мѣрѣ согласилъ между собою то и другое и соединилъ въ-одно какъ безмолвное дѣланіе, такъ и дѣятельное безмолвіе, что убѣдилъ поставлять монашество болѣе въ благонаравіи, нежели въ тѣлесномъ удаленіи отъ міра. Почему и великій Давидъ былъ сколько дѣятельнѣйшій, столько и самый уединенный человѣкъ, если въ подтвержденіе нашего слова сильно и несомнѣнно сказанное имъ: *единъ есмь азъ, дондеже преиду* (Пс. 140, 10.). Такимъ образомъ превосходящіе другихъ добродѣтелию были ниже Аѳанасія разумнѣемъ въ большей мѣрѣ, нежели въ какой превосходили другихъ, и не многое принося отъ себя

(п) Созерцательною и подвижническою жизнью.

къ совершенію священства, гораздо болѣе сами заимствовали къ усовершенію любомудрія. То для нихъ было закономъ, что онъ одобрялъ, и все то опять отвергалось ими, чего онъ не одобрялъ; его опредѣленія служили для нихъ Моисеевыми скрижалями; къ нему болѣе имѣли почитанія, нежели сколько люди должны имѣть къ святымъ. И когда явились къ нимъ преслѣдовавшіе Святаго, какъ звѣря, послѣ того какъ всюду искали его и не находили: тогда они не удостоили посланныхъ даже однимъ словомъ, но преклоняли выи свои подъ мечи, какъ-бы бѣдствуя за Христа; и претерпѣть за Аѳанасія что-либо самое тяжкое почитали величайшимъ приобрѣтеніемъ для любомудрія, ставили это гораздо богоугоднѣе и выше продолжительныхъ постовъ, возлежанія на голой землѣ и другихъ злостраданій, какими они всегда услаждаются. Такова была тогдашняя жизнь Аѳанасія; онъ оправдывалъ собою слова Соломона, который любомудрствовалъ, что есть *время всякой вещи* (Еккл. 3, 1.). Посему и скрылся онъ не надолго, пока продолжалась брань, чтобы явиться съ наступленіемъ мира, что и исполняется въ скоромъ времени.

А Георгій, не видя уже ни отъ кого противодѣйствія, обтекаетъ Египеть, покоряетъ силѣ нечестія Сирію, захватываетъ, сколько могъ, и Востокъ. Какъ ручьи принимаютъ въ себя всѣ стоки, такъ и онъ собираетъ къ себѣ все немощное, — нападая на людей болѣе легкомысленныхъ или робкихъ; овладѣваетъ простотою царя (i) (такъ назову его легко-

---

(i) Констанція.

вѣріе, уваживъ усердіе къ Вѣрѣ; потому что, если говорить правду, онъ имѣлъ ревность, но не по разуму. Римл. 10, 2.); и какъ всюду пролагало ему путь достояніе нищихъ, употребляемое на худыя дѣла, подкупаетъ нѣкоторыхъ вельможъ — болѣе златолюбивыхъ, нежели Христолюбивыхъ, особливо же между ними людей женоподобныхъ, мужей по имени, не имѣющихъ въ себѣ ничего мужскаго, сомнительныхъ родомъ, но отъявленныхъ нечестіемъ (к), которымъ Римскіе государи, повѣряя дѣла женскія, не знаю какъ и почему, вручаютъ вмѣстѣ и дѣла мужскія. Такъ усилился сей служитель лукаваго, свѣтель плевель, предтеча антихристовъ! Вмѣсто языка употреблялъ онъ краснорѣчивѣйшаго изъ тогдашнихъ Епископа (если угодно назвать краснорѣчивымъ сего не столько защитника нечестія, сколько нашего врага и состязателя; — об имени его умолчу охотно); а самъ служилъ своему скопищу вмѣсто руки, и истину ниспровергалъ золотомъ, которое собиралось на дѣла благочестивыя, но злонамѣренными людьми обращено было въ орудіе нечестія. Слѣдствіемъ сего преобладанія былъ соборъ, составленный прежде въ Селевкии, во храмъ Святой и доблественной Дѣвы Феоклы, а потомъ въ семь великомъ городѣ (л); и городамъ, славившимся прежде доблестями, далъ именитость дѣлами позорными этотъ столпъ Халанскій (Быт.

(к) Георгій дорогими подарками привлекъ на свою сторону Евнуха Евсевія, главнаго начальника при Императорскомъ Дворѣ и ляннаго Аріанина. (л) Въ Константинополь.

10, 10. 11, 2—9.), благовременно раздѣлившій языки (о если бы раздѣлили и ихъ языки; потому что согласіе у нихъ на зло!), — это Каиафино соборище, на которомъ осуждается Христосъ, — или какъ иначе должно назвать сей соборъ, все извратившій и приведшій въ замѣпательство. Онъ разрушилъ древнее и благочестивое исповѣданіе Троицы, подкопавъ и какъ-бы стѣнобитными орудіями потрясши Единосушіе, а вмѣстѣ отверзъ дверь нечестію неопредѣленностію написаннаго, подъ предлогомъ уваженія къ Писанію и употребленію давно принятыхъ наименованій, въ дѣйствительности же, чтобы вмѣсто ихъ ввести неписанное (*ἀγραφοι*) аріанство. Ибо слова: подобенъ по писаніямъ (м), для простихъ служили приманкою, покрывавшею уду нечестія, — изображеніемъ, которое смотритъ въ глаза всякому мимоходящему, — обувію, сшитою на обѣ ноги, — вѣяніемъ при всякомъ вѣтрѣ (Сир. 5, 11.). Онъ основывалъ права свои на новописанномъ злоухищреніи (н), на клеветѣ противъ истины; ибо они были мудры на злыя дѣла, но не умѣли дѣлать добра. Отсюда то хитро придуманное осужденіе еретиковъ, которыхъ они отлучили на словахъ, чтобы замысль свой сдѣлать привлекательнымъ, а въ самомъ дѣлѣ выставляли только на видъ, обви-

---

(м) Слова символа Аріанскаго.

(н) По изъясненію Никиты, Констанцій, по внушенію Аріанъ, написавъ, что слово: подобный, значить тоже, что единосущный, а потому не вредитъ благочестію, если кто употребляетъ то или другое слово. Аріане воспользовались симъ противъ истиннаго ученія.

нивъ не за тяжкое нечестіе, а за чрезмѣрную охоту писать (о). Отъ-сего непосвященные стали судіями преподобныхъ, произошло новое смѣшеніе, — въ собраніяхъ народныхъ разсматриваются предметы священно-таинственные; отъ-сего незаконное изслѣдованіе жизни (п), наемные доносчики и судъ по договору; одни несправедливо свергаются съ престоловъ, другіе возводятся на ихъ мѣсто, и у сихъ какъ чего-то необходимаго требуютъ рукописаній нечестія, и чернилы готовы и доносчикъ подлѣ. Сему подверглись весьма многіе изъ насъ, даже люди самые твердые; они не мысля пали, но согласились на письмѣ, вступили въ единеніе съ лукавыми и въ мысляхъ и на письмѣ, и сдѣлались причастниками, если не огня, то по крайней мѣрѣ — дыма.

Я не рѣдко проливалъ слезы, представляя себѣ тогдашнее разлитіе нечестія и нынѣ возставшее гоненіе на правое слово отъ предстателей слова. Подлинно, обезумѣли пастыри, по написанному: Пастыріе мнози растлиша виноградъ Мой, посрамили часть желаемую (Іер. 12, 10.), — то-есть Церковь Божію, собранную многими трудами и жертвами, закланными до Христа и послѣ Христа, и великими страданіями за насъ самого Бога. За исключеніемъ весьма немногихъ, которые или

(о) Такъ на Константинопольскомъ соборѣ Аріанами осужденъ былъ Сиріянинъ Аэтія за тщеславіе и за чрезмѣрную склонность къ спорамъ въ сочиненіяхъ. Theodorit. Histog. Eccl. 1. 2. с. 28.

(п) То-есть изслѣдованіе жизни Епископовъ людьми мірскими.

обойдены по своей малозначительности, или противостали своими доблестями и должны были остаться для Израиля сѣменемъ и корнемъ, чтобы снова возникнуть и оживотвориться потоками духа, всѣ покорились обстоятельствамъ времени, съ тѣмъ только различіемъ, что одни подверглись сему прежде, другіе послѣ. Одни стали поборниками и покровителями нечестія, другіе заняли второстепенныя мѣста, и были или поражены страхомъ, или порабощены нуждою, или уловлены ласкательствомъ, или вовлечены по невѣдѣнію, что составляетъ меньшую вину, если для ксго достаточно и сего къ извиненію тѣхъ, которымъ ввѣрено попеченіе о народѣ. Ибо какъ не одинаковы стремленія у львовъ и у другихъ животныхъ, а равно у мужей и женъ, у старыхъ и юныхъ, напротивъ-того не мало различія въ каждомъ возрастѣ и полѣ: такъ есть разность между начальниками и подчиненными. Можетъ-быть извинили бы мы простолюдиновъ, если бы съ ними случилось это; ихъ часто спасаетъ невнимательность: но какъ простимъ это учителю, который, если только не лжеименный, долженъ помогать въ невѣдѣніи другимъ? Если всякому, сколько бы кто ни былъ грубъ и невѣжественъ, непростительно не знать какого-либо Римскаго закона, и если нѣтъ такого закона, который бы покрывалъ сдѣланное по невѣдѣнію: то не странно ли тайноводствующимъ ко спасенію не знать началъ спасенія, хотя бы они во всемъ другомъ были и очень просты и не глубокаго ума? Впрочемъ пусть получаютъ извиненіе тѣ, которые послѣдовали нечестію по невѣдѣнію. Что же скажешь о прочихъ, которые сами себя приписываютъ прони-

цательность, и по сказаннымъ выше причинамъ уступили превозмогающей силѣ, которые долго представляли изъ себя людей благочестивыхъ, а какъ скоро встрѣтилось нѣчто изобличающее, тотчасъ преткнулись. Слышу сказанное въ Писаніи, что *еще единожды потрясутся небо и земля* (Агг. 2, 7.), — какъ будто бы съ ними было уже это нѣкогда прежде, и думаю, что симъ означается славное обновленіе всѣхъ вещей. Должно вѣрить и Павлу, который говоритъ, что послѣднее потрясеніе есть не иное что, какъ второе Христово пришествіе, претвореніе и преложеніе настоящей вселенной въ состояніе неподвижности и непоколебимости (Евр. 12, 26. 27.). Но и настоящее сіе потрясеніе, какъ разсуждаю, ничѣмъ не меньше прежде бывшихъ, потому что имъ отторгнуты отъ насъ всѣ любомудрые, боголюбивые и заранѣе сожителствующіе съ горними мужи, которые, хотя во всемъ другомъ мирны и умѣренны, однако же не могутъ перенести съ кротостію, когда молчаніемъ предается Богъ, и даже дѣлаются при семъ весьма браннолюбивыми и неодолимыми (ибо таковъ жаръ ревности), и готовы скорѣе испровергнуть, чего не должно, нежели пренебречь должное. За ними устремляется не малое число и народа, подобно стаду птицъ, улетаю за улетѣвшимъ впередъ, и даже теперь не перестаютъ улетать.

Вотъ что значилъ для насъ Аѳанасій, пока онъ былъ броней Церкви, и вотъ что вышло, когда онъ уступилъ навѣтамъ лукавыхъ! Намѣревающіеся овладѣть какою-нибудь твердою крѣпостію, когда видятъ, что она неприступна и не можетъ быть

взята обыкновенными средствами, прибѣгаютъ къ хитрости. И чтоже дѣлають? привлекають на свою сторону деньгами или обманомъ начальника крѣпости, и тогда безъ всякаго уже труда овладѣвають ею. Или, если угодно, злоумышлявшіе противъ Сампсона сперва обрѣзали у него волосы, въ которыхъ заключалась его сила, потомъ взяли уже Судію и наругались надъ нимъ, какъ хотѣли, и столько же властительски, какъ онъ обходился прежде съ ними. Такъ поступили и наши иноплеменники; сперва исторгли у насъ нашу силу, остригли славу Церкви, и потомъ уже насладились догматами и дѣлами нечестія.

Въ сіе время подпора и покровитель (р) враждебнаго намъ пастыря (с) преселяется изъ здѣшней жизни, положивъ худой конецъ нехудому царствованію, но принесши, какъ сказываютъ, бесполезное раскаяніе при послѣднемъ издыханіи, когда всякій бываетъ искреннимъ судією самого себя, по причинѣ ожидающаго тамъ судилища. Ибо слѣдующія три дѣла сознавалъ онъ худыми и недостойными своего царствованія: умерщвленіе родственниковъ (т), возвышеніе Цезаремъ отступника (у) и нововведенія въ Вѣрѣ; и, какъ сказываютъ, съ словами раскаянія кончилъ онъ жизнь. Тогда снова воспріемлетъ права свои слово истины, утѣсенные

(р) Констанцій.

(с) Георгія Каппадокіянина.

(т) Не воспрепятствовалъ, когда могъ, умерщвленію брата Константина, и самъ велѣлъ умертвить Юліанова брата Галла.

(у) Юліана.

получаютъ полную свободу, между тѣмъ какъ ревность раздражаетъ гнѣвъ, и народъ Александрійскій узнаетъ на опытѣ, каковъ онъ противъ оскорбителей. Жители Александрии не стерпѣли необузданности челоуѣка (ф) и предали позору пороки его необычайною смертію, а смерть необычайными поруганіями. Вамъ извѣстны и этотъ верблюдъ, и странная ноша, и новое возвышеніе, и первое, а думаю, и единственное шествіе — грозныя и донынѣ для притѣснителей (х). Когда же эта буря неправды, этотъ растлитель благочестія, предтеча лукаваго пріемлетъ наказаніе, по моему мнѣнію, не заслуживающее одобренія (потому что надобно было смотрѣть не на то, что ему надлежало претерпѣть, а на то, что намъ слѣдовало сдѣлать): тогда подвижникъ (ц) возвращается изъ прекраснаго странствованія (такъ назову бѣгство его за Троицу и вмѣстѣ съ Троицею). Съ такою радостію срѣтается онъ жителями города (ч) и едва не всѣмъ Египтомъ, вездѣ и отсюду, даже съ крайнихъ пре-

---

(ф) Георгія еретика.

(х) Александрійскіе граждане, умертвивъ Георгія, разрубили тѣло его на части и возили по городу на верблюдѣ. Замѣчательно то, что Юлианъ въ письмѣ къ Александрійцамъ (у Никифора кн. 10. гл. 7.), изъявляя гнѣвъ свой на нихъ за таковой поступокъ, не упоминаетъ объ участіи въ ономъ Христіанъ; а Св. Епифаній (Том. I. кн. 3) явно приписываетъ его язычникамъ; да и Марцеллинъ (кн. 21.) потому только заключаетъ о согласіи на сіе Христіанъ, что они не воспрепятствовали язычникамъ.

(ц) Св. Аванасій.

(ч) Александрии.

дѣловъ стекающимся, что одни желаютъ насладиться единымъ голосомъ, а другіе лицедрѣніемъ Аѳанасія, иные же, какъ извѣстно объ Апостолахъ (Дѣян. 5, 15.), освятиться одною тѣнію его, симъ новымъ образомъ тѣла. И потому хотя много многимъ неоднократно во всѣ времена воздано уже почестей и сдѣлано встрѣчъ, не только народнымъ правителямъ и іереямъ, но и частнымъ лицамъ чѣмъ-нибудь прославившимся; однако же не запомнятъ ни объ одной встрѣчѣ, которая была бы многолюднѣе и блистательнѣе настоящей. Одно только можно примѣнить къ сей встрѣчѣ—самого Аѳанасія и ему же оказанную прежде почесть, при прежнемъ его вступленіи въ Александрію, когда возвращался изъ такого же, по тѣмъ же причинамъ случившагося бѣгства.

Носится и слѣдующая молва о сей почести (хотя бы и излишнимъ было пересказывать оную, но присовокуплю къ слову какъ-бы нѣкоторую сладость и лишній цвѣтъ). Послѣ вшествія Аѳанасіева въ городъ, вѣзжалъ одинъ ипархъ, вторично вступавшій въ сію должность. Онъ былъ нашъ, то-есть Каппадокіянинъ, и человекъ знаменитый (конечно вы догадываетесь, что говорю о Филагріи); его любили, какъ рѣдко любятъ, и какъ не любили ни кого другаго; почесть ему воздана соотвѣтственно любви и (чтобы выразить это короче) со всѣми знаками уваженія; начальство ему ввѣрялось въ другой разъ по просьбѣ города и по опредѣленію царскому. При семъ случаѣ нѣкто изъ народа, вида неисчетное множество людей, подобное морю, необъятному для взора, какъ говорятъ, спрашивалъ

(что и часто бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ) одного своего знакомаго и друга: скажи, почтеннѣйшій, видалъ ли ты когда-нибудь, чтобы столько народа и съ такимъ воодушевленіемъ стекалось для оказанія почести одному человѣку? Никогда, отвѣчалъ юноша; напротивъ того, мнѣ кажется, что и самъ Констанцій ни удостоился бы такой почести. А именемъ царя хотѣлъ онъ означить самую высшую почесть. Но первый, съ особенною пріятностію и удовольствіемъ разсмѣявшись, возразилъ: что ты мнѣ говоришь, какъ будто рассказывая о чемъ-то великомъ и удивительномъ? Думаю, что и Аѳанасій Великій едва-ли входилъ съ такимъ торжествомъ. И въ подтвержденіе словъ своихъ присовокупилъ одну изъ употребительныхъ клятвъ. А симъ (что, думаю, и вамъ понятно) хотѣлъ онъ выразить, что похваляемаго нынѣ Аѳанасія почитаетъ выше и самаго царя. Таково было общее уваженіе къ сему мужу, таково и донинѣ удивленіе къ воспоминаемому его вшествію. Ибо жители города, раздѣлившись по пѣламъ, возрастамъ и занятіямъ (въ такомъ обыкновенно располагаются порядкѣ, особенно Александрійцы, когда воздаютъ кому всенародную почесть), составляли изъ себя (какъ изобразить словомъ великое сіе зрѣлище?) одну рѣку. А поэтъ сказалъ бы, что это подлинно златоструйный и доброкласный Ниль, текущій обратнo изъ города въ Херею на разстояніе, какъ думаю, однодневнаго пути и далѣе.

Позвольте мнѣ еще нѣсколько насладиться повѣствованіемъ. Тамъ присутствую мысленно, и не легко отвлеку слово отъ сего торжества. Онъ вѣз-

жалъ на жребяти и почти такъ же (не укорите меня въ безуміи), какъ мой Иисусъ—на жребяти осли (Іоан. 12, 15.), другое ли что хочетъ называть симъ Слово, или народъ языческій, на которомъ благотворно возсѣдаетъ Иисусъ, разрѣшивъ его отъ узъ невѣдѣнія. Но Иисуса пріемлютъ на себя древесныя вѣтви, также повергаемыя на землю и постилаемыя многоцвѣтными и испещренными одеж-
ды. И симъ только не былъ почтенъ, въ этомъ одномъ не сравненъ высокій и многоцѣнный мужъ; между тѣмъ какъ вшествіе его изображало собою вшествіе Христово. И предъ нимъ были взывающіе и предходящіе; кромѣ того, что не одно множество дѣтей восхваляло его, но всякій согласный и несогласный языкъ старавшихся превзойти другъ друга въ похвалахъ. Не буду уже говорить о всенародныхъ рукоплесканіяхъ, объ изліяніи благово-
ній, о всенощныхъ бодрствованіяхъ, объ освѣщеніи цѣлаго города, объ общественныхъ и частныхъ пиршествахъ и о всемъ прочемъ, чѣмъ только города изъявляютъ свою радость. Все это было тогда принесено въ даръ ему въ преизбыткѣ и свыше всякой мѣры. Такъ и съ такимъ торжествомъ чудный Аѳанасій вступаетъ въ свой городъ!

Ужели же онъ жилъ, какъ прилично было предстоятелю многочисленнаго народа, но училъ, не какъ жилъ? или подвизался, не какъ училъ? или подвергался бѣдствіямъ менѣе кого-нибудь изъ подвизавшихся за слово? или почтенъ меньше, нежели сколько заслуживали его подвиги? или по вшествіи помрачилъ чѣмъ-нибудь славу, пріобрѣтенную при вшествіи? Ни мало; напротивъ того въ немъ все

одно другимъ поддерживалось, и какъ въ одной лирѣ, все одинаково было настроено — и жизнь, и ученіе, и подвиги, и бѣдствія, и что оказано ему при возвращеніи, и что совершенно имъ по возвращеніи. Онъ вступаетъ въ управленіе Церковію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не испытываетъ на себѣ того же, что бываетъ съ людьми, которыхъ ослѣпляетъ немѣренность гнѣва, и которые, покорясь его владычеству, изгоняютъ и ниспровергаютъ все, на первый разъ имъ встрѣтившееся, хотя бы оно и стоило пощады. Напротивъ того разсуждая, что теперь всего благовременнѣе заслужить ему одобреніе (потому что злостраждущій всегда бываетъ умѣреннѣе, а получившій возможность воздать зломъ за зло мнѣе соблюдаетъ умѣренности), такъ кротко и снисходительно обходится съ оскорбившими его, что даже и для нихъ самихъ, можно сказать, не было неприятно Аѳанасіево возвращеніе. Онъ очищаетъ Святилище отъ корчемствующихъ святынею хриstopродавцевъ, чтобы и въ этомъ стать подражателемъ Христовымъ, впрочемъ совершаетъ сіе не свитымъ изъ вервій бичемъ (Іоан. 2, 15.), но убѣдительнымъ словомъ. Онъ примиряетъ другъ съ другомъ и съ собою безпокойныхъ, не потребовавъ къ тому посредниковъ, освобождаетъ отъ притѣсненій терпѣвшихъ обиды, не разбирая, держался ли кто его или противной стороны, возставляетъ падшее ученіе. Снова свободно исповѣдуется Святая Троица, поставленная на свѣщникѣ, и блистательнымъ свѣтомъ Единаго Божества осіявающая души всѣхъ. Снова даетъ онъ законы вселенной; обращаетъ къ себѣ умы всѣхъ, къ однимъ пишетъ

посланія, другихъ призываетъ къ себѣ, а иные приходятъ непризванные и получаютъ назиданіе. Всѣмъ же предлагаетъ онъ одинъ законъ,—свободное произволеніе; ибо сего одного почиталъ достаточнымъ руководствомъ къ совершенству. Кратко сказать: онъ подражаетъ свойствамъ двухъ похвальныхъ камней; для поражающихъ служить адамантомъ, а для мятежниковъ—магнитомъ, который неизъяснимою силою естества привлекаетъ желѣзо и приспособляетъ къ себѣ самое твердое изъ веществъ.

Но зависть (ш) не могла терпѣливо видѣть, что Церковь весьма скоро, подобно тѣлу, заживила разсѣченные члены и достигла прежней славы и древняго благосостоянія; посему противъ Аѳанасія возстаетъ царя (щ), подобно себѣ, отступника, равнаго злобою и уступающаго только во времени. Онъ первый изъ Христіанскихъ царей, вставъ противъ Христа и вдругъ изринувъ изъ себя василиска нечестія, которымъ давно мучился, какъ скоро настало благопріятное время, вмѣстѣ провозглашается самодержцемъ, и оказывается злымъ противъ царя, вѣрившаго ему царскую власть, а еще злѣйшимъ противъ Бога, его спасаго. Онъ вымышляетъ гоненіе лютѣйшее изъ всѣхъ, когда-либо бывшихъ, потому что, присоединивъ къ мучительству убѣжденіе (такъ какъ хотѣлъ лишитъ страждущихъ и чести, приобретаемой подвигами), приводитъ въ колебаніе самое ревностное мужество, тѣ обороты и хитро-

---

(ш) Діавола.

(щ) Юліана.

сплетенія, какія употребительны въ рѣчи, внося въ самую нравственность, или, справедливѣе сказать, дѣлая совершенно безнравственными, даже заботясь о семъ и подражая многокозненности обитавшаго въ немъ лукаваго. Онъ почиталъ маловажнымъ дѣломъ покорить своей волѣ весь родъ Христіанскій, а великимъ — восторжествовать надъ Аѳанасіемъ и надъ тою силою, какую имѣлъ онъ въ нашемъ ученіи. Ибо видѣлъ, что не успѣетъ въ своемъ замыслѣ противъ насъ, пока Аѳанасій — въ полномъ вооруженіи и готовъ дать ему отпоръ; потому что оскуднѣніе Христіанъ всегда восполнялось присоединяющимися изъ язычниковъ и (что по-истинѣ удивительно) его благоразуміемъ. Все это разумѣя и видя, сей страшный лжеумствователь и гонитель не остается долѣе подъ личиною и въ хитромъ самопринужденіи, но, обнаруживъ свое лукавство, явно изгоняетъ Аѳанасія изъ города; потому что сему добльственному побѣдителю надлежало достигнуть полной славы послѣ троекратной борьбы. По прошествіи немногаго времени Правосудіе Божіе, предавъ злочестиваго царя Персамъ, тамъ совершаетъ надъ нимъ судъ, и увлеченнаго туда любочестіемъ возвращаетъ мертвымъ, ни въ комъ не возбужающимъ сожалѣнія; даже, какъ слышалъ я отъ кого-то, его не приняла могила, но отвергла и съ пламенемъ изринула поколебавшаяся ради его земля, въ чемъ вижу начало тамошняго мученія.

Но возстаетъ другой царь (ъ), *не безсраменъ ли-*

(ъ) Ювиніанъ.

цемъ (Дан. 8, 23.), подобно предшествовавшему, и не угнетающей Израиля тяжкими дѣлами и пристравниками, а напротивъ того весьма благочестивый и кроткій. Онъ, желая положить прочнѣйшее основаніе своему царствованію и управленію по добрымъ законамъ начать, съ чего надлежало, съ одной стороны возвращаетъ изъ заточенія Епископовъ, какъ всѣхъ вообще, такъ прежде другихъ превосходившаго всѣхъ добродѣтелию и за благочестіе подвергшагося явному гоненію, а съ другой стороны истину Вѣры нашей, которую многіе разоряли, затмѣвали, раздробили на множество толковъ и частей, старается дознать, чтобъ особенно весь міръ, сколько можно, привести въ согласіе и единеніе, содѣйствіемъ Святаго Духа; въ противномъ же случаѣ, чтобы по крайней мѣрѣ ему самому держаться лучшаго исповѣданія, сдѣлать оное господствующимъ и себѣ заимствовать отъ него силу, — такъ возвышенно и достолюбно разсуждалъ онъ о наиважнѣйшихъ предметахъ! Здѣсь-то наипаче и обнаружилась въ Аѳанасіи чистота и твердость вѣры во Христа. Ибо когда всѣ прочіе, исповѣдовавшіе наше ученіе, раздѣлились на три части, и многіе въ ученіи о Сынѣ, а большее число въ ученіи о Духѣ Святомъ (гдѣ и придержаться нѣсколько нечестія почиталось благочестіемъ) заражены были недугомъ, и только не многіе о томъ и другомъ учили здраво, онъ первый, и одинъ, или съ весьма не многими, дерзнулъ стать за истину ясно и открыто, на письмѣ исповѣдавъ единое Божество и единую сущность трехъ (Лицъ); и что прежде даровано было великому числу Отцевъ утвердить въ догма-

тѣ о Сынѣ, то онъ богодухновенно преподавъ въ послѣдствіи о Духѣ Святомъ, принесши царю подлинно царскій и великолѣпный даръ, то-есть письменное исповѣданіе благочестія (ы) вопреки написанному (ь) нововведенію, чтобы препобѣждены были Царемъ царь, Словомъ—слова, письменемъ—письмена.

Устыдившись сего исповѣданія, какъ думаю, тѣ, въ комъ на Западѣ и на Востокѣ оставались еще признаки жизни, одни, если вѣрить собственнымъ ихъ словамъ, преклонились мыслию къ благочестію, но не простерлись далѣе, какъ мертвое порожденіе, лишившееся жизни еще въ матерней утробѣ; другіе, подобно искрѣ, воспламенились нѣсколько, чтобы удовлетворить обстоятельствамъ времени, или ревностнѣйшимъ изъ православныхъ и боголюбивымъ изъ народа; а нѣкоторые осмѣлились стать за истину. Къ послѣдней сторонѣ присоединился бы и я (ибо не смѣю похвалиться чѣмъ-либо большимъ) не для того, чтобы пристроить свою робость (таково расположеніе ума въ людяхъ наиболѣе слабыхъ; а мы довольно уже строили, не приобрѣтая чужаго, и губя свое, какъ подлинно худые домостроители), — но плодъ свой произвести на свѣтъ, съ заботливостію воспитать и представить взорамъ всѣхъ непрестанно усовершенствующимся.

(ы) То-есть или символъ Вѣры, известный подъ именемъ Аѳанасіева, или исповѣданіе, представленное Аѳанасіемъ Іовиніану, о которомъ смотр. у Теодорита Церк. Истор. кн. 4 гл. 2 и 3.

(ь) По другимъ чтеніямъ вмѣсто написанный (*дурафон*) читается (*дурафон*) писменный. Въ обоихъ случаяхъ разумется аріанское вѣроученіе.

Это еще одинъ изъ его подвиговъ, меньше достойный удивленія. Ибо что удивительнаго, если самымъ дѣломъ подвергавшейся бѣдствіямъ за истину, исповѣдалъ ее письменно? Но что наиболѣе убѣждаетъ меня удивляться сему мужу, о чемъ и умолчать не лзя безъ вреда, особенно въ такое время, когда возникаетъ много разногласій; то присовокуплю къ сказанному. Да послужитъ дѣяніе сіе урокомъ и для нашихъ современниковъ, если только захотимъ подражать ему. Ибо какъ отъ почерпнутой воды отдѣляется не только оставшееся внѣ почерпнувшей руки, но и вытекающее сквозь пальцы изъ держаемаго рукою: такъ и отъ насъ отсѣкаются не одни нечестивые, но даже и благочестивые, и не только ради догматовъ неважныхъ, которые не стоили бы и спора (что было бы еще не такъ тяжело), но даже ради рѣченій, заключающихъ въ себѣ одинъ и тотъ же смыслъ. Ибо когда благочестно употребляемъ рѣченія: одна сущность и три Упостаси, изъ коихъ первое означаетъ естество Божества, а послѣднее—личныя свойства (*ιδιότητες*) Трехъ, и когда Римляне, одинаково съ нами разумѣя, по бѣдности своего языка и по недостатку наименованій, не могутъ различить сущности отъ Упостаси, и потому замѣняютъ слово: Упостаси, словомъ: лица, дабы не подать мысли, что они признаютъ три сущности: тогда что изъ сего выходитъ? Нѣчто весьма достойное смѣха или сожалѣнія. Сіе маловажное состязаніе о звукахъ показалось разностию Вѣры. Потомъ въ—слѣдствіе споровъ о семъ произошло то, что въ рѣченіи: три лица, открытъ Савелліанизмъ, и въ реченіи: три

упостаси, — Аріанизмъ. Чтожъ далѣе? По мѣрѣ того какъ съ каждымъ днемъ прибавлялось что — нибудь хотя нѣсколько огорчительное (такъ какъ споръ всегда производитъ огорченія), настаетъ опасность, что вмѣстѣ съ слогами расторгнутся и концы вселенной. Все это видя и слыша, сей блаженный, какъ истинно Божій человекъ и великій строитель душъ, не призналъ должнымъ оставить безъ вниманія столь неумѣстное и безразсудное сѣченіе слова, но употребляетъ свое врачество противъ такого недуга. Какъ же онъ производитъ сіе? Со всею кротостію и человекюлюбіемъ пригласивъ обѣ стороны, и строго изслѣдовавъ смыслъ рѣченій, когда нашелъ ихъ не отступающими отъ здраваго ученія, и ни мало не разнствующими въ понятіи, предоставляетъ имъ употребленіе разныхъ именованій, связуетъ же во-едино самымъ именуемымъ. Это полезнѣе продолжительныхъ трудовъ и рѣчей, какія всякій уже передаетъ писанію, и къ которымъ бываетъ нѣсколько присоединено честолюбія, и отъ сего можетъ-быть вводится ими нѣчто и новое въ самомъ ученіи. Это предпочтительнѣе многихъ бдѣній, возлежаній на голой землѣ, которыя приносятъ пользу только упражняющимся въ оныхъ. Это равняется достославнымъ изгнаніямъ и неоднократному бѣгству самого Аѳанасія. Ибо за чтò рѣшился онъ терпѣть сіи изгнанія, то самое заботился исполнить по претерпѣніи.

Съ такимъ постоянствомъ дѣйствовалъ онъ и на другихъ, кого похваляя, а кого умѣренно наказывая: однихъ возбуждая въ медлительности, въ другихъ обуздывая горячность, обѣ иныхъ заботясь,

чтобы какъ-нибудь не пали, а инымъ подавая средства по паденіи исправиться. Нравомъ былъ простъ въ управленіи многообразенъ, мудръ въ словѣ, еще премудрѣе разумомъ, тихошественъ со смиряющимися, возвышенъ съ высокопарными; гостепріименъ, заступникъ просящихъ, отвратитель золь, дѣйствительно въ одномъ себѣ совмѣщавшій все то, что язычники приписывали по частямъ которому-либо изъ своихъ боговъ. Присвоюю еще, что онъ былъ покровителемъ супружества, другомъ дѣвства, блюстителемъ и возстановителемъ мира, путеказателемъ для отходящихъ изъ сей жизни. О, сколько наименованій представляютъ Аѳанасіевы добродѣтели мнѣ, желающему наименовать сего мужа за каждую его доблесть! Поелику же провелъ онъ такую жизнь, такъ былъ наученъ и училъ, что дѣла и нравы его служатъ правиломъ для Епископовъ, а догматы его закономъ для православія: то какую приѣмлетъ награду за благочестіе? — Ибо не должно ничего оставлять безъ вниманія. *Въ старости блазъ* (1 Пар. 29, 28.) оканчиваетъ онъ жизнь и прилагается къ отцамъ своимъ — Патріархамъ, Пророкамъ, Апостоламъ и Мученикамъ, подвизавшимся за истину. И скажу краткое надгробіе: при исходѣ его воздается ему болѣе почестей, нежели при вшествіяхъ. Много пролито о немъ слезъ; но въ сердцѣ cadaго осталась о немъ слава, превышающая все видимое.

О любезная и священная глава! ты, который сверхъ прочихъ своихъ совершенствъ, особенно уважалъ мѣру въ словѣ и молчаніи, положи здѣсь конецъ и моему слову; хотя оно скудно предъ

истиною дѣлъ твоихъ, однако же не имѣеть недостатка въ сравненіи съ моими силами. А самъ милостиво призри свыше на насъ, на сей народъ, и его управь такъ, чтобы онъ былъ совершеннымъ поклонникомъ совершенной Троицы, умосозерцаемой и почитаемой во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ: а насъ, если времена будутъ мирны, сохрани, сопастырствуя съ нами; а если настанутъ брани, изведи отсель, или возьми и поставь съ собою и съ подобными тебѣ (хотя и слишкомъ велико просимое мною) въ самомъ Христѣ Господѣ нашемъ, Которому всякая слава, честь, держава во вѣки, аминь.

С Л О В О 22,

О МИРѢ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ ОБЩЕМЪ СОБРАНИИ ЕДИНОВѢРНЫХЪ, ВЫВШЕМЪ ПОСЛѢ ПРИМИРЕНІЯ.

Ревность пламенна; духъ кротокъ; любовь милосерда, или, лучше сказать, она есть самое милосердіе; надежда долготерпѣлива. Ревность воспламеняетъ; духъ дѣлаетъ кроткимъ; надежда ожидаетъ; любовь связуетъ и не даетъ разсѣиваться тому, что есть въ насъ прекраснаго; хотя по природѣ мы и разсѣянны. Съ любовію бываетъ одно изъ трехъ: она или, пребывая въ сердцѣ, постоянна; или, колебавшись, возстановляется; или, удалившись, возвращается. Она подобна растеніямъ, которыя, если насильно согнуть ихъ руками и потомъ оставить на свободѣ, опять разгибаются и приходятъ въ прежнее положеніе; чѣмъ и обнаруживаютъ въ себѣ то свойство, что насиліемъ можно ихъ нагнуть, но не выпрямить. Правда, что порокъ по природѣ намъ подрученъ, и стремленіе къ худому сильно: это потокъ, который падаетъ съ стремнины; это тростникъ, который при вѣтрѣ легко загорается отъ искры, весь обращается въ пламень и истребляется вмѣстѣ съ своимъ порожденіемъ; ибо огонь есть

порожденіе вещества, истребляетъ его, какъ порокъ порочныхъ, но и самъ исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что его питало. Но если бы кто-либо снискалъ навыкъ къ чему-либо доброму, и усвоилъ себѣ это: то для него труднѣе уже будетъ пасть, нежели какъ въ-началѣ было сдѣлаться добрымъ; потому что всякое добро, утвержденное временемъ и разсудкомъ, обращается въ природу; какъ и сія любовь, которая въ насъ, и съ которою совершаемъ мы служеніе любви истинной, и возлюбленной и избранной нами въ руководство для цѣлой жизни.

Итакъ гдѣ же наблюдающіе тщательно за нашими дѣлами (хорошо, или худо онѣ идутъ), наблюдающіе не для того, чтобы разсудить, но чтобы осудить, наблюдающіе не потому, что принимаютъ участіе, но потому, что радуются злу, на доброе клеветуютъ, а худое выставляютъ на позоръ, и въ ранахъ ближняго ищутъ извиненія собственнымъ порокамъ? Пусть судили бы они справедливо! По пословицѣ, и желчь была бы иногда пригодна, если бы опасеніе отъ враговъ могло сдѣлать насъ болѣе осторожными. Но теперь судятъ они съ неприязнію и злобою, омрачающею разсудокъ; а потому и порицаніе ихъ не имѣетъ никакого вѣроятія. Итакъ гдѣ они, равно ненавидящіе Божество и насъ?— Изъ всѣхъ нашихъ злостраданій славнѣе тѣ, которыя терпимъ ради Бога. Гдѣ сіи снисходительные судіи собственныхъ дѣлъ и строгіе истязатели чужихъ, чтобы и въ этомъ солгать истинѣ? Гдѣ вы, которые сами покрыты глубокими ранами, а насъ укоряете за всякій багровый знакъ, сами подвергаетесь паденіямъ, а насъ осмѣиваете и за преткно-

веніе, сами утопаете въ грязи, и радуетесь увидѣвъ на насъ пятно, сами слѣпотствуете отъ бревень въ глазахъ, а намъ ставите въ вину имѣть спицу, которая не производитъ большой боли, пока она въ глазѣ, и которую не трудно вынуть изъ глаза, или сдунуть съ него? Будьте теперь причастниками нашихъ таинъ; васъ призываемъ въ сонмъ свой, и ненавидимые (какая самонадѣянность, или какое дерзновеніе!) предаемъ себя на судъ врагамъ, чтобы вамъ остаться посрамленными и побѣжденными, когда самый недугъ нашъ (что можетъ быть страннѣ сего?) убѣдитъ васъ въ нашемъ здоровіи. Ибо не въ ученіи о Божествѣ было у насъ разномысліе, но подвизались мы за благочиніе, и спорили не о томъ, которое изъ нечестивыхъ ученій предпочесть должно, — то ли, которымъ сокращается Божество, или то, которымъ отсѣкается отъ Божіей сущности или одинъ Духъ, или съ Духомъ и Сынъ; спорили, говорю, не о томъ, принять ли одну или двойную мѣру нечестія. Но таковы (кратко говоря) нынѣшніе недуги; потому что нынѣ полагаютъ *восхожденія въ сердце свое* (Пс. 63, 6.), но не исповѣданія, а отреченія, не богословія, но богохульства; нынѣ всѣ одинъ другаго расточительнѣе въ богатствѣ нечестія, какъ будто не нечестія боятся, но того, чтобы не стать умѣреннѣе и челоуѣколюбивѣе другихъ. А мы поступаемъ не такъ. Напротивъ того въ ученіи о Божествѣ (если не много будетъ сказать это) мы столько же единомышленны и согласны, сколько и Божество Само съ Собою. Мы стали *устны едины и гласъ едины* (Быт. 11, 1.), но не для такой

цѣли, для какой въ древности созидавшіе столпъ; они были единомышленными на зло, а мы пользуемся единомысліемъ для всего добраго, чтобы единомушно и едиными устами славить Отца и Сына и Святаго Духа, чтобы о насъ можно было сказать, *яко воистину съ нами есть Богъ* (1 Кор. 14, 23.), соединяющій соединяющихъ и прославляющій прославляющихъ Его, и не только можно было сказать сіе, но и повѣрить сему.

Но есть нѣчто, въ чемъ и мы не соглашались. Не спорю, что и сіе худо; ибо не надлежало бы давать какъ лукавому доступа или повода, такъ и злымъ языкамъ свободы. Впрочемъ не столько худо, какъ представляется нашимъ клеветникамъ. Поелику намъ, какъ людямъ, свойственно было и погрѣшить въ чемъ — нибудь: то вотъ нашъ проступокъ — мы были весьма пастырелюбивы, и не умѣли рѣшить, которое изъ двухъ благъ предпочтительнѣе, пока не согласились равно уважить то и другое. Такова наша вина; за сіе пусть укоряетъ, или прощаетъ насъ кто хочетъ. На это одно могутъ опереться еретики. Кромѣ же сего ничего не найдете, хотя бы и очень желали. *Мухи умершія и загнившія сгноютъ елей*, говоритъ нѣкто (Екклес. 10, 1.); но зависть не можетъ повредить добру, хотя и захочетъ; ибо истина, какъ разсуждаю съ Ездрую, крѣпче паче всѣхъ (2 Ездр. 4, 35.).

Такимъ образомъ мы сами собою прекратили и будемъ прекращать собственныя свои несогласія; ибо не возможно, чтобъ отцы немилостиво судили дѣтей, особливо при посредствѣ обще-исповѣдуемой Троицы, за Которую воздвигаютъ на насъ

бравъ, и для Которой мы сами не будемъ вступать въ брань. Поручителемъ же мира я — человекъ столь малый для такого дѣла; потому что *Господь смиреннымъ даетъ благодать*, а высокихъ смиряетъ до земли (Іак. 4, 6. Пс. 146, 6.). Но что изъ сего вамъ, общіе наши примирители (ибо вы дѣйствительно наши примирители, и невольно оказываете намъ такую милость)? Если мы погрѣшаемъ въ чемъ-нибудь большомъ или маломъ; то вы отъ сего не дѣлаетесь благочестивыми. Напротивъ того, какъ мы не стоимъ похвалы за худое, если когда падаемъ: такъ вы остаетесь не менѣ нечестивыми, хотя и мы согрѣшаемъ, — даже еще болѣе, потому что съ нами падающими поступаете жестоко.

Но чтобы вы могли видѣть наше во всемъ единомысліе, а изъ сего заключить, что мы и всегда будемъ единомышленными; хотя въ семь, какъ думаю, увѣрило и видимое — и праводушный отецъ и благопокорный сынъ, вмѣстѣ возсѣдающіе, служащіе другъ другу украшеніемъ, и въ васъ воспламенившіе ту искру благочестія и единокровія, какая только есть; однакоже да убѣдитъ въ томъ и слово. И какъ вы слышали уже одного (а) (ваше удивленіе доселѣ оглашаетъ слухъ мой, а сокровенное въ сердцахъ, очень знаю, еще больше и того, что излилось въ воздухъ); такъ услышите опять и меня, если снова желаете слышать, и если комунибудь изъ васъ недостаточными доказательствами кажутся и проповѣданное неоднократно, и тѣ иску-

---

(а) Родителя Св. Григорія Богослова.

иенія, тѣ метанія камнями, которыя я уже претерпѣлъ, и готовъ еще претерпѣть, почитаю для себя потерю не страданія, но лишеніе страданій, тѣмъ болѣе когда вкусилъ уже бѣдствій за Христа, и приобрѣлъ отъ нихъ прекрасный плодъ — приумноженіе людей сихъ. Итакъ чего хотите? Убѣдились ли вы этимъ? И мнѣ не нужно прилагать новыхъ трудовъ, не нужно въ другой разъ богословствовать? Вы пощадите мою немощь, по которой и сіе едва говорю вамъ? Или для васъ, какъ для людей имѣющихъ тяжелый слухъ, надобно многократно повторять одно и то же слово, чтобы, при постоянномъ напряженіи голоса, сказать наконецъ въ уши слышащихъ? Мнѣ кажется, что вы молчаніемъ своимъ вызываете слово; ибо молчаніе, по пословицѣ, есть знакъ согласія. Итакъ примите слово обоихъ, отъ единого сердца и изъ единыхъ устъ.

Скорблю о томъ, что не могу, взошедши на одну изъ высокихъ горъ, голосомъ, соответствующимъ желанію, предъ цѣлою вселенной, какъ среди общаго позорища, возгласить во услышаніе всѣмъ не благочестиво мыслящимъ: *сынове чловѣчестіи, доколь тлжкосердіи; вскую любите суету и ищите лжи* (Пс. 4, 3.)? Для чего вводите не одно простое Божіе естество, но или три, между собою разъединенныя и расторгенныя, даже (не странно будетъ сказать) взаимно противоборствующія по причинѣ то излишествъ, то недостатковъ, или хотя и одно, но скудное, заключенное въ тѣсныя предѣлы, не имѣющее свойства быть началомъ чего-либо великаго, потому что Оно не можетъ, или не хочетъ сего, и не хочетъ по двумъ причинамъ: или изъ зависти, или

изъ страха;—изъ зависти, чтобы не сопривзошло чего-либо равночестнаго, изъ страха, чтобы не произошло враждебнаго и противоборствующаго? А между тѣмъ сколько Богъ досточестнѣ тварей, столько причинѣ первой Причинѣ быть началомъ Божества, а не тварей, столько причинѣ при посредствѣ Божества нисходить Ей до тварей, а не напротивъ, ради тварей созидаться Божеству, какъ угодно думать умамъ чрезъ - мѣру пытливымъ и высокопарнымъ (б). Ибо ежели, исповѣдуя достоинство Сына и Духа, станемъ или признавать Ихъ безначальными, или возводить къ иному началу (в): то по-истинѣ опасно, чтобы или не обезчестить тѣмъ Бога, или не допустить чего-либо богопротивнаго. Если же (сколько ни возвышаешь Сына и Духа,) не ставишь Ихъ выше Отца, то не устраняешь Ихъ отъ Причины, а напротивъ того къ Ней возводишь и благое рожденіе и чудное исхожденіе.

Спрошу у тебя, любитель нерожденія и безначалія: кто болѣе безчеститъ Бога, тотъ ли, кто почитаетъ Его началомъ такого Сына и такого Духа, какими ты признаешь Ихъ, или кто исповѣдуетъ Его началомъ не такого Сына и не такого Духа, но подобныхъ Ему по естеству и равныхъ въ славѣ, какими исповѣдуетъ Ихъ наше ученіе? Но для

(б) Таково было богохульное ученіе Аріанъ, утверждавшихъ, что Сынъ сотворенъ для насъ, что чрезъ Него, какъ чрезъ орудіе, Богъ сотворилъ насъ, и если бы Богу не угодно было сотворить насъ, то не было бы и Сына. Шикизъоръ кн. 8. гл. 8.

(в) А не къ Отцу.

тебя много, очень много чести, имѣть у себя сына, даже тѣмъ больше, чѣмъ совершеннѣе подражаетъ онъ во всемъ отцу, и служить точнымъ образомъ родителя. И не такъ охотно согласился бы ты стать господиномъ тысячи рабовъ, какъ родителемъ одного сына. Ужели же для Бога есть что-либо выше чести быть Отцемъ Сына, Который служить къ усугубленію, а не къ уменьшенію Его славы, равно какъ и быть Изводителемъ Духа? Развѣ не знаешь, что, Начало (разумѣю Начало Сына и Духа) признавая началомъ тварей, не чтишь самага Начала и безчестишь Исходящихъ изъ Начала? Не чтишь Начала, потому что полагаешь Его Началомъ чего-то такого, что мало и не достойно Божества. Безчестишь и Исходящихъ изъ Начала, потому что дѣлаешь Ихъ малыми и не только тварями, но даже чѣмъ-то такимъ, что малочестнѣе самыхъ тварей, если Они для тварей только существуютъ, а нѣкогда не существовали, какъ и художническаго орудія не бываетъ прежде художниковъ, даже вообще не существовали бы, если бы Богу (какъ будто для Него не довольно только захотѣть) не стало угодно сотворить что-нибудь чрезъ Нихъ. Ибо все, что бываетъ для чего-нибудь другаго, малочестнѣе того, для чего оно бываетъ. Но я, вводя начало Божества невременное, неотлучное и безпредѣльное, что и Начало, а равно и Исходящихъ изъ Начала, — первое, потому что Оно начало таковыхъ Исходящихъ, и послѣднихъ, потому что Они такъ, такими и изъ такого исходятъ Начала, неотдѣльны отъ Него ни временемъ, ни естествомъ, ни достоинствомъ Имъ поклоненіемъ, суть съ Нимъ едино —

но (хотя и необыкновененъ такой образъ выраженія) раздѣльно, раздѣльны съ Нимъ — но соединенно, не менѣе досточтимы — представляемые и познаваемые, какъ во взаимномъ между Собою соотношеніи, такъ и Каждый Самъ по Себѣ, — совершенная Троица изъ Трехъ совершенныхъ. Ибо Божество выступило изъ единичности по причинѣ богатства, преступило двойственность, потому что Оно выше матеріи и формы, изъ которыхъ состоятъ тѣла, и опредѣлилось тройственностію (первымъ, что превышаетъ составъ двойственности), по причинѣ совершенства, чтобы и не быть скуднымъ и не разлиться до безконечности. Первое показывало бы нелюбообщительность, послѣднее — безпорядокъ; одно было бы совершенно въ духѣ Иудейства, другое — язычества и многобожія.

Беру въ разсмотрѣніе и то (а такое сужденіе мое, можетъ — быть, не совсѣмъ незрѣло и просто, но напротивъ того очень основательно), что для тебя нѣтъ опасности признавать Сына рожденнымъ; потому что Нерожденный, не будучи тѣломъ, и раждая, не терпитъ чего-либо свойственнаго тѣлесному и вещественному. Даже и общія понятія о Богѣ дозволяютъ приписывать Ему рожденіе. Для чего же тамъ бояться страха, гдѣ нѣтъ страха (Пс. 13, 5.), и держаться нечестія, какъ говорится, изъ ничего? — Напротивъ того я опасуюсь, что исказимъ понятіе о Божествѣ, если допустимъ въ Божество тварь. Ибо сотворенный не Богъ, и сослужебный намъ не Владыка; хотя приписываютъ Ему первенство между рабами и тварями, и въ этомъ одномъ оказываютъ снисходительность къ Оскорбляемому.

Но лишаящій должной чести, не столько чествуетъ тѣмъ, что воздаеть, сколько безчестить тѣмъ, что отъемлетъ, хотя воздаваемое и имѣеть видъ почести.

И если воображаешь, что при рожденіи имѣють мѣсто страсти: то думаю, что онѣ имѣють мѣсто и при твореніи. Даже не знаю, какъ творимое можетъ быть сотворено безстрастно. Если же (Сынъ) и нерожденъ, и не сотворенъ: то договаривай уже и остальное (г) ты, дерзающій выговорить почти тоже самое, когда именуешь Его тварію. Для твоей дерзости, злый цѣнитель и судія Божества, пѣтъ ничего недоступнаго и неприкосновеннаго. Тебѣ нечѣмъ болѣе прославиться, развѣ тѣмъ, чтобы, какъ можно далѣе, отстранить Бога отъ владычества, что властолюбцы и лихоимцы дѣлають съ людьми ихъ слабѣйшими.

А я буду повторять одно и то же, притомъ краткое, изрѣченіе: Троица воистинну есть Троица, братія. Но слово: троица, означаетъ не счетъ вещей неравныхъ (иначе что препятствуетъ, слагая съ тѣмъ или другимъ числомъ вещей, именовать десяткомъ, сотнею, десяткомъ тысячъ; такъ какъ вещей, числомъ изображаемыхъ, много, даже болѣе показаннаго теперъ), но совокупность равныхъ и равночестныхъ; при чемъ наименованіе соединяетъ то, что соединено по естеству, и не дозволяетъ, чтобы съ распаденіемъ числа разрушилось неразрушимое.

Такъ мы разсуждаемъ и такъ содержимъ; о взаимномъ же отношеніи и порядкѣ въ Троицѣ остав-

---

(г) То-есть, что Сынъ не существуетъ.

ляемъ вѣдать Ей единой и тѣмъ изъ очищенныхъ, которымъ сама Троица благоволилъ открыть се или нынѣ, или въ-послѣдствіи. А сами знаемъ, что одно и тоже естество Божества, познаваемое въ Безначальномъ, въ рожденіи и исхожденіи (какъ-бы въ умѣ, который въ насъ, въ словѣ и духѣ, поколику чувственному уподобляется духовное, и малому высочайшее, тогда какъ никакой образъ не достигаетъ вполнѣ до истины). Знаемъ, что Оно Само съ Собою согласно, всегда тождественно, безколичественно, невременно, несозданно, неописуемо, никогда не было и не будетъ Само для Себя недостаточнымъ. Знаемъ, что Оно есть жизни и жизнь, свѣты и свѣтъ, блага и благо, славы и слава, Истинное и Истина и Духъ истины, святыхъ и источникъ святыхъ, каждая (умопредставляемая особа, поколику умъ раздѣляетъ и нераздѣльное) есть Богъ и всѣ три (умопредставляемая вмѣстѣ) также Богъ, по тождеству движенія и естества. Знаемъ, что Оно ничего не оставило выше Себя, и не превзошло что-либо иное, ибо и не было ничего такого; знаемъ, что Оно ничего послѣ Себя не оставитъ и не превзойдетъ, ибо и не будетъ ничего такого; знаемъ, что Оно не допускаетъ ничего равночестнаго съ Собою, потому что ни одно изъ существъ сотворенныхъ, служебныхъ, соучаственныхъ и ограниченныхъ не достигаетъ до Естества несозданнаго, владычественнаго, дѣлающаго другихъ Своими причастниками, и безпредѣльнаго. Ибо однѣ изъ тварей совершенно удалены отъ Него; другія же приближены къ Нему нѣсколько и будутъ приближаться, но не по своему естеству, а по прича-

стію Его естества, и притомъ тогда только, когда доброе порабощеніе Троицы содѣлается чѣмъ-то высшимъ рабства; если уже не составляетъ свободы и царства то самое, чтобы хорошо познавать владычество, впрочемъ, по низости ума, не смѣшивать того, что имѣетъ между собою разстояніе. А для кого такъ высоко рабство, для того чѣмъ будетъ владычество? Ежели и познаніе есть блаженство (Іоан. 17, 3.), то каково Познаваемое? — Къ сему ведетъ насъ великая тайна! Къ сему ведетъ вѣра въ Отца и Сына и Святаго Духа и въ общее имя! Къ сему ведутъ возрожденіе, отреченіе отъ безбожія и исповѣданіе Божества — сего общаго имени! Почему, безчестить или отдѣлять Единого изъ трехъ — значитъ безчестить исповѣданіе, то-есть, и возрожденіе, и Божество, и обоженіе, и надежду. Видите, что даруетъ намъ Духъ, исповѣдуемый Богомъ, и чего лишаетъ — отвергаемый. Умалчиваю уже о страхѣ и о гнѣвѣ, какой угрожаетъ не чтущимъ, но безчестящимъ Духа (Матѣ. 12, 32.).

Такъ, сколько можно короче, излагаю вамъ наше любу мудріе — догматически, а не состязательно, по способу Рыбарей, а не Аристотеля, духовно, а не хитро-сплетенно, по уставамъ Церкви, а не торжища, для пользы, а не изъ тщеславія, чтобы вы, противъ насъ проповѣдующіе въ народныхъ собраніяхъ и въ семъ одномъ единомышленные, узнали, что мы едино мыслимъ, единымъ духомъ воодушевлены и дышемъ, и чтобы уже не собирали, какъ голодные, и не разсѣивали нашихъ маловажныхъ (не знаю какъ назвать) паденій или дѣтскихъ проступковъ. Ибо верхъ бѣдствія — находить себѣ

защиту не въ собственной крѣпости, но въ чужемъ безсиліи.—Вотъ предъ вашими взорами мы подаемъ другъ другу десницы! Вотъ дѣла Троицы, согласны нами славимой и покланяемой! И васъ да содѣлаетъ сіе болѣе снисходительными и православными!—О, если бы мы были услышаны! О, если бы день сей содѣлался нарочитымъ, святымъ, днемъ не пререканія, но умирения, не памятникомъ искушенія, но торжествомъ побѣднымъ, чтобы наше взаимное единомысліе и единомысліе почти цѣлой вселенной, гдѣ одни доселѣ пребыли здоровыми, другіе почти возвратились къ здоровію, а иные начинаютъ возвращаться,—и для васъ послужило виною спасенія и возсозданія!

Святая, достопокланяемая и долготерпѣливая Троица!—Долготерпѣливая; ибо столько времени являла Свое долготерпѣніе къ разсѣкающимъ Тебя! Троица, Которой служителемъ и нелицемѣрнымъ проповѣдникомъ и я сподобился быть уже съ давняго времени! Троица, Которую всѣ познають нѣкогда—или просвѣщенные, или наказанные Тобою! Пріими въ число Своихъ поклонниковъ и сихъ нынѣ оскорбляющихъ Тебя, да не утратимъ мы ни единого, даже изъ малыхъ, хотя бы мнѣ надлежало утратить нѣчто изъ благодати (не дерзаю сказать всего, что сказалъ Апостоль Римл. 9, 3.)!

Но для васъ неприятно сіе, болѣзнуетъ языкъ и мучится возраженіемъ? Разсмотрю со временемъ и возраженіе ваше, или разсмотрятъ его тѣ, у кого болѣе, нежели у меня, времени. Узнаемъ и прекрасныя ваши порожденія или исчадія; когда, жесткимъ и твердымъ словомъ разбивъ и сокрушивъ

лица аспидска (Ис. 59, 5.), покажемъ, что онѣ пусты и надуты однимъ воздухомъ, и обнаружимъ, какой кроется въ нихъ *василискъ* нечестія, — *василискъ*, но уже мертвый, несовершенный, недвижущійся, умершій въ мукахъ рожденія, и прежде, нежели родился, не существовавшій (говорю вашими словами, чтобы сказать что-нибудь и вамъ угодное), сколько ненавистный въ своемъ зачатіи, столько же жалкій и при изверженіи на свѣтъ. А сіе, сколько знаю, даруетъ намъ Тотъ, Кто далъ власть *наступать на аспида и василиска* (Пс. 90. 13.), и попирать змievъ и скорпионовъ (Лук. 10, 19.), Кто *сокрушитъ подъ ноги наша вскорѣ* (Рим. 16, 20.) и *сатану*, или по причинѣ прежней свѣтозарности, *яко молнію съ небесе спадша* (Лук. 10, 18.), или потому что въ-послѣдствіи онъ сдѣлался изогбеннымъ и превратился въ пресмыкающагося, подобно змію бѣгающаго, — сокрушитъ, чтобы и намъ успокоиться нѣсколько отъ бѣдъ, какъ нынѣ, такъ и въ-послѣдствіи, когда совершенно отбѣжитъ отъ насъ и болѣзнь, и печаль, и воздыханіе, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

С Л О В О 23,

О МИРѢ, ГОВОРЕННОМЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ ПО СЛУЧАЮ РАСПРИ, ПРОИСШЕДШЕЙ ВЪ НАРОДѢ О НѢКОТОРЫХЪ НЕСОГЛАСНЫХЪ МЕЖДУ СОВОЮ ЕПИ-СКОПАХЪ.

Любезный миръ, — вождельный дѣломъ и именовъ, который подалъ я нынѣ людямъ, и получилъ въ-замѣнъ, не знаю, искренній ли отъ всѣхъ и достойный Духа гласъ, или народный только договоръ (къ вицшему нашему осужденію!), нарушаемый предъ свидѣтелемъ Богомъ! Любезный миръ — мой трудъ и моя похвала, о которомъ слышимъ, что онъ Божій, что Богъ есть его Богъ, и что самъ Богъ имъ именуется, какъ въ слѣдующихъ словахъ: *Миръ Божій* (Филип. 4, 7.); *Богъ мира* (2 Кор. 13, 11.); *Той есть миръ нашъ* (Ефес. 2, 14.), — и котораго мы при всемъ этомъ не уважаемъ! Любезный миръ — благо весьма восхваляемое и не многими хранимое, — гдѣ ты скрывался отъ насъ столько времени, и когда возвратишься къ намъ? Весьма сильно и болѣе всякаго другаго люблю и лобызаю тебя, заботливо храню, когда ты съ нами, и

многими слезами и рыданіями призываю, когда оставляешь насъ. Не взывали такъ — ни патріархъ Іаковъ къ Іосифу, проданному братьями, а по мнѣнію отца, похищенному звѣремъ, — ни Давидъ къ другу своему Іонаѳану, падшему во брани, а въ послѣдствіи къ сыну Авессалому. Одинъ, истерзанный горестію въ родительскомъ сердцѣ, вопіялъ: *звѣрь восхити Іосифа* (Быт. 37, 33.), звѣрь лютый и неукротимый, и положивъ передъ собою окровавленную одежду сына, обнималъ ее вмѣсто сыновняго тѣла, въ одномъ и томъ же находя и пищу и облегченіе скорби. Другой то проклинаетъ горы, на которыхъ происходила брань, взывая: «горы Гелвуйскія, да не падетъ на васъ ни дождь, ни роса! какъ сокрушился лукъ Іонаѳановъ и сила его!» то оправдываетъ отцеубійцу, какъ-бы ничѣмъ не оскорблялъ онъ отца, и примиряется съ мертвымъ, можетъ-быть и потому сѣтуя о сынѣ, что онъ занесъ руку на отца. Таково родительское сердце! — Кого на брани отражалъ какъ врага, того по смерти оплакиваетъ какъ друга. Природа всего могущественнѣе; она препобѣждаетъ и вражду.

Достойно сожалѣнія, что Кивотъ задержанъ иноплемениками, что Іерусалимъ сравненъ съ землею и попирается язычниками, что сны Сіона, драгоценныя и цѣнимыя на вѣсь золота, отведены въ плѣнъ, доселѣ въ разсѣяніи и составляютъ народъ чуждый въ мірѣ и скитающійся. Горестно и то, что видимъ и слышимъ нынѣ: отеческіе грады ниспровергнуты, тысячи людей падаютъ, земля обременена пролитію кровію и множествомъ падшихъ,

народъ иноязычный (а) ходитъ по чужой области, какъ по своей. И не по малодушію защитниковъ (никто не обвинитъ ихъ въ этомъ: они тѣже самыя, которые покорили едва не цѣлую вселенную!); но за наши пороки, за овладѣвшее нами нечестивое ученіе о Троицѣ, постигли насъ всѣ сіи бѣдствія и верхъ бѣдствій. Кто будетъ оспаривать сіе, если умѣетъ опредѣлить тяжесть несчастія по тѣмъ страданіямъ, какія мы сами претерпѣли, или раздѣляли съ другими? Но все сіе мало въ сравненіи съ тѣмъ, что изгнанъ миръ, похищено благолѣпіе Церкви, унижено древнее достоинство; до того превращенъ порядокъ, что мы, сдѣлавшіеся прежде изъ не-народа народомъ, изъ не-языка языкомъ, подвергаемся теперь опасности—изъ самаго великаго народа и языка опять стать не-народомъ и не-языкомъ, чѣмъ были въ-началѣ, когда не начальствовалъ надъ нами ты, когда мы не собрались еще подъ единое имя и единый чинъ.

Дѣйствительно, теперь оказывается, что удобнѣе переносить злополучіе, нежели сохранять благополучіе: потому что и мы, когда возставали на насъ брани, были укрѣпляемы и тѣснѣе соединяемы гоненіями; а когда совокупились во-едино, тогда ослабѣли. И кто изъ благомыслящихъ не сталъ бы оплакивать настоящаго времени? Но кто найдетъ и слово, равняющееся бѣдствію? Въ мирѣ живутъ

(а) Народы сѣверные, вторгнувшіеся во Фракію, опустошившіе сію область, но въ-послѣдствіи побѣжденные и усмиренные Θεодосіемъ великимъ.

разбойники, которыхъ связало злодѣяніе. Въ мирѣ живутъ замышляющіе о насильственной власти, сообщники воровства, заговорщики мятежа, соучастники прелюбодѣянія. Въ мирѣ живутъ и пѣвцы одного хора, и воины одного отряда, и пловцы одного корабля. Не стану говорить о наслѣдствахъ, раздѣляемыхъ поровну, о противоположныхъ мѣрахъ правленія, о преемствѣ общественныхъ служеній, о постепенности и законномъ порядкѣ начальствъ. Даже рѣдко видимъ, чтобы и сія пресловутая софистика или грамматика (не касаюсь философіи, изъ ревности къ которой молодые люди бѣсятся и сходятъ съ ума) предавалась крамоламъ, чаще же соблюдаетъ она миръ. Но у насъ нѣтъ согласія и союза; никогда не можемъ сойтися въ одномъ, не видимъ даже и способа уврачевать такую болѣзнь; но какъ будто бы и учимъ и учимся злонаравію, а не добродѣтели; много трудимся надъ тѣмъ, чтобы поджигать раздоръ; объ единомысліи же мало заботимся, или и вовсе не заботимся.

Когда другіе не соблюдаютъ согласія; тогда ихъ раздоръ не ведетъ ни къ чему важному. А нѣкоторымъ лучше быть въ раздорѣ, нежели въ единомысліи. Ибо кто изъ здравомыслящихъ похвалитъ союзъ, заключенный на худое дѣло? — Но если бы у насъ кто спросилъ: что мы чествуемъ и чему поклоняемся? — Отвѣтъ готовъ: мы чтимъ любовь. Ибо, по изрѣченію Святаго Духа, Богъ нашъ *любы есть* (1 Иоан. 4, 8.), и наименованіе сіе благоугоднѣ Богу всякаго другаго имени. А что главное въ Законѣ и Пророкахъ? — И на сіе не позволяеть Евангелистъ (Матѣ. 22, 40.) дать инаго отвѣта,

кромѣ прежняго. Почему же мы — читатели любви такъ ненавистуемъ и сами ненавидимы? Почему мы — читатели мира немилосердо и непримиримо враждуемъ? Почему мы — основанные на камнѣ — зыблемся, утвержденные на краеугольномъ камнѣ — распадаемся, призванные во свѣтъ — омрачаемся? Почему мы — служители Слова довели себя до такого молчанія, или безсловесія, или оцѣпенѣнія, или... не знаю, какъ назвать еще.

Зрн

И въ пищѣ, и во снѣ, и въ позорныхъ дѣлахъ есть, какъ говорятъ, мѣра сытости; все, не одно скорбное, но и самое пріятное возбуждаетъ наконецъ отвращеніе, потому что все изъ одного переходитъ и превращается въ другое. Но у насъ нѣтъ конца взаимнымъ пораженіямъ другъ друга, не только между разномыслящими и несогласными въ ученіи о Вѣрѣ (сіе было бы менѣе прискорбно, извинялось бы ревностію, однимъ изъ похвальныхъ качествъ, пока она въ предѣлахъ), но и между единомышленными, у которыхъ въ одномъ и томъ же одни и тѣ же противники. Это всего бѣдственнѣе и жалостнѣе. И что сему причиною? Можетъ быть любоначалие, или корыстолюбіе, или зависть, или ненависть, или презорство, или другая какая страсть, которыхъ не видимъ и въ самыхъ безбожникахъ.

Весьма забавна переменчивость во мнѣніяхъ. Когда насъ уловляютъ: тогда мы благочестивы и православы; живо прибѣгаемъ къ истинѣ, какъ будто стоимъ за Вѣру, и въ томъ одномъ (по сравненію съ худшимъ) поступаемъ похвально (хотя это само въ себѣ и гнусно), что, стыдясь порока, пере-

ходимъ на сторону того, что почтеннѣе, а именно благочестія. Тебѣ (кто бы ты ни былъ, дошедшій до такого состоянія) можно сказать: безумный и непостоянный человекъ, тварь лукаваго — изобрѣтателя зла, или (справедливѣе сказать) несмысленнѣйшій изъ людей! вчера былъ онъ для тебя благочестивъ; какъ же нынѣ сталъ нечестивъ, хотя ничего не прибавилъ и не убавилъ ни словомъ, ни дѣломъ, но въ томъ же стоитъ, какъ и тѣмъ же дышетъ воздухомъ, тѣми же глазами и на тоже смотреть солнце; а если угодно тебѣ спросить его о числахъ и мѣрахъ; то и на сіе будетъ отвѣчать не новое, но тоже, что и прежде? Однакоже нынѣ у тебя блудникъ, кто вчера былъ Иосифомъ. Ибо и до сего доходитъ любовь къ спорамъ, подобная пламени, пробѣгающему по соломѣ и обнимающему цѣлую окружность. Нынѣ Иуда, или Каиафа, кто вчера Илия, или Иоаннъ, или другій кто изъ подвизающихся въ рядахъ Христовыхъ, обложенный тѣмъ же поясомъ, облеченный въ ту же темную или черную ризу, какой (и по моему уставу и разсужденію) требуетъ строгость жизни. Вчера блѣдность лица — прекрасный цвѣтъ для мужей высокихъ, или скромность и спокойствіе голоса, или степенность и тихость походки именовали мы любомудріемъ; а нынѣ называемъ это тщеславіемъ. Ту же власть надъ духами и болѣзнями приписываемъ то Іисусу, то Веельзевулу; и въ семъ случаѣ не правдивыми пользуемся вѣсами, но руководствуемся охотою спорить и раздражительностію. Какъ одна и та же земля, для здороваго и не страдающаго никакимъ недугомъ, неподвижна, а у кого круженіе въ глазахъ, или кто самъ вертится, для

того движется, и какъ состояніе видящаго бываетъ переносимо на видимые предметы, или, если угодно, какъ одно и тоже разстояніе столповъ представляется большимъ тому, кто смотритъ изблизи, и меньшимъ тому, кто издали, потому что воздухъ скрадываетъ разстояніе, и зрѣніе сближаетъ предметы большаго объема: такъ и мы легко обманываемся по причинѣ вражды, и составляемъ не одинаковыя понятія объ однихъ и тѣхъ же лицахъ, когда они намъ друзья, и когда нѣтъ. У насъ время легко производитъ многихъ во святые, а многихъ, противъ всякой вѣроятности, — въ безбожники.

Или вѣрнѣе сказать, оно всѣхъ дѣлаетъ жалкими, не только потому, что на насъ смотрятъ, какъ на худый образецъ, тогда какъ порокъ подрученъ всякому, хотя бы и никто не привлекалъ, но и потому, что мы съ готовностію прощаемъ всѣмъ и все, только бы сойдтись въ одномъ.

Прежде не безопаснымъ почиталось сказать одно лишнее слово, а нынѣ злословимъ людей самыхъ благочестивыхъ. — Прежде не позволялось *читать законъ извнѣ, и призывать исповѣданіе* (Ам. 4, 5.), то-есть, какъ я разумѣю, народное одобреніе; а нынѣ и о неизреченныхъ тайнахъ допускаютъ судить людей оскверненныхъ, повергая *святая псомъ*, и бросая *бисеры предъ свиніями* (Матѣ. 7, 6.). И не довольно сего; мы насыщаемъ слухъ свой взаимными оскорбленіями другъ друга. Мы не можемъ разсудить даже того, что не безопасно повѣрять оружіе врагу, и слово противъ Христіанина — ненавидящимъ Христіанъ. Ибо въ чемъ мы укоряли нынѣ, въ томъ завтра будутъ укорять насъ.

Врагъ ласково выслушиваетъ слова твои, не потому что хвалить, но потому что собираетъ съ злымъ намѣреніемъ, чтобы при случаѣ изbleвать ядъ свой на оказавшаго ему довѣренность.

Для чего же терпимъ сіе, братія, и долго ли будемъ терпѣть? Когда отрезвимся отъ упоенія, снимемъ съ глазъ чешую, воззримъ на свѣтъ истины? Какая это тьма, какое сраженіе среди ночнаго мрака, какая буря не позволяющая различить въ лице друзей и противниковъ! Для чего мы стали поношеніемъ сосѣдомъ нашимъ, раздраженіемъ и поруганіемъ сущимъ окрестъ насъ (Пс. 78, 4.)? Чтò за ревнованіе о злѣ? Отъ чего такое нескончаемое изнуреніе самихъ себя? Или лучше сказать, мы не изнуряемъ себя, но, чтò бываетъ съ бѣснующимися, въ самомъ недугѣ почерпаемъ для себя силы, и радуемся своему истощанію. Нигдѣ нѣтъ у насъ ни слова, ни друга, ни сподобника, ни врача умѣющаго исцѣлить или отсѣчь страждущій членъ, ни Ангела предстателя, ни Бога; и сверхъ всего сами себя заграждаемъ мы Божіе чловѣколюбіе. *Вскую Господи отстоиши далече* (Пс. 9, 22.)? И какъ *отвращаешься въ конецъ* (Пс. 88, 47.)? И когда *посѣщеніе сотворишь намъ* (Прит. 29, 13.)? До чего дойдетъ сіе и гдѣ остановится?

Боюсь, не есть ли настоящее уже дымъ ожидаемаго огня, не вскорѣ ли послѣ сего настанетъ антихристъ, и воспользуется нашими паденіями и немощами, чтобы утвердить свое владычество. Ибо конечно нападетъ онъ не на здравыхъ и не на совокупленныхъ любовію; а надобно, чтобы царство само въ себѣ раздѣлилось, чтобы крѣпкій въ насъ

разсудокъ подвергся искушенію и былъ связанъ, чтобы сосуды были расхищены, и мы потерпѣли то самое, что (какъ видимъ) терпѣть теперь врагъ отъ Христа (Матѳ. 12, 26—29.). —

О семь *азъ плачу*, говоритъ Іеремія въ Плачѣ своемъ (1, 15.); ищу *очесемъ моимъ* источниковъ *слезъ* (Іер. 9, 1.), которые бы удовлетворили моея горести; *призываю премудрыхъ женъ* сотворить и раздѣлить со мною плачъ (Іер. 9, 17.). И *чрево мое болитъ мнѣ*, смущаются чувства (Іер. 4, 19.); не знаю, какъ и какими словами облегчать скорбь свою. Отъ-сего и древнее предается молчанію, и новое—осмѣянію. Ибо врагамъ обращается въ забаву и то, что извлекаетъ у меня слезы. Черезъ сіе не мало потеряли у насъ Церкви, а приобрѣли зрѣлища, приобрѣли въ такомъ городѣ, который и божественное, на-ряду съ прочимъ, старается обращать въ забаву, который скорѣе осмѣетъ достойное похвалы, нежели оставитъ безъ осмѣянія смѣшное. Потому удивительно будетъ, если онъ не осмѣетъ и меня, который говорю сіе нынѣ, меня—пришлаго проповѣдника, который учу, что не надъ всѣмъ должно смѣяться, но что есть предметы, требующіе внимательнаго разсужденія. И что говорю: осмѣетъ? Подивишься, если не подвергнетъ меня даже наказанію за то, что хочу сдѣлать добро.

Таково наше положеніе; и меня печалитъ не то, что Церкви у насъ отняты (человѣкъ съ ограниченнымъ умомъ поскорбѣлъ бы можетъ-быть и о семъ);—не то, что золото течетъ къ другимъ;—не то, что злые языки (они дѣлаютъ свое дѣло) говорятъ худо; потому что не научились говорить доб-

раго. Не опасно то, чтобы Бога можно было описать мѣстомъ, или сдѣлать продажнымъ, и чтобы Онъ сталъ достояніемъ однихъ богатыхъ. Притомъ тѣ, которые говорятъ о мнѣ хорошо, или худо, не перемѣняютъ меня (подобно тому, какъ примѣшивающіе, или муру къ грязи, или грязь къ муру, чрезъ такое смѣшеніе сливаются качества грязи и мура) такъ, чтобы я сталъ огорчаться хулами какъ внутренно измѣнившійся. Иначе дорого заплатилъ бы я хвалителямъ, если бы своими похвалами сдѣлали они меня лучшимъ. Не такъ выходитъ на дѣлѣ; бранятъ меня, или удивляются мнѣ, въ обоихъ случаяхъ остаюсь такимъ, каковъ былъ.—*Земный же инако обилуетъ словеса*, говоритъ Іовъ (Іов. 11, 12.). Какъ пѣна приражается къ камню, какъ вѣтры къ соснѣ, или къ другому густому и высокому дереву: такъ и ко мнѣ приражаются людскія рѣчи, и я такъ почти любомудрствую самъ въ себѣ. Если обвинитель лживъ; то обвиненіе падаетъ не столько на меня, сколько на его слова, хотя и хулитъ онъ мое имя. А если онъ справедливъ; то обвиню лучше себя, а не говорящаго обо мнѣ. Ибо я самъ причиною того, что онъ говоритъ; а не говорящій—причиною того, что я таковъ. Посему рѣчи его, какъ ничего незначащія, оставивъ безъ вниманія, обращаюсь къ себѣ, и изъ злорѣчія его извлеку еще ту одну выгоду, что стану жить осторожнѣе. Но злорѣчіе имѣетъ и третію весьма важную и величественную пользу, именно ту, что насъ хулятъ вмѣстѣ съ Богомъ. Ибо одни и тѣ же, и отрицаютъ Божество, и оскорбляютъ Богослова.

Итакъ не сіе страшно, хотя и почитаютъ многіе страшнымъ, но то, что, сколько бы кто ни былъ твердъ въ душѣ и искрененъ въ благочестіи, не хотятъ даже и вѣрить, что онъ вѣренъ, нелицемѣрно добродѣтеленъ и свободенъ отъ притворства. Напротивъ того одинъ у насъ явно худъ; въ другомъ правдивость — одна личина и прикраса, обманывающая наружностію. Хотя не всѣ кажутся черными, потому что есть черные, не всѣ неблагообразными, неблагообразными, немужественными, невоздержными, потому что много такихъ; а напротивъ того, оуждаемъ ли, или хвалимъ кого, произносимъ о каждомъ особый, а не общій приговоръ: однако же обвиненіе въ злонравіи удобно распространяемъ на всѣхъ и дѣлаемъ общимъ обвиненіемъ цѣлаго, не только потому что многіе, но и потому что нѣкоторые злонравны.

Но гораздо страшнѣе сего то, что обвиненіе не останавливается на насъ однихъ, но простирается даже на высокое и досточтимое наше таинство (б). Ибо съ нашими судіями бываетъ тоже, что почти и со всѣми охотниками судить о чужихъ дѣлахъ; одни изъ нихъ довольно снисходительны и человѣколюбивы, а другіе очень жестоки и немилосерды. И первые насъ однихъ укоряютъ въ порокахъ, оставляя безъ укоризны наше ученіе. Другіе же, особливо когда встрѣчаютъ много худыхъ людей между удостоенными предстоательства, обвиняютъ самый законъ, будто бы онъ учитъ злонравію.

(б) То-есть Христіанскую Вѣру.

Итакъ что же, братія, долго ли сіе будетъ? ужели никогда не уцѣломудримся, не отрезвимся, не устыдимся? Не говоря о другомъ, побережемся по крайней мѣрѣ отъ вражескихъ языковъ, которые и ложью удобно вредятъ. Ужели не отстанемъ отъ сильной привычки спорить? доселѣ не выразумѣемъ, какіе предметы и въ какой мѣрѣ доступны нашему изслѣдованію, и какіе выше силъ нашихъ? Ужели не различимъ, какія изслѣдованія возможны въ настоящее время, при дольней слитности вещей, омрачающей мысль, и какія должно предоставить будущему вѣку, тамошней свободѣ, чтобы удовольствоваться пока нѣкоторыми, а для другихъ предпочтительнѣе, поколику надѣемся со-временемъ достигнуть совершенства и пріобрѣсть желаемое? Ужели не отдѣлимъ сами для себя того, о чемъ совсѣмъ не должно предлагать вопросовъ, о чемъ надобно спрашивать умѣренно, въ чемъ, какъ не вредномъ для нашего ученія, справедливо ли оно, или нѣтъ, можно уступать охотникамъ до споровъ, что должно предоставлять одной вѣрѣ, а что и разуму, и за что надобно сражаться со всею ревностію, впрочемъ словами, а не оружіемъ? Ибо занести на кого нибудь и руку — совершенно внѣ обычаевъ нашего двора, и мы отвергаемъ сіе, предоставляя нашимъ ненавистникамъ.

Назначимъ себѣ не тотъ одинъ предѣлъ благочестія, чтобы поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, единому въ Трехъ Божеству и единой Силѣ, — поклоняться, не предпочествуя Одного, и не подпочествуя Другаго (в)

(в) Слова: *ἐπιπροσβουτες* (предпочествующіе) и *ὑποπροσβουτες* (под-

(выражусь такъ, чтобы и мнѣ подражать сколько нибудь мудрствующимъ о семъ); ибо одно невозможно, а другое нечестиво, — поклоняться, не разсѣкая одинаго величія новостію именъ; ибо ничто не бываетъ больше или меньше себя самого: но, утвердившись на такомъ предѣлѣ, будемъ единомышленны и во всемъ прочемъ, какъ читатели единыя Троицы, держащіеся одинаго почти догмата и одинаго тѣла; отсѣчемъ же и уничтожимъ, какъ общій недугъ, лишніе и бесполезные вопросы, пустившіе нынѣ столько отпрысковъ и вѣтвей. Ибо, не говоря о чемъ-либо отдаленномъ, развѣ не удовольствовались еще меня: Монтановъ лукавый духъ противъ Духа Святаго, Наватова дерзость, или нечистая чистота, уловляющая многихъ благолѣпиемъ рѣченій; доннынѣ продолжающееся неистовство Фригіянъ (г), и посвящающихъ и посвящаемыхъ едва-ли не съ древними обрядами; безуміе Галатовъ (д), обилующихъ многими именами нечестія; Савелліево сокращеніе; Аріево раздѣленіе, и происшедшее изъ него подраздѣленіе нынѣшнихъ хи-

---

почествующіе) по изъясненію Иліи принадлежать Евномію, который означалъ ими степени поклоненія тремъ Лицамъ Божества.

(г) Поелику Монтанъ первоначально посвялъ ересь свою во Фригіи; то послѣдователи его назывались Фригіянами, или Катафригіянами. А въ древности были извѣстны Фригіійскіе жрецы Цибелы, которые скопили себя при посвященіи въ жречество.

(д) Подъ Галатами Св. Григорій, какъ вѣроятно, разуметь Маркелліановъ.

трослововъ, въ той же мѣрѣ преимуществующихъ, въ какой говорливый языкъ лучше неповоротливаго? Даже и мы имѣемъ между собою подобныя почти разности, — мы, которые мыслимъ здраво о главномъ, и стоимъ за одно и то же противъ однихъ и тѣхъ же. Я разумѣю недавно начавшуюся у насъ братскую распрю (е), которою безчестится Богъ и человѣкъ, — Богъ, будто-бы вовсе для насъ не родившійся и не пригвоздившійся ко кресту, а слѣдовательно не погребенный и не воскресшій, какъ вообразилось нѣкоторымъ худымъ христіюбцамъ, но чествуемый въ томъ единственно, въ чемъ честь обращается въ безчестіе, и чрезъ сіе разсѣкаемый на двухъ сыновъ; а также — и человѣкъ, будто бы не совершенно воспріятый и почтенный, но отвергнутый и устраненный важнѣйшею его частію, тогда какъ въ естествѣ человѣческомъ всего важнѣе образъ Божій и сила ума. Но человѣчеству, поелику соединилось съ нимъ Божество, надлежало раздѣлиться; людямъ, по всему прочему умнымъ, надобно было впасть въ ошибку касательно ума, и, къ умаленію Божіей благодати и нашего спасенія, утверждать, что я не весь спасенъ, хотя весь палъ и осужденъ за преслушаніе первозданнаго и по ухищренію противника!

И не симъ только нарушается наше единомысліе. Напротивъ того мы, спасенные Богомъ, ведемъ

(е) Св. Богословъ разумѣетъ здѣсь ученіе Аполлинарія, называесть же оное не ересію, но братскою распрію, потому что надѣялся еще обратить Аполлинарія къ правой вѣрѣ, какъ можно видѣть изъ 77 письма его къ Олимпіи.

брань за людей, и столько въ насъ крамольнаго духа, что расточаемъ его въ угожденіе любочестію другихъ, заводимъ домашнія вражды за чужіе престолы, въ одномъ дѣлѣ допускаемъ двѣ весьма важныя погрѣшности. — въ честолюбцахъ поджигаемъ страсть къ любоначалию, а сами находимъ въ этомъ опору собственной своей страсти, подобно людямъ, которые, падая съ стремнины, хватаются за ближайшій камень, или сколько-нибудь твердый кустъ. Между тѣмъ надлежало намъ своимъ устраненіемъ отъ дѣла и ихъ обезсиловать, въ какомъ случаѣ оказали бы имъ больше благодѣянія, нежели нынѣ, сражаясь за нихъ. Теперь же весьма жалки и поборники и пользующіеся ихъ споробничествомъ; и мнѣ кажется, что опять уже дѣлится на двѣ враждебныя части міръ, который едва только примирень, и то съ трудомъ, не вдругъ, не безъ пролитія многой крови. А кто остается въ мирѣ, и не преклоняется ни на ту, ни на другую сторону, тотъ терпитъ зло отъ обѣихъ сторонъ: или презирають его, или нападаютъ на него. И какъ къ числу послѣднихъ принадлежу и я, который возстаю противъ сего, для чего принялъ и эту каеэдру — предметъ состязанія и зависти: то неудивительно, что и меня, послѣ всѣхъ моихъ трудовъ и усилій, обѣ стороны желали бы вытѣснить и устранить отсель, чтобы, когда уже не будетъ между ними средостѣнія и преграды, ближе сойдтись имъ и со всею яростію напасть другъ на друга.

Все сіе прекратить и остановить преимущественно можетъ Богъ, все связующій; но могутъ также и люди, ревнующіе о добрѣ и знающіе цѣну

единомыслія, которое ведеть начало отъ Троицы (такъ какъ Ей и по естеству всего свойственнѣе единство и внутренній миръ), которое усвоено ангельскими и божественными Силами, пребывающими въ мирѣ съ Богомъ и между собою, которое простирается на всю тварь (такъ какъ ей служить украшеніемъ безмятежіе), которое удобно поселяется и въ насъ, какъ по душѣ, когда въ ней добродѣтели одна другую сопровождаютъ и одна съ другою сообщаются, такъ и по тѣлу, когда въ немъ и члены и стихіи имѣютъ взаимную стройность, отъ-чего въ первомъ случаѣ происходитъ то, что есть и именуется красота, а во второмъ—здравіе.

Но похваляю и слово Соломона, который узаконяетъ время какъ для всякой вещи, такъ для брани и мира (Еккл. 3, 1. 8.). Присовокуплю только слѣдующее. Хотя должно наблюдать время брани и мира, а иногда, по закону и слову Соломонову, хорошо вести и брань: однако же лучше, доколѣ только можно, преклоняться на миръ, потому что сіе и выше и богоугоднѣе. И ни съ чѣмъ несообразно—предполагать, будто бы въ частномъ дѣлѣ всего лучше единомысліе, а въ дѣлѣ общественномъ оно не самое полезнѣйшее; будто бы совершеннѣйшее управленіе—въ томъ домѣ и городѣ, въ которомъ, какъ можно, менѣе внутреннихъ раздоровъ, а если и случаются они, то всего скорѣе восстанавливается миръ и врачуется недугъ, но для общаго состава Церкви и лучше и приличнѣе нѣчто другое; будто бы каждому человѣку надлежитъ стараться—быть въ мирѣ съ самимъ собою, потому что миръ и владычество надъ страстями для каждо-

го вождѣны, но не такъ должно вести себя съ другими, а напротивъ того низложеніе ближняго надобно вмѣнять себѣ въ славу. И хотя Богъ повелѣваетъ прощать согрѣшившихъ противъ насъ не только седмижды, но и въ нѣсколько кратъ болѣе (Матѣ. 18, 22.), чтобы прощеніемъ другихъ исхodataйствовать и себѣ прощеніе: однако же мы можемъ дѣлать зло и тѣмъ, которые насъ не обижали, даже дѣлать охотнѣе, нежели какъ принимаемъ отъ другихъ благодѣянія. Хотя знаемъ, какое блаженство уготовано *миротворцамъ*, которые одни въ сонмѣ спасаемыхъ нарицаются *сынами Божиими* (Матѣ. 5, 9.): однако же можемъ думать, что сами, даже враждуя, дѣлаемъ угодное Богу, за насъ пострадавшему, чтобы примирить насъ съ Собою и прекратить внутреннюю въ насъ брань.

Нѣтъ, друзья и братія, не будемъ такъ думать. Почтимъ даръ Примирителя, то-есть миръ, даръ, который, отходя отсель, оставилъ Онъ намъ (Іоан. 14, 17.), какъ нѣкій прощальный залогъ. Будемъ знать одну только брань — брань съ сопротивною силою. *Рцемъ: братія, ненавидящимъ насъ* (Ис. 66, 5.), только бы приняли сіе. Уступимъ въ иной малости, чтобы получить въ-замѣнъ важнѣйшее, то-есть единомысліе. Предоставимъ надъ собою побѣду, чтобы и намъ побѣдить. Посмотрите на уставы состязаній и на подвиги борцовъ: у нихъ часто лежащій внизу одерживаетъ побѣду надъ тѣми, которые были вверху. И мы будемъ подражать имъ, а не жаднымъ любителямъ пиршествъ или купцамъ, изъ которыхъ одни безъ мѣры обременяютъ себя предложенными снѣдами, а другіе нагружаютъ ко-

рабль, и надрываютъ себѣ чрево, или утопаютъ прежде, нежели насладятся своею ненасытностію, терпя великія потери за малое приобрѣтеніе.

Итакъ вопію о семъ, и свидѣтельствую, и не престану исполнять слово Писанія: *Сіона ради не умолчу, и Іерусалима ради не поущу* (Ис. 62, 1.). Исчезаетъ душа моя, когда вижу погибель тѣхъ, которые не *язвенніи мечемъ*, не *погубленни гладомъ* (Пл. Іер. 4, 9.), но уязвлены честолюбіемъ и любоначалиемъ, такъ что паденіе ихъ возбуждаетъ не столько жалости, сколько ненависти. Если вы примете слова мои, то для васъ и для меня будетъ лучше. Но если осмѣете и отвергнете ихъ, давь страсти препобѣдить разсудокъ: то мой долгъ достаточно будетъ исполненъ и предъ Богомъ и предъ людьми, потому что, какъ думаю, никто изъ самыхъ миролюбивыхъ не потребуетъ большаго, вы же сами увидите послѣдствія, а я не присовокуплю ничего жестокаго; ибо щадить дѣтей требуетъ законъ отеческой любви. Но да будетъ милосердъ и миренъ великій Судія, и нынѣ, и въ день воздаянія, о самомъ Христвъ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки, аминь!

С Л О В О 24,

ВЪ ПОХВАЛУ СВЯТАГО СВАЩЕННОМУЧЕНИКА КИПРІАНА (а), ГОВОРЕННОЕ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ЕГО ПАМЯТИ, ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ГРИГОРІЕВОМЪ ИЗЪ СЕЛА.

Едва не забыть нами Кипріанъ, и это (какая потеря!) допустили вы, которые болѣе всѣхъ уважаете Святаго, чтите его ежегодными чествованіями и празднествами. А Кипріана необходимо должно почитать даже и забывающимъ иное; такъ какъ особеннаго памятованія требуютъ мужи совершеннѣйшіе, о которыхъ воспоминаніе вмѣстѣ благочестиво и полезно. Возвратимъ же долгъ съ лихвою, если окажемся довольно благоразумными, и не все скудными и нищими. Впрочемъ, какъ бы ни велика была наша нищета, я увѣренъ, что сей во всемъ великодушный и любомудрый мужъ проститъ намъ и замедленіе и бѣдность. Возблагодаримъ только, что онъ не остался у насъ въ совершенномъ забвеніи; ибо это стоитъ благодаренія. И благодареніемъ должно начать, чтобы мое воз-

---

(а) Память сего Священномученика Кипріана совершается Святою Церковію 2-го числа Октября мѣсяца.

вращеніе послужило вамъ во благое, и, по благимъ мѣрамъ Бога, который все распредѣляетъ и располагаетъ вѣсомъ и мѣрою (Премудр. Сол. 11, 21.), сдѣлалось возвращеніемъ отъ безмолвія къ слову, отъ любительницы мучениковъ (б) — къ мученикамъ, отъ тѣлеснаго отдыха — къ духовному пиру.

Я желалъ быть съ вами, дѣти; и увѣренъ, что и вы въ равной мѣрѣ желали моего присутствія. Видите отеческое мое добродушіе; говорю о своемъ, свидѣтельствую и о вашемъ желаніи. Разлучившись другъ съ другомъ на столько времени, чтобы дознать взаимную любовь, и, какъ живописцы повѣряютъ картины, извѣдать ее издали, мы опять вмѣстѣ. Даже кратковременное обращеніе съ людьми, которые расположены къ любви и подражаютъ Божію челоуѣколюбію, доставляетъ много пищи воспоминанію. Ужели же мы, ученики Христа, Который для насъ истощилъ Себя до рабія зрака, и содѣлавшихся чуждыми небеснаго собралъ къ Себѣ, не удержимъ въ любви и не обмыемъ другъ друга, не соблюдемъ *единенія духа въ союзъ мира* (Ефес. 4, 3.), которое составляетъ тайну, или главизну Закона и Пророковъ? Конечно, и то уже для насъ одно изъ первыхъ благодѣяній, что мы такъ скоро притекли въ объятія другъ къ другу; потому что ревность не терпитъ отсрочки, и кто

(б) Подъ любительницею мучениковъ, по изъясненію Никиты, Св. Григорій разуметь, или самое безмолвіе, о которомъ сказалъ онъ выше, или одну изъ благочестивыхъ женъ, къ которой удалялся онъ въ село на безмолвіе.

мучится желаніемъ свиданія, тому одинъ день кажется цѣлою жизнію. Но гораздо ~~сильнѣе~~ для насъ другое благодѣяніе, что мы пришли не послѣ праздника, не остались безъ тайноводства мучениковъ и доставляемаго тѣмъ услажденія и упокоенія.

А я признаюсь, что на все иное медлительнѣе всякаго, и свергнулъ съ себя всѣ пожеланія, какъ скоро сталъ служить Христу. Меня не плѣняетъ ничто пріятное и вождельнное для другихъ,—ни долнее и непостоянное богатство, ни сластолюбіе, ни пресыщеніе—мать похотѣнія, ни мягкая и пышная одежда, ни блескъ и привлекательность драгоценныхъ камней, ни очарованіе слуха, ни изнѣженность обонянія, ни приводяція въ неистовство рукоплесканія народа и зрѣлищъ, которыя давно уступилъ я охотникамъ до оныхъ; не плѣняетъ и все, чтò ведетъ начало отъ перваго вкушенія, насъ погубившаго. Напротивъ того виню въ великомъ скудоуміи тѣхъ, которые позволяютъ такимъ вещамъ одерживать надъ ними верхъ, губятъ благородство своей души привязанностію къ мелочному, и прилѣпляются къ скоропреходящему, какъ къ чему-то постоянному. Я люблю Христа, не знаю мѣры въ сей любви и хвалюсь ею; увеселяюсь славою мучениковъ; восхищаюсь кровью подвижниковъ; подвиги и побѣды другихъ для меня вѣнцы: столько предвосхищаю себѣ славы, такъ усвою себѣ заслуги!

Конечно, всѣхъ мучениковъ должно чествовать, для всѣхъ надобно съ готовностію отверзать уста и слухъ и мысль, чтобы охотно что-нибудь сказать и услышать о нихъ, а все прочее почитать ниже ихъ подвига. Ибо хотя многое служить для

насъ руководствомъ къ лучшей жизни , и многое назидаетъ въ добродѣтели — и разумъ, и Законъ, и Пророки, и Апостолы, и самыя страданія Христа, сего перваго Мученика , Который восшелъ на крестъ и меня возвелъ съ Собою, чтобъ пригвоздить мой грѣхъ , восторжествовать надъ змѣемъ, освятить древо, побѣдить сластолюбіе, спасти Адама и возстановить падшій образъ : однако же, при столь многихъ и столь превосходныхъ наставникахъ, не менѣе поучительны для насъ и мученики — сіи словесныя всесоженія, совершенныя жертвы, пріятныя приношенія, сіе проповѣданіе истины, обличеніе лжи, исполненіе духовно — разумѣваемаго Закона, разрушеніе заблужденія, гоненіе порока, потопленіе грѣха , очищеніе міра. Но преимущественно предъ прочими мучениками (у мучениковъ конечно нѣтъ ревности къ мученикамъ) и именемъ и дѣломъ досточтимъ для меня ты, Кипріанъ! Особенно поражаюсь твоею добродѣтелію, восхищаюсь воспоминаніемъ о тебѣ , дѣлаюсь отъ удовольствія какъ-бы вдохновеннымъ, нѣкоторымъ образомъ соучаствую въ твоемъ мученичествѣ, пріобщаюсь твоему подвигу, и весь переносусь къ тебѣ, привлекаемый , можетъ-быть , сродствомъ по дару слова , которымъ столько превосходишь ты другихъ, сколько словесныя существа превосходятъ естество безсловесныхъ (а между соединенными, чѣмъ-бы то ни было, любовь, не знаю почему, поселяется такъ же, какъ и между связанными кровнымъ родствомъ). Но можетъ-быть привлекаюсь и твоей внезапной и необыкновенной перемѣной, которая поразительнѣе всякаго слова и примѣра. Ибо пріятно солнце

послѣ облака, которымъ оно закрыто было прежде; пріятна весна послѣ зимней угрюмости; пріятны улыбающаяся тишина, гладкое море, играющее у береговъ, послѣ мятежа вѣтровъ и обуреванія волнъ. —

Сей Кипріанъ (пусть знающіе его съ удовольствіемъ припомнятъ, а незнающіе услышатъ одно изъ прекраснѣйшихъ нашихъ сказаній, служащее къ общей похвалѣ Христіанъ!) — сей Кипріанъ, — славное имя нѣкогда для Кареагенянъ, а нынѣ для цѣлой вселенной, — былъ знатенъ по богатству, знаменитъ по могуществу, извѣстенъ по роду (если только имѣтъ мѣсто и предсѣдательствовать въ Сенатѣ служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ благородства). Это былъ цвѣтъ юношества, образцовое произведеніе природы, верхъ учености по свѣдѣніямъ въ философіи и по познаніямъ въ другихъ наукахъ, притомъ по какой угодно части, такъ что въ немъ разнообразіе свѣдѣній было удивительнѣе высоты каждаго познанія, и опытность въ каждомъ свѣдѣніи удивительнѣе общей любознательности; или (скажу яснѣе) однихъ превосходилъ онъ разнообразіемъ, другихъ — высотой познаній, нѣкоторыхъ — тѣмъ и другимъ, а всѣхъ — всемъ. Объ учености его свидѣлствуютъ многочисленныя и превосходныя сочиненія, какія написалъ онъ въ нашу пользу (в), послѣ того какъ по челоуѣколюбію

(в) Въ страданіи Св. Кипріана (См. Acta Sanctor. Сентября 26 дня) сказано, что онъ вытребованъ былъ въ Антихію Комитомъ Востока Евтолміемъ по доносу: будто бы своими посланіями возмущаетъ весь Востокъ, даже весь міръ.

Бога, Который все творить и претворяетъ въ лучшее, перемѣнилъ онъ образъ ученія и неразуміе подчинилъ Слову.

А посему не знаю, какъ мнѣ распорядиться словомъ и найдти способъ—и не продлить онаго чрезъ мѣру, совершенно внѣ предѣловъ времени, если буду припоминать о Кипріанѣ все, и не сдѣлать большаго ущерба присутствующимъ здѣсь, если обвиномъ будетъ умолчано. Потому, чтобы соблюсти средину и сберечь время и удовлетворить желанію слушателей, надобно, по моему мнѣнію, исполнить слѣдующее: все прочее предоставить знающимъ, чтобы они передали сіе незнающимъ, ежели таковыя найдутся, и чтобы такимъ образомъ тѣ и другіе, и поучающіе и поучаемые, получили равную пользу (потому что одно воспоминаніе о Кипріанѣ освящаетъ, и слово о немъ всего сильнѣе побуждаетъ къ добродѣтели); самому же мнѣ для краткости припомнить одно или два такія событія изъ Кипріановой жизни, о которыхъ невозможно и умолчать, хотя бы захотѣлъ. Но упомяну и о прежней жизни Кипріана, о томъ, какимъ путемъ достигъ онъ спасенія, какъ былъ призванъ, и какъ совершилась въ немъ перемѣна къ лучшему. Весьма неблагородно и низко думать, что оскорбительно будетъ для подвижника напоминать о непохвальныхъ дѣлахъ его. Въ такомъ случаѣ и великій Павелъ не заслуживалъ бы нашей похвалы, и мытарь Матѳей принадлежалъ бы къ людямъ самымъ порочнымъ, а равно и сей Кипріанъ. Но Павелъ для того упоминаетъ о прежнихъ своихъ гоненіяхъ и о томъ, какъ измѣнился предметъ его ревности,

чтобы сравненіемъ того и другаго прославить больше Благодѣтеля. Матѳеѣй , перечисляя учениковъ, придаетъ себѣ наименованіе мытаря, какъ нѣкоторое почетное титло. И Кипріанъ въ длинномъ словѣ (г) выставляетъ на позоръ прежнюю свою порочную жизнь, чтобы и сіе, то-есть исповѣдь свою, принести въ даръ Богу, и многимъ изъ обращающихся отъ порочной жизни указать путь благой надежды.

Итакъ смотрите, какіе были его пороки, какъ многочисленны и велики. Служителемъ демоновъ былъ сей въ-послѣдствіи ученикъ Христовъ, жесточайшимъ гонителемъ—сей великій поборникъ истины. И словомъ и дѣломъ, какъ сильный въ томъ и другомъ, возмущалъ путь нашъ оказавшійся послѣ еще сильнѣйшимъ въ словѣ и дѣлѣ для пользы Христіанъ. А какимъ зломъ было присоединенное къ сему чародѣйство, которымъ особенно славился Кипріанъ! И сколько еще ужаснѣ та ненасытимость плоти, которая и мудрыхъ въ иномъ можетъ доводить до бѣшенства, которая, увлекая разумъ, какъ молодого необузданнаго коня, заставляетъ умудряться на худое! Но слово мое касается самаго главнаго. И никто да не предастся сластолюбію, вида прежнюю жизнь Кипріана; а всякій да уцѣломудрится послѣдними его дѣлами!

(г) Оно сохранилось и до нашихъ временъ. Греческій подлинникъ можно читать въ Дѣяніяхъ Святыхъ (Acta Sanctorum) подъ 26-мъ числомъ Сентября мѣсяца.

Была дѣвица (д), знатнаго рода и благонравная (да внимають и да радуются сему дѣвы, или, лучше сказать, и живущія въ супружествѣ, если онѣ цѣломудренны и любятъ цѣломудріе; потому что сказаніе мое составить украшеніе для тѣхъ и другихъ!), дѣвица весьма прекрасной наружности; но къ моему о ней слову да присокупить и свою пѣснь божественный Давидъ, который говорить: вся слава дщери цареви внутри (Пс. 44, 14.). Это была истинная Христова невѣста, сокровенная красота, одушевленное изваяніе, ничѣмъ неоскверненная святыня, никому недоступное святилище, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатленъ (Пѣс. Пѣсн. 4, 12. — да воспоетъ нѣчто и Соломонъ!) — источникъ, соблюдаемый единому Христу. Сею дѣвою, при всей ея осторожности и скромности, не знаю гдѣ и какъ, плѣнился великій Кипріанъ; ибо похотливое око — это самое наглое и ненасытимое изъ чувствъ, касается даже и неприкосновеннаго. Кипріанъ не только плѣнился, но покушался и обольстить. Какое скудоуміе, если такую дѣву надѣялся лишить цѣломудрія! а тѣмъ паче какое безстыдство и въ отваживающемся на такой поступокъ, и въ убѣждающемъ отважиться! Но онъ въ началѣ вползалъ въ рай къ перевозчанному; онъ предстоить и среди Ангеловъ, требуя себѣ Іова; онъ на послѣдокъ дерзаетъ приступить къ Самому Владыкѣ, отъ Котораго долженъ быть пораженъ и убитъ, даже искушаетъ Того, Который

(д) Святая Густина.

нѣсть искушаемъ (Иак. 1, 13); какъ будто и Его надѣялся пребороть, потому что явившееся Божество почелъ вторымъ Адамомъ, и не зная, что, приступая къ челоуѣчеству, приразится къ Богу. Что же страннаго, если онъ и чрезъ Кипріяна искушаетъ святую душу и чистую плоть? Таковъ былъ искуситель, и въ помощники употребляется не одна изъ старыхъ женщинъ, способныхъ на подобныя дѣла, но одинъ изъ плотолубивыхъ и сластолюбивыхъ бѣсовъ; потому что богоотступныя и завистливыя силы, стараясь имѣть многихъ сообщниковъ своего паденія, весьма скоры на услуги подобнаго рода, и наградою за содѣйствіе въ соблазнѣ служатъ имъ жертвы и возліянія, также общеніе посредствомъ кровей и тука; ибо за такія одолженія таковы должны быть и награды.

Но что дѣлаетъ и что противопоставляетъ строителю зла дѣвица, когда ощутила опасность и проникла въ злый умыслъ? Чистыя и богоподобныя души весьма скоро уловляютъ покушающагося противъ нихъ, какъ онъ ни хитръ, ни разнообразенъ въ своихъ нападеніяхъ. Дѣвица, отвергнувъ всѣ другія пособія, прибѣгаетъ къ Богу, и защитникомъ отъ ненавистной страсти избираетъ Жениха своего, Который и Сусанну избавилъ отъ жестокихъ старѣйшинъ, и Феклу спасъ отъ немилосердаго искателя ея любви и еще болѣе немилосердаго отца. Кто же сей Женихъ? — Христось, Который и духамъ запрещаетъ (Матѣ. 17, 18.), и поддерживаетъ утопающихъ (Матѣ. 14, 31.), и ходитъ по морю (Матѣ. 14, 26.), и легіонъ духовъ предастъ глубинѣ (Лук. 8, 32.), исхищаетъ изъ рва пра-

ведника, отданнаго на снѣденіе лвамъ и въздѣяннѣмъ рукъ преодолѣвающаго звѣрей (Дан. 14.), спасаеть бѣглеца Пророка, поглощеннаго китомъ и во чревѣ его сохранившаго вѣру (Іон. 2.), соблюдаетъ во пламени Ассирійскихъ отроковъ, устудивъ горящія дрова чрезъ Ангела, и къ тремъ юношамъ присовокупивъ четвертаго (Дан. 3.). — Все сіе и еще многое припоминая въ молитвахъ, и моля Дѣву Марію помочь бѣдствующей дѣвѣ, присоединяеть она и другое врачевство — постъ и сонъ на голой землѣ, чтобы увяла красота привлекшая на нее козни, а чрезъ сіе отнята была пища у пламени, истоцилось служащее къ возженію страстей, и вмѣстѣ чтобы Богъ умилосердился надъ ея смиреніемъ. Ибо никакимъ служеніемъ не благоугождается такъ Богъ, какъ злостраданіемъ, и за слезы воздаетъ Онъ милостію. —

Знаю, что нетерпѣливо ожидаете продолженія сказанія; ибо безпокоитесь о дѣвѣ, а не меньше и о воспламенившемся къ ней любовію, опасаясь, чтобы страсть для обоихъ не имѣла худыхъ послѣдствій. Но смѣло надѣйтесь! Самая любовь пролагаетъ путь вѣрѣ; пламенбующій любовію, уневѣщивая себѣ дѣву, самъ уневѣщивается Христу; огонь страсти угасаетъ, возгарается же огонь истины. Но отчего и какъ? — Здѣсь начинается самая пріятная часть моего повѣствованія.

Дѣва побѣждаетъ, а демонъ побѣжденъ. Искуситель приходитъ къ одержимому страстію, извѣщаетъ о своемъ пораженіи, подвергается за сіе осмѣянію, огорченъ презрѣніемъ и мститъ презри-

телю. И въ чемъ состоитъ мщеніе? Демонъ, осмѣянный недавнимъ своимъ служителемъ, приступаетъ къ нему самому, чтобы одно зло было изгнано другимъ, и новое бѣснованіе послужило уврачеваніемъ прежняго. Отраженъ онъ дѣвою, какъ стѣнобитное орудіе твердою и непоколебимою стѣною, прогнавъ словомъ и молитвою; но борется еще съ посланнымъ его къ дѣвѣ, обратившись (чудное дѣло!) на того, къ кому былъ посланъ, и давить его, какъ втораго Саула (1 Цар. 16, 14). Чтò же дѣлаетъ сей безумный во время страсти, и благоразумный, когда мучить его бѣсъ? Ищетъ освобожденія отъ зла, и находитъ; ибо нужда дѣлаетъ избобрѣтательнымъ. Откуда же освобожденіе? Какъ Саулъ къ гуслиамъ и бряцаніямъ Давида, такъ онъ прибѣгаетъ къ Богу дѣвы, приступаетъ къ ея Пастырю, и какъ демонскіе удары очищаютъ его отъ страсти, такъ вѣра во Христа—отъ злаго духа, и онъ воспламеняется новою любовію. Пастырь долго не вѣрилъ ему и отсылалъ его отъ себя; потому что казалось невѣроятнымъ и страннымъ, чтобы Киприанъ сталъ наконецъ принадлежать къ Христіанамъ, даже хотя бы и всѣ сдѣлались Христіанами. Но Киприанъ обратился, и доказательство обращенія его очевидно. Онъ приноситъ въ собраніе чародѣйскія книги, исповѣдуетъ свое неразуміе, предаетъ позору бесполезность сего нечистаго сокровища, возжигаетъ ими свѣтлый пламень, и огнемъ истребляетъ долговременную прелесть, которая не могла содѣйствовать плотскому пламени. Такъ отвергается онъ демоновъ и дѣлается приснымъ Богу!

О чудо благодати, по которой чрезъ нечистую любовь и лукаваго духа Кипріанъ находитъ Бога, дѣлается священною овцею священнаго стада! И какъ сказывалъ мнѣ нѣкто, послѣ многихъ молитвъ, чтобъ въ очищеніе прежней гордыни любомудренно научиться смиренію, сперва былъ онъ придверникомъ храма; а потомъ сталъ Пастыремъ, даже лучшимъ и опытнѣйшимъ изъ Пастырей. Онъ первенствуетъ не только въ Церкви Карѳагенской и въ Африкѣ, которая съ сего времени и чрезъ него донынѣ знаменита, но на всемъ Западѣ, а почти и на самомъ Востокѣ, въ странахъ южныхъ и сѣверныхъ, куда только проникла слава о немъ.

Такъ Кипріанъ сталъ нашимъ. И сіе совершилъ Богъ знаменій и чудесъ, сотворилъ Тотъ, Кто Иосифа, проданнаго по ненависти братьевъ, посредствомъ жены показалъ цѣломудреннымъ, прославилъ въ раздаяніи хлѣба, умудрилъ въ сновидѣніяхъ, чтобъ въ чужой странѣ ему повѣрили, чтобъ почитилъ его Фараонъ, чтобъ сталъ онъ отцемъ многихъ тысячъ народа, за который Египеть терпитъ казни, для котораго разсѣкается море, дожидится хлѣбъ, останавливается солнце, которому дается въ наслѣдіе земля обѣтованія! Ибо премудрость еще заранѣе полагаетъ основанія великихъ дѣлъ, и противоположнымъ достигаетъ противоположнаго, чтобъ тѣмъ болѣе дивились ей.

Для полноты похвальнаго слова довольно было бы и сихъ Кипріановыхъ доблестей: но тѣ, о которыхъ остается еще мнѣ говорить, такъ многочисленны и велики, что, если бы сказанное доселѣ и

не служило къ похвалѣ, то одного послѣдующаго достаточно было бы для Кипріана, чтобы стать выше всѣхъ. Впрочемъ, не говоря ни объ его презрѣніи къ деньгамъ, ни о попораніи имъ гордыни, ни объ обузданіи плоти и чистотѣ въ противоположность прежней необузданности, ни о величавости и вмѣстѣ снисходительности въ обращеніи, при чемъ онъ равно былъ далекъ и отъ низости и отъ высокомерія, ни о снѣ на голой землѣ и о бдѣніяхъ, чему поздно сталъ онъ учиться и въ чемъ много превзошелъ навѣвшихъ тому прежде него, ни о ревности въ назиданіи словомъ, такъ что онъ преподавъ всю нравственность, очистилъ невѣжественныя понятія о догматахъ, украсилъ жизни мужей, и догматъ о Божествѣ начальной и царственной Троицы, Которое иные разсѣкаютъ, а иные сливаютъ, возвелъ въ первоначальную чистоту, пребывая въ предѣлахъ благочестнаго единства и сочлененія, — умолчавъ о всемъ этомъ, по причинѣ обширности предмета, заключу слово свое кончиною Кипріановой жизни.

Вознеистовствовалъ противъ насъ Декій; онъ вымышлялъ всякіе роды мученій и разныя жестокости частію уже совершилъ, а частію намѣревался совершить. Съ одинаковымъ усиліемъ старался онъ и преодолѣть Христіанъ и превзойти прежнихъ гонителей; лучше сказать, ему хотѣлось преодолѣть и покорить или всѣхъ Христіанъ, или одного Кипріана. Ибо чѣмъ извѣстнѣе было ему отличное благочестіе и слава сего мужа, тѣмъ болѣе славною и блистательною казалась побѣда, если одержить надъ нимъ верхъ. И въ одномъ случаѣ онъ поко-

рилъ бы только своей волей Христіанъ; а въ другомъ восторжествовалъ бы надъ самымъ любомудріемъ и даромъ слова. Почему наилучшею почиталъ хитростію — сперва сдѣлать безмолвнымъ языкъ, потомъ безгласными и нѣмотствующими повлечь за собою тѣхъ, которые имъ держались. Несправедливо и нечестиво было такое разсужденіе, однакоже и не вовсе неосновательно, если брать въ разсмотрѣніе его желаніе и предпріятіе. Это показало и самое дѣло. Ибо когда доблестный Кипріанъ, какъ въ морѣ скала удары волнъ, твердо и мужественно отразилъ всѣ прираженія и покушенія, и осужденъ наконецъ Декіемъ на изгнаніе: тогда онъ не ограничился самимъ собою, не обрадовался своему спасенію отъ смерти и не сталъ разсуждать, что лучше сохранить въ безопасности жизнь; хотя бы понести безчестіе, или лучше подвергнуть опасности душу, но соблюсть безмолвіе и равнодушно смотрѣть, какъ другіе бѣдствуютъ отъ обстоятельствъ времени, не имѣя наставника, который бы поощрилъ на подвиги; потому что слово не мало можетъ придать мужества вступающимъ на поприще добродѣтели. Посему Кипріанъ, отсутствуя тѣломъ, присутствовалъ съ подвижниками духомъ, раздѣляя ихъ подвиги; и когда не можетъ онъ содѣйствовать живымъ словомъ, помогаетъ писаніями. А какимъ образомъ? Издали предводительствуетъ Христовымъ воинствомъ, пишетъ увѣщанія, восхваляетъ благочестіе, и своими посланіями одинъ производитъ едва не больше мучениковъ, чѣмъ другіе лично, находясь вмѣстѣ съ подвижающимися. Бѣдствующихъ за доброе дѣло убѣждаетъ онъ — ни

отечества, ни рода, ни богатства, ни владычества, ни всего земнаго не предпочитать истинѣ и наградамъ, какія уготованы добродѣтели на небеси. Внѹшаеть, что самая выгодная купля—каплями крови приобрьсть небесное царство, и за временныя блага получить вѣчность славы. Ибо для душъ возвышенныхъ одно отечество—духовный Иерусалимъ, а не здѣшніе грады, которые заключены въ тѣсныя предѣлы и часто мѣняютъ своихъ обитателей; одна знаменитость рода—хранить въ себѣ Божій образъ и уподобляться Первообразу, сколько сіе возможно узникамъ плоти и способнымъ принять въ себя только нѣкоторыя струи добра; одно владычество—одерживать верхъ надъ лукавымъ, не отдавать въ плѣнъ души и не уступать побѣды въ подвигахъ за благочестіе, когда порокъ борется съ добродѣтелію, міръ—съ міромъ, міръ разрушающійся—съ міромъ постояннымъ, подвигоположникъ неумолимый—съ подвижниками мужественными, и Велиаръ вооружается на Христа. А поему убѣждалъ онъ не бояться мечей, огонь почитать прохлагою, самыхъ лютыхъ звѣрей представлять себѣ кроткими, голодь признавать высшимъ наслажденіемъ, отвращать взоры отъ слезъ, сѣтованія и стенанія родныхъ, какъ отъ приманки лукаваго, какъ отъ препятствія небесному шествію. Ибо такъ прилично вести себя душамъ мужественнымъ и благороднымъ и уму цѣломудренному. А всему этому служилъ близкимъ примѣромъ и говорившій и писавшій сіе, и *вмѣнявшій вся уметы быти, да Христа приобрящеть* (Фил. 3, 8.).

Такъ рассуждая и вооружая словомъ на подвигъ,

Кипріанъ произвелъ многихъ подвижниковъ. Какую же получаетъ за то награду? — Щедрую и высококую: послѣ всѣхъ, предпосланныхъ имъ ко Христу, самъ дѣлается мученикомъ, и, усѣченный во главу мечемъ, ко многимъ страданіямъ присовокупляетъ и сей вѣнецъ. Такъ приводится, такъ представляется ко Христу сей мужъ, сильный въ нечестіи, но гораздо сильнѣйшій благочестіемъ — сей великій Кипріанъ, и гонитель и вѣнценосецъ, не менѣе чудный своимъ обращеніемъ, какъ и добродѣтелию. Ибо не столько важно соблюсть образъ добра, сколько — обновить въ себѣ богобоязненность. Первое есть дѣло навыка, а послѣднее дѣло благопроизволенія; и первое находимъ во многихъ, а послѣднему не много видимъ примѣровъ.

Но каково и сіе въ числѣ чудесъ его? Продлимъ еще нѣсколько слово въ честь подвижника. Хотя такова была жизнь мужа сего, и таковъ подвигъ: однакоже, когда оканчиваетъ онъ жизнь (если позволительно такъ сказать, а не лучше наименовать кончину его преселеніемъ къ Богу, или исполненіемъ желаній, или разрѣшеніемъ отъ узъ, или сложеніемъ съ себя бремени), совершается при семъ нѣчто чудесное и соотвѣтствующее предшествовавшему. Велико было имя Кипріаново для всѣхъ, не только для Христіанъ, но даже и для нашихъ противниковъ (ибо доблести всѣми равно уважаются); впрочемъ тѣло его оставалось въ неизвѣстности, и такое сокровище было сокрыто, притомъ на долгое время, у одной изъ женъ, пламенѣющихъ благочестіемъ, не знаю, потому ли, что Богъ почтилъ симъ боголюбивую жену, давъ ей сохранять у себя му-

ченика, или потому что Ему угодно было обнаружить нашу любовь, если мы, лишенные святыхъ мощей, будемъ равнодушны къ такой утратѣ. Когда же Богъ мучениковъ не потерпѣлъ, чтобъ общее благо составляло собственность одной, и чтобъ по милости къ женѣ несли потерю всѣ: тогда извѣщаетъ о Кипріановомъ тѣлѣ чрезъ откровеніе, и сію честь предоставляетъ опять одной достойной женщинѣ, чтобъ получили освященіе и жены. Какъ прежде и рожденъ Христосъ и возвѣщенъ ученикамъ по воскресеніи Его изъ мертвыхъ чрезъ женъ: такъ и нынѣ одна жена указала Кипріана, а другая передала въ общую пользу сію послѣднюю изъ его добротъ. Такъ исходитъ на среду тотъ, кому и не надлежитъ быть сокрытымъ; такъ не поущено, чтобъ онъ оставался по своему любомудрію въ неизвѣстности даже и послѣ того, какъ сталъ выше и совершеннѣе почестей, какія воздаются тѣлесному.

Вотъ все, что могъ сказать я о Кипріанѣ, и не знаю, долженъ ли что присовокуплять къ сему. Ибо, если бы и надолго простеръ еще слово, то сказанное мною не соотвѣтствовало бы и его доблестямъ и тому понятію, какое каждый имѣетъ о семъ мужѣ. И доселѣ предложенное говорено было единственно для того, чтобы сколько-нибудь воздать подобающую ему честь. Но чтобы и отъ васъ принесено было нѣчто въ даръ мученику, вы сами должны восполнить все прочее, какъ то: изгнаніе бѣсовъ, исцѣленіе болѣзней, предвѣдніе будущаго. Все сіе, при помощи вѣры, можетъ подавать даже прахъ Кипріановъ, какъ знаютъ извѣдавшіе сіе опытомъ, отъ которыхъ и намъ передана память о

чудъ, и будетъ передаваться будущимъ временамъ. Лучше же сказать, принесите нѣчто и сего большее, болѣе приличное истиннымъ его почитателямъ, а именно: изнуреніе тѣла, восхожденіе сердца, удаленіе отъ порока, возвращеніе добродѣтели. Дѣвы принесите истощаніе плоти, жены — благолѣпіе добродѣтели паче, нежели тѣла, юноши — мужество въ борьбѣ со страстями, старцы — благородсудительность, властелины — добрые законы, военачальники — кротость, отличающіеся даромъ слова — благое слово. Скажу нѣчто и для своихъ: священники принесите тайноводственное ученіе, мірскіе — благопокорность, плачущіе — утѣшеніе, благоденствующіе — страхъ, богатые — милостыню, бѣдные — благодарность, а всѣ — готовность противостать лукавому и жестокому гонителю, чтобъ онъ не могъ ни явно низлагать, ни скрытно уязвлять, ни ратовать какъ тѣма, ни обольщать и увлекать въ бездну погибели какъ Ангелъ свѣта. Опасно отдаваться въ плѣнъ очамъ, терпѣть уязвленіе отъ языка, позволять, чтобы обольщалъ насъ слухъ, воспаменялъ кипящій гнѣвъ, низлагалъ вкусъ, разнѣживало осязаніе; опасно обращать оружіе спасенія въ оружіе смерти. Мы должны, оградившись щитомъ вѣры, стать противу кознемъ лукаваго (Ефес. 6, 11. 16.), чтобы, одержавъ побѣду со Христомъ, совершивъ подвигъ съ мучениками, услышать оный великій гласъ: *приидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Матѣ. 25, 34.), гдѣ обитель всѣхъ веселящихся, гдѣ гласъ празднующихъ, *гласъ радованія* (Пс. 41, 5.), совершеннѣйшее и чистѣйшее озареніе Божества, приемлемое

нами нынѣ только въ гаданіяхъ и тѣняхъ. Сямъ чувствуемый Кипріанъ увеселяется болѣе, нежели всѣми въ-совокупности другими почестями. Сему любомудрію, бывъ еще на землѣ, поучалъ онъ жизнь; сіе же любомудріе, по отшествіи своемъ, предписываетъ всѣмъ чрезъ мое слово, котораго нимало не оставляйте безъ уваженія, если цѣните сколько-нибудь его терпѣніе и подвиги за истину, а также и меня исполняющаго его порученіе.

Таковы начатки словъ моихъ тебѣ, божественная и священная глава! Такова тебѣ награда за твои слова и за подвигъ — не масляная Олимпійская вѣтвь, не эта дѣтская забава — Делфійскія яблоки, не Истмійская сосна, не Немейскій селинь (е), которыми въ древности воздавалась честь бѣднымъ юношамъ, но слово, которое всего приличнѣе служителямъ Слова! И если оно достойно твоихъ подвиговъ и словъ, то и сіе есть даръ Слова. Ты же милостиво призри на меня съ высоты, управляй моимъ словомъ и жизнью, паси сію священную паству, или будь моимъ сопастыремъ, направляй ее, сколько возможно, къ лучшему, гони отъ нея прочь безпокойныхъ волковъ и всѣхъ гоняющихся за слогами и рѣченіями, подавай намъ наиболѣе совершенное и свѣтлое озареніе Святыя Троицы, Которой ты предстоишь нынѣ, Которой и мы поклоняемся, Которую славимъ, предъ Которою служимъ, поклоняясь Отцу въ Сынѣ, Сыну въ Духѣ Святомъ. Ей да будемъ

(е) Растеніе, называемое иначе *гирча*, изъ семейства *зонтичныхъ*.

напослѣдокъ предстоять съ чистымъ сердцемъ и не-
преткновенно, и ставъ совершенными, да приобщимся
Ея совершенно въ Самомъ Христѣ Господѣ нашемъ,
Которому всякая слава, честь и держава во вѣки
вѣковъ, аминь.

С Л О В О 25,

ВЪ ПОХВАЛУ ФИЛОСОФА ИРОНА (а), ВОЗВРАТИВШАГОСЯ ИЗЪ ИЗГНАНІЯ.

Хотя боленъ я тѣломъ, но буду хвалить Философа (ибо и сіе есть знакъ любомудрія); и поступлю весьма справедливо. Ибо онъ Философъ, а я служитель мудрости; почему мнѣ и прилично хвалить его, чтобъ доказать свое любомудріе, если не другимъ чѣмъ, по крайней мѣрѣ удивленіемъ Философу. А по моему разсужденію, должно или самому любомудрствовать, или уважать любомудріе, если не хотимъ совершенно лишиться всякаго добра и подпасть осужденію въ неразуміи; тогда какъ мы одарены разумомъ и посредствомъ слова течемъ къ Слову.

(а) Философъ Иронъ, какъ видно изъ сего слова, родомъ изъ Александріи, по ученію Циникъ, пострадалъ отъ Аріанъ за православіе, а именно: былъ съченъ и осужденъ на изгнаніе. Иеронимъ, въ спискѣ Церковныхъ Писателей, подъ именемъ Философа Ирона разуметь Максима, также Циника, известнаго въ жизни Св. Григорія Богослова тѣмъ, что онъ въ послѣдствіи покушался присвоить себѣ престолъ Константинопольской Церкви.

294.310

Покажи же намъ и ты (б) свое извѣстное во всемъ прочемъ любомудріе, дозволивъ похвалить себя, и терпѣливо выслушай похвалу. Ибо стану хвалить не изъ лести (мнѣ извѣстно нелюбочестіе любомудраго мужа; притомъ же слово мое ничего не прибавить къ дѣламъ, а развѣ уменьшить ихъ достоинство своею скудостію), но чтобы для себя извлечь пользу. А сего не пренебрежетъ уже любомудріе, которое надъ тѣмъ трудится и о томъ заботится, чтобы облагодѣтельствовать чѣмъ-нибудь жизнь нашу. И первое изъ благодѣяній — восхвалять доброе; потому что похвала пролагаетъ путь соревнованію, соревнованіе — добродѣтели, а добродѣтель — блаженству, которое составляетъ верхъ желаній, цѣль всѣхъ стремленій любове́дца.

Итакъ приступи, наилучшій и превосходнѣйшій изъ Философовъ (присовокуплю даже) и изъ свидѣтелей истины! Приступи, обличитель лжеименной мудрости, которая состоитъ въ однихъ словахъ и очаровываетъ сладкорѣчіемъ, а не можетъ и не хочетъ взойти выше сего! Приступи, ободесноручный въ добродѣтели, какъ въ созерцательной, такъ и въ дѣятельной, ты, который, и въ чуждой для насъ одеждѣ (в), любомудрствуешь по-нашему. А можетъ-быть и одежда твоя намъ не чужда; такъ

(б) Обращеніе къ Философу Ирону.

(в) По замѣчанію Или, Иронъ, какъ Циникъ, носилъ бѣлый плащъ, который Св. Богословъ называетъ чуждымъ, можетъ быть по цвѣту, для Христіанъ ведущихъ любомудрую жизнь, то-есть для монаховъ.

какъ и Ангеламъ свойственно быть свѣтоносными и сіяющими, когда изображаютъ ихъ въ тѣлесномъ видѣ, что почитаю символомъ естественной ихъ чистоты. Приступи, мой Философъ и мудрецъ (ибо доколѣ любить мудрость, если нѣтъ мудрости?)! Приступи, песь (г); назову такъ не за безстыдство, но за дерзновеніе, не за прожорство, но за то, что ограничиваешься насущнымъ; не за лаяніе, но за обереженіе добраго, за неусыпность въ охраненіи душъ, за то, что ласкаешься ко всѣмъ, которые тебѣ—свои по добродѣтели, а лаешь на всѣхъ чужихъ!—Приступи и стань близъ сея Жертвы, у сей таинственной Трапезы, подлѣ меня, который сею Жертвою тайноводствую къ обоженію! Тебя приводятъ къ ней и ученіе, и жизнь, и очищеніе посредствомъ страданій. Приступи; увѣнчаю тебя нашими вѣнцами, и не среди Олимпіи, не на маломъ позорищѣ Еллады, не за отличіе въ борьбѣ, или въ рукопашномъ бою, или въ бѣгѣ, не за другіе мало-важные подвиги, совершаемые для маловажныхъ наградъ и въ честь кого-либо изъ героевъ или демоновъ, прославленныхъ несчастіемъ и баснословіемъ (ибо подобное сему уважается и чувствуется ими (д), послѣ того какъ неразуміе призвало себѣ въ помощники время и обычай, ставшій закономъ), но предъ Богомъ, предъ Ангелами, предъ всею полнотою Церкви, громогласно провозглашу о те-

---

(г) Св. Богословъ, называя Ирона псомъ, дѣлаетъ приноровленіе къ тому, что онъ былъ циникъ; такъ какъ сіе послѣднее наименованіе взято отъ слова *κῶν* (песь).

(д) Язычниками.

бѣ побѣдившемъ ложь ересей, во славу живаго Бога, собственными страданіями научающаго страдать, — побѣдившемъ за такую награду, чтобы пріять небесное царство, стать богомъ неподлежащимъ страданію.

Что же это за провозглашеніе? — Если хотите, чтобы оно было короче и опредѣленнѣе, то скажу: вотъ самый нелживый подвижникъ истины, даже до крови поборникъ Троицы и гонитель гонителей, наносившій имъ зло своею готовностію злострадать; ибо ничто такъ не низлагаетъ гонителя, какъ ревность страдающаго! А если угодно, чтобы мое провозглашеніе было полнѣе и обширнѣе; то скажу: вотъ наилучшій изъ лучшихъ, и благороднѣйшій изъ благородныхъ! Говорю же не о томъ благородствѣ, какое чернь разумѣтъ. Прочь отъ насъ съ нимъ! Не намъ и не Философамъ дивиться тому благородству, которое беретъ свое начало въ баснословіи, гробахъ и давно согнившей уже кичливости, сообщается съ кровію и граматами, и которое даетъ ночь или рука властелина, можетъ-быть и неблагоорожденнаго, такъ же предписывающаго быть благороднымъ, какъ и дѣлать то или другое. Напротивъ того разумью благородство, отличительный признакъ котораго есть благочестіе, добрая нравственность и восхожденіе къ первому Благу, нашему началу. Такого благородства одно доказательство. А нашъ доблественный мужъ не только самъ подвижникъ, но и произошелъ отъ мучениковъ, имѣлъ у себя домашній образецъ добродѣтели. По мудрости онъ гражданинъ цѣлой вселенной; потому что циническая философія не позволяетъ

ограничиваться тѣсными предѣлами. А по плоти гражданинъ города Александріи, который стоитъ на ряду съ нами (е), или слѣдуетъ за нами непосредственно, и во всемъ превосходя прочіе города, преимущественно отличается горячію, и что всего прекраснѣе, горячію Христіанскою и такою приверженностію къ Христіанству, которая происходитъ отъ произволенія, но укоренена въ самой природѣ. Ибо когда въ воспламенение приводитъ благочестіе, тогда раждается ревность; а ревность есть огражденіе вѣры.

Такъ онъ былъ воспитанъ и получилъ образованіе приличное своему происхожденію и назначенію. Когда же наступило время избрать родъ жизни (въ чемъ полагаю основаніе и добраго и худаго поведенія); усматриваетъ онъ нѣчто великое, отъ важное, превышающее выборъ людей обыкновенныхъ. Роскошь, богатство и могущество презираетъ болѣе, нежели избыточествующіе въ этомъ презираютъ другихъ; осмѣиваетъ же и отвергаетъ роскошь, какъ первое изъ злостраданій, богатство, какъ крайнюю бѣдность, и могущество, какъ верхъ безсилія; потому что не почитаетъ того и благомъ, что пріобрѣтшихъ дѣлаетъ не лучшими, а всего чаще худшими, и у обладающихъ не остается до конца. Философіи вручаетъ владычество надъ страстями, со всею бодростію стремится къ добру, еще до разлученія съ веществомъ отрѣшается отъ вещественнаго, борется съ видимымъ, всѣмъ величіемъ природныхъ силъ, всѣмъ благородствомъ про-

---

(е) То-есть Константинополемъ.

изволенія прилѣпившись къ постоянному. А когда утвердился въ такихъ мысляхъ; не почелъ уже нужнымъ разсуждать, какое лучше избрать любомудріе, виѣшнее ли, которое подѣ видомъ и личиною любомудрія играетъ тѣнями истины, или наше, наружно смиренное, но возвышенное внутренно и ведущее къ Богу. Напротивъ того отъ всего сердца избираетъ онъ наше любомудріе, даже не обративъ и помысла на худшее, и не увлекшись изяществомъ рѣчи, о которой столько думаютъ Греческіе Философы. Первымъ же дѣломъ своего любомудрія — поставляетъ узнать, какой изъ нашихъ путей предпочтительнѣе и полезнѣе, какъ для него, такъ и для всякаго Христіанина. Ибо признакомъ души наиболѣе совершенной и любомудрой почиталъ онъ — при всякомъ дѣлѣ сообнимать въ частномъ и общее; потому что каждый изъ насъ получилъ бытіе не для одного себя, но и для всѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ одну природу, и произведены однимъ Творцемъ и для однихъ цѣлей. Притомъ видѣлъ, что жизнь пустынная, отшельническая, удаляющаяся и чуждающаяся общенія съ людьми, хотя сама по себѣ важна и высока, даже выше силъ человѣческихъ, однакоже ограничивается только преуспѣвающими въ оной, отрицается же отъ общительности и снисходительности — свойствъ любви, которая, какъ извѣстно ему было, есть одна изъ первыхъ достохвальныхъ добродѣтелей. Сверхъ того такая жизнь, какъ необнаруживающаяся въ дѣлахъ, не можетъ быть повѣряема и сравниваема съ другими родами жизни. Напротивъ того жизнь общественная, провождаемая въ кругу другихъ,

кромѣ того, что служить испытаніемъ добродѣтели, и распространяется на многихъ, и ближе подходитъ къ Божію домостроительству, которое и сотворило все, и связало все узами любви, и нашъ родъ, послѣ того какъ онъ утратилъ свою доброту чрезъ прившедшій грѣхъ, снова воззвало посредствомъ соединенія и обращенія съ нами. Когда же сообразилъ и исчерпалъ сіе умомъ, а вмѣстѣ призналъ однимъ изъ добрыхъ дѣлъ — смирить кичливость Еллинскихъ Философовъ, которые думаютъ придать себѣ важности плащемъ и бородою: тогда что онъ дѣлаетъ? и какъ приступаетъ къ Философіи? — Наблюдаетъ нѣкоторую средину между ихъ суетностію и нашею мудростію; у нихъ заимствуетъ наружность и одежду, у насъ — истину и высоту. Посему Перипатетиковъ, Академиковъ, почтенныхъ Стоиковъ, и слѣпый случай Эпикуровъ съ атомами и удовольствіемъ, увѣнчавъ волною, какъ нѣкто изъ нихъ — стихотворца (ж), отсылаетъ и гонитъ отъ себя, сколько можно далѣе. Въ цинической же философіи онъ осудилъ безбожіе, а похвалилъ воздержаніе отъ излишняго, и сталъ, какъ видите теперь, псомъ противъ дѣйствительныхъ псовъ, любомудрымъ противъ немудрыхъ и Христіаниномъ для всѣхъ. Онъ пристыждаетъ высокомѣріе Циниковъ сходствомъ наружности, а малосмысленность нѣкоторыхъ изъ нашихъ — ново-

---

(ж) Платонъ, въ своей Республикѣ, признавая Омира вреднымъ для юношества, говоритъ, что надобно его, увѣнчавъ волною, выслать изъ города.

стію одѣянiя, и доказываетъ собою, что благочестіе состоитъ не въ маловажныхъ вещахъ, и любомудріе — не въ угрюмости, но въ твердости души, въ чистотѣ ума и въ искренней наклонности къ добру. А при семъ можно имѣть и наружность, какую угодно, и обращеніе, съ кѣмъ угодно, и оставаться одному съ самимъ собою, укрывая умъ отъ чувствъ, и жить въ кругу людей и знакомыхъ, уединяясь въ самомъ обществѣ, любомудрствуя среди нелюбомудрыхъ, подобно Ноеву ковчегу, который носился поверхъ потопныхъ водъ, или подобно великому Моисееву видѣнію — купинѣ, которую пылающій огонь не сожигалъ, не терпѣтъ вреда отъ обращенiя съ народомъ, или терпѣтъ не болѣе, какъ алмазь подъ ударами, и даже по мѣрѣ силъ, примѣромъ своимъ исправляетъ и другихъ.

Плодомъ такой философіи были не построенные на словахъ города, не какіе-нибудь, какъ сами они называютъ, скиндапсы (з) и трагелафы (и) — ничего не означающія сочетанія буквъ, не категоріи, разложенія и смѣси, не симвамы и парасимвамы (i), и вся именованная мудрость, не какія-нибудь чер-

(з) Скиндапсъ родъ Индійскаго растенія. Послѣку же такого растенія нѣтъ нигдѣ въ другомъ мѣствѣ; то Св. Григорій почитаетъ наименованіе сіе ничего незначающимъ словомъ.

(и) Трагелафъ — животное, состоящее изъ козла и оленя, которое Св. Григорій признаетъ баснословнымъ.

(i) Лукіанъ, осмѣивая философа Хрисиппа, влагаетъ ему въ уста слѣдующія слова: Если хромый, хромою ногою запнувшись за камень, получитъ рану, то хромота будетъ *симвама*, а рана на хромою ногу — *парасимвама*.

ты, нигдѣ не имѣющія мѣста (к), не взаимныя сочетанія звѣздъ и созвѣздій, выдуманныя въ оскорбленіе Божія промысла. Ибо все сіе почиталъ онъ предметами второстепенными и придаточными, которыми можно заняться для забавы, чтобы не стать посмѣшищемъ для людей, выдающихъ себя знатоками такихъ вещей. Первымъ же и важнѣйшимъ для него дѣломъ было — говорить правду предъ князьями, имѣть дерзновеніе предъ царями, въ подражаніе божественному Давиду, который говорилъ *предъ цари и не стыдился* (Пс. 118, 46.), останавливать безразсудство волнуемой черни, власть раздраженныхъ господъ, истощаніе несогласныхъ семействъ, грубость невѣждъ, заносчивость ученыхъ, превозношеніе богатаго, презорство живущаго въ довольствѣ, нищету доводящую до преступленій, гнѣвъ стремительный и лишающій разсудка, неумѣренность въ наслажденіяхъ, невоздержанность смѣха, чрезмѣрность скорби; прекращать безпорядки юности, малодушіе старости, одиночество вдовства, отчаяніе сиротства. Всего этого не предпочтетъ ли силлогизмамъ, линіямъ и разсатриванію звѣздъ всякій здравомыслящій человекъ, разсудивъ, что если бы всѣ занимались умозаключеніями, стали геометрами и астрономами, то отъ сего не произошло бы никакой пользы для нашей

(к) Св. Богословъ говоритъ о геометрическихъ линіяхъ, что онъ нигдѣ не имѣютъ мѣста, то-есть ни въ самомъ веществѣ, потому что разсатриваются въ отвлеченіи отъ тѣлъ, ни въ мысли, потому что онъ не суть что-либо только мысленное.

жизни, а скорѣе бы все разстроилось; напротивъ того, если не будетъ въ обществѣ ни одной изъ добродѣтелей, мною исчисленныхъ, по необходимости придетъ все въ беспорядокъ и замѣшательство? И нужно ли говорить, сколько добродѣтели сіи лучше и выше Антисѣеновой гордости, Диогенова прозорства и Кратесова общеженства? — Пощадимъ сихъ Философовъ по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ наименованію (л), чтобы и имъ отъ сего мужа получить нѣкоторую пользу. Но чтобы не распространяться о цѣломудрїи, воздержности, смиренїи, привѣтливости, общительности, человѣколюбіи и о прочихъ доблестяхъ, которыми нашъ Философъ превосходитъ всѣхъ, обратимся къ тому, что по порядку времени послѣднее, а по важности первое.

Было время, что послѣ ересей настала тишина, и Симоны, Маркіоны, Валентины, Василиды, Кердоны, Керинѣи и Карпократы, долгое время разсѣкавшіе Бога всяческихъ и за Благаго воздвигавшіе брань противъ Создателя (м), со всѣми своими бреднями и нелѣпостями поглещемъ собственною ихъ Глубиною, и по справедливости преданы Молчанію (н); а также сошли съ позорища и удалились: лукавый духъ Монтановъ (о), тѣма Манесова (п), жестокость или

(л) То-есть Цинниками; потому что и Иронъ былъ Циникъ.

(м) Валентинъ, Кердонъ и другіе учили, что не благій Богъ былъ творцемъ міра.

(н) Глубина (*βαθος*) и Молчаніе (*σιγη*), по ученію Симона, Маркіона и ихъ преемниковъ, были главные изъ Эоновъ.

(о) Монтанъ водилъ съ собою одну безчестную женщину и называлъ ее Духомъ Свѣтымъ (п). Манесъ училъ, что необразованная матерія, или тѣма, соевѣна Богу.

чистота Наватова (р), и злонамѣренное Савелліево защищеніе единоначалія (с); и Наватово ученіе отлучено на ряду съ другими противоборствующими истинѣ, а Савелліево, по причинѣ неосновательности, совершенно отринуто и презрѣно. Между тѣмъ ничто другое не огорчало Церковь; ибо гоненія дѣлали ее еще болѣе славною чрезъ самыя страданія.

Но чрезъ нѣсколько времени возстаетъ на Церковь новая буря—эта пучина неправды, полнота нечестія, этотъ легионъ духовъ, языкъ Антихристовъ, умъ, говорившій *неправду въ высоту* (Пс. 72, 8.), усѣкавшій Божество, тотъ, чье предпріятіе ужасно, а кончина еще ужаснѣе и достойна Іудина предательства, на какое дерзнулъ онъ противъ Спасителя нашего, сей Арій, прилично получившій себѣ имя отъ неистовства (т). Онъ, начавъ съ Александріи, гдѣ замыслилъ свое ужасное ученіе, послѣ того какъ, подобно неуправляемому пламени, возгорѣвшемуся отъ искры, протекъ большую часть вселенной, низлагается нашими Отцами и благочестивымъ сонмомъ, который собрался тогда въ Никее и заключилъ Богословіе въ точныя предѣлы и выраженія.

(р) Нават не допускалъ до покаянія отрекшихся отъ вѣры во Христа, и даже всѣхъ, падшихъ послѣ крещенія, и двосженцевъ.

(с) Савеллій три Лица Святыя Троицы сливалъ въ единое Лице Отца.

(т) То-есть отъ языческаго бога брани, Арея или Марса.

Потомъ настаетъ худое царствованіе (у), и снова оживаетъ зло; какъ будто раскрываются и прорываются нагноившіяся раны, какъ будто свирѣпые волки, окруживъ насъ со всѣхъ сторонъ, терзаютъ Церковь. Священники вооружаются на священниковъ, сословія встаютъ съ неистовствомъ противъ сословія, самъ Царь придаетъ дерзости нечестію, пишетъ законы противъ Православія, и при немъ усиливаются люди (ф), которыхъ нельзя назвать ни мужами, ни женами. Но кто должнымъ образомъ изобразить вполнѣ тогдашнія бѣдствія: изгнанія, описанія имущества, безчестія, переселенія въ пустыню многихъ тысячъ и цѣлыхъ городовъ, бѣдствующихъ тамъ подъ открытымъ небомъ, страдающихъ отъ дождей и стужи, и принуждаемыхъ бѣжать даже изъ самой пустыни, потому что и она не избавляетъ отъ опасности?

Кто изобразить бѣдствія и сихъ жесточайшія (х) — побои, смерти, изведение на поборъ Епископовъ, ведущихъ любомудрую жизнь, мужей, женъ, юношей, старцевъ? Кто изобразить, какъ народовластители избрѣтаютъ лютыя мученія, къ избрѣтенымъ присовокупляютъ новыя, услуживаютъ нечестію, часто тѣмъ единственно заслуживаютъ одобреніе, что оказываютъ жестокости даже сверхъ воли державнаго? Недавно возимѣло конецъ сіе знаме-

(у) Констанціево.

(ф) При Констанціи имѣлъ большую силу Емвухъ Епископъ Аріанинъ.

(х) При Юліанѣ отступникъ.

нитое гоненіе, и Персія прекрасно рѣшила наше дѣло, истребивъ губителя и въ возмездіе за кровь многихъ удовлетворивъ кровію одного.

А теперь начинается гоненіе позорное (и); подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ оградить Христіанъ отъ нечестія, оно нападаетъ на истинныхъ Христіанъ; и тѣмъ оно ужаснѣе прежняго, что тогда подвигъ былъ знаменитъ и славенъ, нынѣ же и страдать не похвально, по крайней мѣрѣ въ глазахъ людей, которые о страданіяхъ судятъ неправильно. Хотите ли, чтобъ у всѣхъ предстоящихъ, а можетъ - быть и у самаго твердаго, не побѣждаемаго никакою страстію, извлекъ я слезы, напомнивъ объ одномъ изъ тогдашнихъ событій? Свидѣтели повѣствуемаго мною многочисленны, до многихъ дошло плачевное сказаніе о семъ страданіи, а думаю, что исторія сего времени передастся и будущимъ временамъ.

Корабль, несущій на себѣ одного пресвитера (ч), бѣдствующаго не за худой поступокъ, но за Вѣру, снаряжается въ море, чтобъ не спасти, но погубить пловца. И онъ, какъ мужъ благочестивый, охотно вступаетъ на корабль, въ сопутники ему влагается огонь; а гонитель увеселяется новымъ родомъ мученія. Какое зрѣлище! Какое злодѣяніе! Корабль среди моря; берега покрыты зрителями, и изъ нихъ одни смотрятъ съ удовольствіемъ, другіе терзаютъ

(и) При Императорѣ Валентѣ, который былъ покровителемъ Аріанъ.

(ч) По сказанію однихъ, Урвана, а по сказанію другихъ, Θεодула.

ся. Можно ли въ краткихъ чертахъ изобразить мнѣ многое? — Огонь воспламеняется, потребляетъ корабль, а вмѣстѣ съ нимъ и цловца; пламень мѣшается съ водою, двѣ противоборствующія стихіи дѣйствуютъ за-одно, чтобъ мучить благочестиваго, обѣ онѣ дѣлятъ между собою одно тѣло. Надъ моремъ стоитъ необычайный свѣтильникъ; иный приближался можетъ-быть къ нему, какъ къ кроткому и привѣтливому; но, приблизившись, находилъ горестное и невѣроятное зрѣлище — корабль безъ кормчаго, кораблекрушеніе безъ бури, пресвитера обратившагося въ пепель, или даже и не въ пепель, потому что и тотъ разсыпанъ былъ по водамъ. Священству не оказано и того уваженія, чтобъ имѣть ему честную кончину, а если не кончину, то, по крайней мѣрѣ, гробъ, въ которомъ не отказываютъ и нечестивымъ. Таковъ корабль, снаряженный нечестивцемъ, и таковъ конецъ благочестиваго; и никогда огонь небесный и карательный не бываетъ свѣтозарнѣе огня, озарявшаго сіе событіе!

Но что мнѣ до посторонняго? Время уже приступить къ твоему (ш) собственному подвигу, и къ твоимъ страданіямъ за благочестіе, которыя, какъ прекрасная печать, приложены тобою ко всѣмъ прежнимъ подвигамъ. Зло этой ереси имѣло полную силу въ твоёмъ городѣ, гдѣ оно получило и начало. Между тѣмъ святѣйшее око вселенной, Архіерея Іереевъ, твоего наставника въ исповѣданіи, поучавшаго собственными подвигами за благочестіе,

---

(ш) Обращеніе къ Ирону.

сей великій гласъ, столпъ Вѣры, сего (если можно такъ сказать) втораго свѣтильника и предтечу Христова, почившаго въ старости доброй, исполненной дней благоугодныхъ, послѣ навѣтовъ, послѣ подвиговъ, послѣ многой молвы о рукѣ, послѣ живаго мертвеца (щ), къ Себѣ преселяетъ Троица, для Которой онъ жилъ, и за Которую терпѣлъ напасти (я увѣренъ, что по сему описанію всякій узнаетъ Аѳанасія). Тогда вторгается въ Церковь новая Египетская язва или казнь, предатель истины, волчій пастырь, разбойникъ перескакивающій чрезъ дворъ овчій, вторый Арій, *развращеніе мутное* (Аввак. 2, 15.) и странное, потокъ безбожія обильнѣйшій самага источника (ъ). Коснѣтъ языкъ мой пересказывать тогдашнія беззаконія и скверныя убійства, среди которыхъ этотъ звѣрь занимаетъ святыи престолю, и которыя предшествовали лукавому его вшествію. Однакоже оплачу изъ многого немногое (что и вы оплакиваете и прежде оплакивали), взывая словами Давида: *Боже, придоша язвы въ достолніе Твое, оскверниша храмъ святыи Твой, и еще слѣдующими: положиша трупила рабъ Твоихъ брашно птицамъ* (Пс. 78, 1. 2.) и снѣдь звѣрямъ. Присовокуплю и сія слова изъ другой плачевной пѣсни тогоже Пророка: *елика*

(щ) Объясненіе на сіе смотри въ словъ Святому Аѳанасію Великому.

(ъ) Это Аріанинъ Лукій, который изгналъ Аѳанасіева преемника Петра и насильственно занялъ епископскій престолъ въ Александріи. →

лукавнова врагъ во святѣмъ Твоемъ, и восхвали-
 шая ненавидящій Тя посредь праздника Твоего
 (Пс. 73, 3. 4.). Ибо какъ не хвалились они! Какъ
 не оскверняли святаго храма различными приклю-
 ченіями и злодѣяніями всякаго рода! Предводи-
 тельствовалъ челоѣкъ (ы) безбожный и незакон-
 ный, не имѣвшій (что всего ужаснѣе въ поруганіи)
 даже имени Христіанина, но притекшій въ храмъ
 Божій прямо отъ идоловъ, отъ нечистыхъ кровей
 еще къ гнуснѣйшимъ и отвратительнѣйшимъ, и та-
 кимъ надъ нами поруганіемъ совершавшій можетъ-
 быть службу демонамъ. Снаряжалась сила, кипя-
 щая яростію, — воинство необычайное и свирѣпое
 противъ людей безоружныхъ и невоителей. Изго-
 няемъ былъ преемникъ Святаго, Іерей, помазанный
 Духомъ по закону и чину, украшенный сѣдиною и
 благоразуміемъ (ь): а воцарялся Тавенль (Ис. 7, 6.),
 наслѣдникъ чуждой власти (ѳ). На святыхъ поднято
 оружіе, на неприкосновенное занесены нечистыя
 руки, и пѣснопѣнія заглушены звукомъ трубъ.
 Смотри же, что за симъ еще слѣдовало: мужи па-
 дали мертвыми въ святилищахъ; жены, даже съ но-
 симымъ ими естественнымъ бременемъ, попираемы
 были ногами, и отъ-того преждевременно рождали,
 или, точнѣе сказать, дѣлались нераждающими; дѣвѣ

(ы) Палладій, Александрійскій Градоначальникъ.

(ь) Преемникъ Св. Аѳанасія Архіепископъ Александрійскій
 Петръ.

(ѳ) Тавенломъ Св. Григорій Богословъ называетъ упомяну-
 то выше Аріанина Лукія, который изгналъ Петра и занялъ
 его епископскій престолъ въ Александріи.

влекли немилосердно, подвергали позорнымъ истязаніямъ (столько же стыжусь мужей и женъ сіе описывать и обнажать словомъ сокровенности позора, сколько стыжусь за нихъ самихъ, тогда обнажаемыхъ); однѣ, отъ неблагопристойности ими видимаго, бросались въ колодцы, находившіеся внутри храма, другія кидались стремглавъ изъ верхнихъ притворовъ, нныя кучами повергались на лежащія трупы. Убійства слѣдовали за убійствами, пораженія за пораженіями; святыня потоптана нечистыми ногами, алтари поруганы безчинными тѣлодвиженіями и пѣснями, даже (какъ слышу — чей дерзновенный языкъ выговорить это?) плясками и кривляньями; богохульные языки проповѣдывали съ святительскихъ престоловъ, таинства подверглись кощунству, пѣснопѣнія умолкли, и вмѣсто ихъ раздавался вой; текли потоки крови, ручьи слезъ; священниковъ уводили, отшельниковъ терзали — совершенное подобіе нашествія Ассиріанъ, когда пришли они во святой Іерусалимъ! Ни слово не можетъ вполне изобразить, ни слухъ вмѣстить сего, и чтобъ оплакать это, какъ должно, нужны душа и гласъ Іереми, который самъ требуетъ источниковъ слезъ (Іер. 9, 1.), призываетъ стѣны къ пролітію оныхъ о подобныхъ злостраданіяхъ (Іл. Іер. 2, 18.), налагаетъ плачь на пути Слонскіе, *яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ* (Іл. Іер. 1, 4.). — Такія событія видѣлъ Востокъ, но оплакивалъ ихъ и Западъ, гдѣ изгнанный Іерей (э) всенародно по-

---

(э) Александрійскій Архіепископъ Пётръ, спасшись отъ Арі-

казывалъ знаменія сего безумія. Какимъ же образомъ? Не мертвецомъ, но окровавленную одежду представилъ онъ Римской Церкви, и старался извлечь у всѣхъ слезы безмолвною жалобою, чтобы и страданіе выразить, и получить въ бѣдствіяхъ помощь, которая, какъ извѣстно намъ, и была получена. Ибо сильный всего скорѣе преклоняется къ слабому, и по добровольному благорасположенію беретъ сторону униженнаго.

И никто изъ благочестивыхъ не могъ перенести сего равнодушно: но тѣмъ въ большей мѣрѣ возбуждаетъ сіе тебя, чѣмъ совершеннѣе твой умъ и пламеннѣе ревность. Посему ты ополчаешься за слово, а вмѣстѣ и самъ подвергаешься нападеніямъ нечестія. Послѣ многихъ ратоборствъ, въ которыхъ дѣломъ и словомъ подвизался ты за правду, поучая, увѣщавая, возбуждая, обличая, укоряя, посрамляя простолюдиновъ и начальниковъ, наединѣ и всенародно, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, наконецъ, когда злочестивая власть предалась бѣшенству, ты схваченъ и (какъ благородно твое бѣдствование! какъ священны твои раны!) доблюю плоть свою отдаешь на бичеваніе, оставаясь какъ-бы зрителемъ чужихъ страданій. Хотя изнемогаетъ въ тебѣ видимое, однако же не низлагается внутреннее. Взорамъ всѣхъ открывается мужество твое; и, когда языкъ отказался уже вѣщать, ты дѣлаешься

анъ, убѣгаетъ въ Римъ къ Папѣ Дамасу, и приноситъ съ собою окровавленную одежду убитыхъ Аріанами. См. Сократа кн. 4, гл. 23. и Никифора кн. 11, гл. 26.

безмолвнымъ учителемъ терпѣнія. Чтò же потомъ?— Тебя, для котораго нигдѣ нѣтъ ни своей ни чужой стороны, изгоняютъ изъ отечества для того, думаю, чтобъ и другіе научились отъ тебя благочестію. Мѣстомъ заточенія твоего назначенъ Оазисъ, безлюдная пустыня, чрезъ тебя уже сдѣлавшаяся значительнымъ селеніемъ.

Сообщи же намъ благіе плоды твоего изгнанія, такъ какъ пользуемся плодами твоего возвращенія. И пусть возвращеніе твое будетъ для насъ общимъ зрѣлищемъ. Кого научилъ ты тамъ любомудрствовать? Кого отвлекъ отъ нечестивыхъ мнѣній? Кого привелъ къ благочестію? Какъ будто вижу передъ собою тамошнее училище, вижу и послѣднее собраніе вокругъ тебя. Скажи и сіе: имѣлъ ли ты сколько-нибудь утѣшенія для останковъ плоти, или и нищета входила въ твое любомудріе? Были ли у тебя сообщники твоего подвига, или и въ семь охотно терпѣлъ ты недостатокъ? Желалъ ли видѣть при себѣ сестеръ, съ которыми вмѣстѣ обучился чистотѣ и терпѣнію, или былъ ты выше и привязанности своей къ нимъ? Безпокоило ли тебя одиночество престарѣлой твоей матери, или крѣпко былъ ты увѣренъ, что оставилъ имъ самую твердую защиту—благочестіе?

Но поелику ты (что прекрасно сдѣлано) возвратился къ намъ, поелику Тотъ, Кто прославляетъ прославляющихъ Его (1 Цар. 2, 30.) и раздражаетъ раздражающихъ (Второз. 32, 21.), Кто творитъ волю болящихъ Его (Пс. 144, 19.) и въ мертвыхъ вдыхаетъ силу воскресенія, Кто четве-

родневнаго Лазаря, и тебя четверолѣтнаго (ю) оживотворяеть сверхъ чаянія, Кто, по видѣнію досточуднаго и возвышеннѣйшаго изъ Пророковъ Іезекіиля (37, 7.), совокупляетъ кости съ костями и составъ съ составомъ,—и тебя, исполненнаго къ намъ любви, отдалъ опять любящимъ тебя: то продолжай снова тоже дѣланіе и съ тѣмъ же дерзновеніемъ, дабы не подумали, что страданія разслабили тебя, и что ты изъ страха измѣняешь любомудрію. Посрамляй, какъ и прежде, и суевѣріе Еллиновъ, и ихъ многобожное безбожіе, и древнихъ и новыхъ боговъ, и гнусныя басни и еще гнуснѣйшія жертвы, какъ говоритъ нѣкто изъ нихъ же самихъ (я), очищающихъ грязь грязью, то—есть плоть плотію, собственную плоть—плотію безсловесныхъ. Посрамляй и благопристойныя ихъ изваянія, и срамныя истуканы, которыми если ограничиваютъ они Божество, то какое жалкое ослѣпленіе! а если изображаютъ только, то какое невѣжество! Пусть объяснятъ, какая причина такого безобразія и какой таинственный въ этомъ смыслъ! Ибо надобно, чтобъ и самыя выраженія прекраснаго не были безобразны. Или скажутъ, что здѣсь заключается нѣчто кромѣ сего? Пусть удостовѣрятъ, что именно? изъ какихъ взято книгъ и богослововъ? Посрамляй и востанія ересей, даже тѣмъ ревностнѣе, что ты искусился уже въ страданіяхъ; ибо любомудріе дѣлается отъ

(ю) Четыре года находившагося въ изгнаніи, и въ продолженіе сего времени какъ-бы умершаго для насъ.

(я) Гераклитъ.

страданій мужественнѣе и твердѣть въ бѣдствіяхъ, какъ раскаленное желѣзо въ холодной водѣ.

Заклучи въ предѣлы и наше благочестіе, учи вѣдать, какъ Единого нерожденного Бога — Отца, такъ Единого рожденного Господа — Сына (именуемаго Богомъ, когда говорится о Немъ въ отдѣльности (*καθ' εἰυτόν*), и Господомъ, когда именуется Онъ при Отцѣ, Богомъ — по естеству, Господомъ — по единоначалію) и Единого Духа Святаго, пшедшаго или исходящаго отъ Отца, Бога для *разумно разумѣвающихъ предлагаемая* (Притч. 23, 1.), оспориваемаго нечестивыми, но тѣми, которые выше ихъ, признаваемаго, и еще болѣе духовными проповѣдуемаго. Учи насъ не дѣлать Отца подначальнымъ (дабы не ввести чего-то такого, что первоначальнѣе первоначальнаго, и чѣмъ извратится бытіе первоначальнаго), а Сына или Духа Святаго не дѣлать безначальнымъ (дабы у Отца не отнять Ему свойственнаго). Ибо Они не безначальны, и вмѣстѣ въ нѣкоторомъ отношеніи (что и составляетъ трудность) безначальны. Они не безначальны въ отношеніи къ Виновнику; потому что, какъ свѣтъ изъ солнца, такъ Они изъ Бога, хотя и не послѣ Него. Но Они и безначальны въ отношеніи ко времени, потому что не состоятъ подъ временемъ, а иначе текущее было бы старше постояннаго и несамостоятельное — самостоятельнаго. Учи не вводить трехъ началъ, чтобъ не ввести чего-либо языческаго или многобожнаго, да и вводя одно, не вводить какого либо Иудейскаго начала — скуднаго, завистливаго, безсильнаго, или предполагая, что Божество поглощается Само Собою (какъ угодно тѣмъ, которые

Сына, хотя производять отъ Отца, но опять разрѣшаютъ въ Отца,) или (что нравится нынѣшнимъ мудрецамъ) унижая естество Сына и Духа и отчуждал отъ Божества, какъ будто бы Оно опасается противоборства и не имѣетъ силы произвестъ что либо высшее тварей. Учи не признавать Сына нерожденнымъ (потому что Отець одинъ) и Духа Сыномъ (потому что Единородный одинъ). Пусть и сіи Божескія свойства принадлежать Имъ исключительно образомъ, а именно: Сыну — сыновство, Духу же — исхождение, а не сыновство. Учи Отца именовать истинно Отцемъ и въ смыслъ гораздо болѣе истинномъ, нежели какъ именуется наши земные отцы; потому что Онъ Отець въ единственномъ смыслѣ, то — есть своеобразно, а не по подобію плотскихъ отцевъ, — Отець Единственный, то — есть не въ сочетаніи съ кѣмъ-либо, — Отець Единственного Сына, то — есть Единороднаго, — Отець исключительно, то — есть не бывшій прежде Сыномъ, — Отець всецѣло и всецѣлаго Сына (чего нельзя достовѣрно сказать о нашихъ отцахъ), — Отець изъ-начала, то — есть не въ-послѣдствіи сдѣлавшійся Отцемъ. Учи Сына именовать истинно Сыномъ; потому что Онъ Единственный Сынъ Единственного Отца, Сынъ въ единственномъ смыслѣ и исключительно, а не вмѣстѣ и Отець, — Сынъ всецѣло и всецѣлаго Отца, — Сынъ изъ-начала, не начавшій когда-либо быть Сыномъ; потому что не въ слѣдствіе премѣненія совѣтовъ Его Божество, и не въ слѣдствіе преуспѣянія Его обоженіе, такъ чтобы Отець не былъ когда-либо Отцемъ и Сынъ — Сыномъ. Учи именовать Святаго Духа истинно

Святѣмъ; потому что никто другой не святъ такъ и въ такой мѣрѣ, и Святость Духа есть не что-либо придаточное, но самоисточное; Она не есть что либо возрастающее или убывающее, что-либо во времени начинающееся и прекращающееся. И Отцу, и Сыну, и Святому Духу суть общи неначинаемость бытія и Божественность; но Сыну и Духу принадлежитъ имѣть бытіе отъ Отца. И отличительное свойство Отца есть нерожденность, а Сына — рожденность, и Духа Святаго — исходность (*εκτεμψις*). Когда же домогаешься постигнуть образъ (рожденія и исхожденія); тогда что оставляешь Имъ Самимъ, Которые, по свидѣтельству Писанія, одни только знаютъ Другъ Друга, и Другъ Другомъ познаются (1 Кор. 2. 11.), или что оставишь и тѣмъ изъ насъ, которые въ-послѣдствіи будутъ просвѣщены тамошнимъ (е) свѣтомъ? Содѣлайся прежде чѣмъ-либо изъ сказаннаго или подобнымъ тому, и тогда познаешь столько, сколько Они познаются Другъ Другомъ. Теперь же учи единственно вѣдать сіе: Единицу въ Троицѣ и Троицу въ Единицѣ покланяемую, въ Которой и раздѣльность и единство непостижимы. Не бойся, что, исповѣдуя рожденіе, припишешь Божеству страдательность. Божество, хотя и раждаетъ, однакоже не страждетъ. И я въ томъ тебѣ порукою, что Оно раждаетъ божески, а не человѣчески; потому что и бытіе Его не человѣческое. Бойся же приписывать Богу время и тварность; ибо, если произошелъ во времени, то не Богъ. Бойся, чтобъ, безъ нужды стоя за Бога, не

(е) Горнимъ.

отринуть Бога, содѣлавъ сослужебною себѣ тварію Того, Кто равенъ Отцу по Божеству, Кто и тебя освободить отъ рабства, если искренно исповѣдуешь Его владычество. Не бойся исповѣдывать исхождение; потому что Богу, во всемъ презыточествующему, равно нѣтъ необходимости — или не изводить или изводить. Бойся же отчужденія и той угрозы, какая возвѣщена не богословствующимъ, по хулящимъ Духа Святаго (Матѳ. 12, 31. 32.). Не воздавай худаго чествованія Единоначалию, сокращая или обсѣкая Божество. Не стыдись обвиненія въ троебожіи, пока можно другаго винить въ двоебожіи; съ нимъ вмѣстѣ и ты, или опровергнешь обвиненіе, или придешь въ затрудненіе; или, когда у него вмѣстѣ съ умствованіями его потерпишь крушеніе Божества, у тебя соблюдется Оно невредимымъ, хотя и изнеможеть слово. Лучше изнеможь въ умствованіяхъ подъ водительствомъ Духа, нежели, гоняся за легкостію, безъ труда согласиться на нечестивыя мнѣнія. Пренебрегай настоятельность и возраженія — это новое благочестіе, эту мелочную мудрость, и презирай ихъ больше, нежели ткани пауковъ, которыя задерживаютъ мухъ, но легко прорываются осами, не говорю уже, пальцемъ или другимъ чѣмъ-нибудь болѣе тяжелымъ. Учи одного только бояться, а именно: своими лжеумствованіями подкапывать Вѣру. Не бѣда, если побѣдятъ кого словомъ; потому что не всѣмъ данъ даръ слова. Страшно отложиться отъ Божества; потому что упованіе всѣмъ необходимо.

Ты и самъ собою разсудишь все сіе, даже, сколько знаю, и внимательнѣе и совершеннѣе. Въ томъ

ручаются мнѣ твои раны и понесенные тобою труды ради благочестія. Но и я, по мѣрѣ силъ своихъ, полюбоудрствую съ тобою. Когда же отправишься въ добрый путь свой, вспомни о Троицѣ, обитающей въ скиніяхъ (если только Богъ въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ); вспомни о сей малой жатвѣ. Хотя не мало на ней сѣмень благочестія; однако же она мала и скудна, и собирается съ нея по немногу. *Понеже быхъ яко собиралъ сламу на жатвь* (если кстати употребить здѣсь слово Пророка), и *яко пѣродокъ въ обжиманіи винограда, не сущу гроздію* (Мих. 7, 1.). Видишь, каковъ у насъ сборъ плодовъ; посему постарайся сдѣлать, чтобъ и гумно обогатилось, и точило стало полнѣе. Расскажи и о моемъ призваніи, о невѣроятномъ преселничествѣ, которое совершилъ я не для того, чтобъ роскошествовать, но чтобъ злопострадать, дабы чрезъ вкушеніе бѣдствій приобщиться и славы. Надѣйся, что помощникомъ твоимъ въ молитвахъ и спутникомъ въ странствованіи будетъ сей народъ — сія скудная числомъ паства, но не скудная благочестіемъ, стѣсненность которой уважаю я больше, нежели широту другихъ паствъ. Сіе вѣщаетъ Духъ Святый. Съ Нимъ преидешь чрезъ огнь, усыпишь звѣрей, укротишь властелиновъ. Такъ отправляйся въ путь, такъ путешествуй, и оячь возвратись къ вамъ богато обогащеннымъ, вторично увѣнчаннымъ, воспѣвая съ вами побѣдную пѣснь, и мнѣ и впредь, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки, аминь!

С Л О В О 26,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ СВЯТЫМЪ ГРИГОРИЕМЪ ВОГОСЛОВОМЪ О СЕБѢ САМОМЪ, КОГДА ОНЪ, ПОСЛѢ МАКСИМОВА ПОКУШЕНІЯ ЗАНЯТЬ АРХІЕПИСКОПСКІЙ ПРЕСТОЛЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ, ВОЗВРАТИЛСЯ ИЗЪ СЕЛА.

Я желалъ быть съ вами, дѣти, и вы въ равной мѣрѣ желали быть со мною. Вѣрю сему; и если слово требуетъ подтвержденія, клянусь: *такъ ми ваша похвала, братіе, юже имамъ о Христъ Исусъ Господь нашемъ* (1 Кор. 15, 31.)! Сію клятву далъ Духъ Святой, подвигшій меня къ вамъ, да уготовлю Господу *люди избранны* (Тит. 2, 14). Смотрите, какова вѣра: и за себя увѣряю, и за васъ ручаюсь. И сіе нимало не удивительно. Гдѣ общій духъ, тамъ и чувствованія общія; а гдѣ равно чувствуютъ, тамъ равно и вѣрятъ. Кто самъ не ощущалъ чего, тотъ не повѣритъ и другому; а кто чувствовалъ, тотъ готовъ дать согласіе; онъ — невидимый свидѣтель невидимаго чувствованія, онъ — собственное зеркало для чужаго образа.

Посему-то у меня не достало терпѣнія жить долѣе въ разлукѣ съ вами; хотя не мало огорчаетъ и тяготитъ меня видимое здѣсь, — не одно то, что въ

городахъ обыкновенно: стеченіе народа, шумъ, торжища, зрѣлища, пресмыщеніе, обиды, влекущіе и влекомые, наносящіе и претерпѣвающіе вредъ, плачущіе и оплакиваемые, рыдающіе, радующіеся, желящіеся, погребаящіе, хвалимые и хулимые, всѣ поводы къ пороку, броженіе міра, внезапныя перемѣны какъ въ Еврипѣ и въ направленіи вѣтровъ, но даже и сіи почтенныя и достойныя уваженія люди, — говорю о предстоящихъ въ семъ алтарѣ и при святой трапезѣ. Такъ какъ имѣю по-видимому надъ ними власть, и самъ нахожусь въ числѣ приступающихъ къ Богу: то боюсь, что мы худо приступаемъ, и, какъ солома приближающаяся къ огню, не стерпимъ огня. При всемъ томъ я возвратился къ вамъ; и хотя удалился по принужденію, однакожь прихожу назадъ безъ принужденія, даже съ великою охотою, и, какъ говорится, ноги сами шли; такъ Духъ ведетъ меня, подобно потоку, который вверхъ поднимается съ усиліемъ, а внизъ самъ собою течетъ быстро. Подлинно, одинъ день составляетъ цѣлую человѣческую жизнь для тѣхъ, которые страдаютъ любовію. Ибо, мнѣ кажется, нейдетъ сюда въ примѣръ, что было съ Іаковомъ, который, четырнадцать лѣтъ работая Лавану Сиріянину за двухъ дѣвъ, не утомлялся. Для него, какъ сказано, *занеже любяше ихъ, всѣ дни были какъ день одинъ* (Быт. 29, 20), можетъ-быть потому что предметъ любви находился предъ глазами, или потому что легко страдать любовію, хотя замедленіе и огорчительно. Такъ, что легко поступаетъ въ обладаніе, то менѣе возбуждаетъ пожеланія, какъ сказалъ нѣкто прежде насъ. И я, когда былъ вмѣстѣ съ вами, мало чув-

ствовалъ силу любви, а когда разлучился, узналъ любовь — сего улаждающаго мучителя. Въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Пастухъ скорбитъ о тельцѣ, который отсталъ отъ стада, объ овцѣ, которой недостаетъ въ десяткѣ, и птичка горюетъ о гнѣздѣ, которое оставила не надолго. Одинъ, взявъ свирѣль, взоидя на высокое мѣсто, наполняетъ унылыми звуками свирѣль свою, зоветъ заблудившихъ, какъ разумныхъ, и, если послушаются, радуется о нихъ больше, нежели о всемъ стадѣ, которое не сдѣлало ему такихъ заботъ. А другая съ крикомъ летитъ къ гнѣзду, припадаетъ къ щебечущимъ птенцамъ и обнимаетъ ихъ крыльями. Какая же привязанность должна быть у добраго пастыря къ словеснымъ овцамъ, за которыхъ онъ подвергался уже опасностямъ, такъ какъ и сіе усугубляетъ любовь? Такъ и я боюсь, чтобъ волцы тлжцы (Дѣян. 20, 29.), подмѣтивъ окружающую насъ тьму, не разогнали стада увлекательными и дерзкими ученіями. Ибо, не имѣя силъ дѣйствовать явно, они выжидаютъ безвременья. Боюсь, чтобъ разбойники и тати, проходя чрезъ дворъ (Іоан. 10, 1.), или безстыдно не похитили, или не уловили обманомъ, и потомъ не заклали, не убили, не погубили, *восхищающе восхищеніа, души изыдающе*, какъ сказалъ одинъ изъ Пророковъ (Іезек. 22, 25.). Боюсь, чтобы кто-нибудь, вчера и третьяго дня бывшій нашимъ, найдя дверь не запертою и войдя въ нее, какъ свой, не сталъ строить намъ козней, какъ чужой. Ибо много различныхъ ухищреній у того, кто дѣйствуетъ такимъ образомъ, и никто не разнообразенъ столько въ изобрѣтательности, сколько

преушищенный на зло противникъ нашъ. Боюсь еще и псовъ (а), которые усиливаются стать пастырями, и, что особенно странно, ничего не приносятъ въ пастырское званіе кромѣ того, что остригаютъ волосы, которые не на добро росли. Они и сами не остались и пастырями не сдѣлались, а только расхищаютъ, разсыпаютъ и разрушаютъ чужой трудъ. Потому что всегда легче повредить, нежели сохранить; и *человѣкъ рождается*, говоритъ Іовъ (Іов. 5, 7), и корабль строится, и домъ создается съ трудомъ; но одного убить, другой разрушить, третій сжечь можетъ всякій, кто захочетъ. Итакъ да не думаютъ много о себѣ тѣ, которые поставили къ стаду псовъ; они не могутъ сказать, что приобрѣли, или спасли, хотя одну овцу. Ибо упражнявшіеся въ худомъ не научились дѣлать добра. Если же они истребляютъ стадо; то сіе дѣлаетъ и небольшая буря, и легкая болѣзнь, и одинъ внезапно нападшій звѣрь. Итакъ да перестанутъ они хвалиться своимъ безславіемъ, а если могутъ, да перестанутъ дѣлать зло, да поклонятся, упадутъ и восплачутъ предъ Господомъ сотворшимъ ихъ (Псал. 94, 6.), и да присоединятся къ стаду тѣ изъ нихъ, которые еще не вовсе неисцѣлимы.

Сіе говорю вамъ я — пастырь робкій и осмотрительный, котораго за осторожность укоряютъ въ

(а) По изъясненію Иліи, Св. Богословъ пишетъ здѣсь въ виду Максима и называетъ его псомъ, какъ Цинника. При семъ Илія замѣчаетъ, что Цинники съ особенною заботливостію отращивали у себя волосы.

недѣтельности. Ибо я не изъ числа пастырей, которые млеко ядятъ, волною одѣваются, тучное закалаютъ, оскорбляютъ трудомъ (Иезек. 34, 3. 4.), или продаютъ и говорятъ: *Благословенъ Господь, и обогатихомся* (Захар. 11, 5.), которые пасутъ самихъ себя, а не овецъ (если вамъ памятны слова Пророковъ, которыми они поражаютъ злыхъ пастырей): напротивъ я болѣе принадлежу къ числу пастырей, которые могутъ сказать о себѣ съ Павломъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и меня не воспаляетъ забота* (2 Кор. 11, 29.)? *Не ищу бо вашихъ, но васъ* (2 Кор. 12, 14.). *Быхъ во дни жегомъ зноемъ, и студенію въ нощи мучимъ*, по слову Патріарха—пастыря (Быт. 31, 40.), у котораго овцы были знаменаны и старались зачинать у тамошнихъ корытъ (Быт. 30, 41. 42.) (б).

Такъ и по такимъ причинамъ пришелъ я къ вамъ, которые находитесь въ такомъ положеніи. А поелику пришелъ; то дадимъ другъ другу отчетъ, что успѣли мы сдѣлать въ продолженіе разлуки. Ибо не худо помнить, что отъ насъ потребуютъ отчета не только за слова и дѣла, но какъ за цѣлое время, такъ и за самую малую и краткую часть времени. Вы *возвѣстите мнѣ дѣланіе свое* (Іон. 1, 8); а я предложу вамъ, о чемъ любомудествовалъ я въ безмолвіи, бесѣдуя самъ съ собою. Какое

(б) По изъясненію Иліи, Св. Богословъ разуметь здѣсь Св. Писаніе, изъ котораго должны напоевать себя живою водою словесными овцы, когда зачинаютъ въ себѣ сѣмя спасенія.

изъ высокихъ умозрѣній, или заимствовавъ отъ меня, сохранили вы, или сами отъ себя присовокупили, касательно ли Богословія или другихъ догматовъ, изъ которыхъ о многихъ и часто предлагалъ я вамъ? Требую отъ васъ не только долга, но и роста, не только таланта, но и прибѣтка, дабы кто-нибудь, скрывъ и зарывъ вѣренное, не сталъ еще клеветать на Вѣрившаго, что Онъ жестокъ и желаетъ чужаго (Матѣ. 25, 24.). Итакъ какое похвальное дѣло принесли вы въ плодъ, такъ чтобъ или не увѣдала шуйца (Матѣ. 6, 3.), или просвѣтился свѣтъ вашъ предъ челоуьки (Матѣ. 5, 16.), чтобъ по плодамъ было видно дерево, по ученикамъ могъ быть узнанъ учитель, и чтобъ всякій изъ наблюдающихъ за нами (а это дѣлають многіе, одни по благорасположенію, другіе изъ любопытства) могъ сказать, яко воистинну Богъ съ вами есть (1 Кор. 14, 25.), и вы не только здраво проповѣдуете Его, но и служите Ему? Ибо какъ дѣло безъ вѣры не пріемлется, потому что многіе дѣлають добро ради славы и по естественному расположенію, такъ и вѣра безъ дѣлъ мёртва (Іак. 2, 20.). И да не льститъ васъ суетными словесы (Ефес. 5, 6.) кто-либо изъ людей, которые охотно дозволяютъ все подъ тѣмъ однимъ условіемъ, чтобъ вы приложились къ нечестивымъ ученіямъ, и предлагаютъ за худое дѣло худую награду. Итакъ покажите вѣру отъ дѣлъ, покажите плодородіе земли вашей: точно ли не напрасно я сѣялъ, есть ли у васъ хотя одна рукоять, имущая силу, еже сотворити муку (Ос. 8, 7.), и стоящая житницы, чтобъ намъ впредь воздѣлывать васъ

еще усерднѣе. Кто приноситъ плодъ во сто кратъ? кто въ шестьдесятъ? кто наконецъ хотя въ тридцать? Или наоборотъ, кто, отъ тридцати-кратнаго восходя къ шестидесяти-кратному (ибо и сей порядокъ видимъ въ Евангеліи (в)), окончилъ сто-ричнымъ плодомъ, чтобъ, *преуспѣвая* подобно Исааку (Быт. 26, 13.), стать великимъ, идя *отъ силы въ силу*, воспѣвая пѣсни степеней и полагая *восхожденія въ сердце* (Пс. 83, 6. 8.)? *Ищу плода множащагося въ слово ваше* (Фил. 4, 17.). Ибо прибитокъ вашъ, а не мой. Если же и мой, то потому, что онъ вашъ; ибо польза отъ васъ возвращается и къ намъ, подобно отраженнымъ лучамъ. Питали ли вы нищихъ? Принимали ли странныхъ? Умыли ли *святыхъ нозъ* (1 Тим. 5, 10.)? Или угождая чреву, которое *упразднится* (1 Кор. 6, 13.), *усплаждались вы* (положимъ то) и заповѣдями; такъ какъ нѣтъ *усплажденія*, которое было бы лучше и прочнѣе сего для желающихъ *усплаждаться*? Покоили ли по мѣрѣ силъ (позвольте сказать и о семъ) кого-либо изъ служащихъ жертвеннику и прекрасно убожествующихъ, чтобъ они, не развлекаясь, тѣмъ усерднѣе служили жертвеннику и, заимствуя изъ вашего, приносили въ замѣнъ и свое? Стыдно подлинно и намъ просить о семъ, и вамъ не удѣлять. Не для того замѣтилъ

(в) У Евангелиста Матѳея гл. 13. ст. 8 читаемъ: *далху плодъ, ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридцать*; а у Еванг. Марка гл. 4. ст. 8. въ обратномъ порядкѣ: *и приплодоваше на тридцать, и на шестьдесятъ, и на сто.*

я сія, да тако будетъ о мнѣ, добръе бо мнѣ паче умрети, нежели чтобъ уничтожилась похвала моя (1 Кор. 9, 15.) и благовѣствованіе мое осталось безъ награды, когда здѣсь соберу плоды,—ибо благовѣствовать есть дѣло необходимости, а благовѣствовать безмездно — дѣло усердія: но да научитесь вы благотворить Христу, благотворя кому-либо и изъ малыхъ. Ибо Христось, какъ содѣлался для меня всѣмъ, что есть во мнѣ, кромѣ грѣха, такъ прие-летъ на Себя и все сколько-нибудь меня касающееся,—доставишь ли ты мнѣ кровъ или одежду, поѣдешь ли въ темницѣ, придешь ли къ больному, или, что всего маловажнѣе, языкъ томимаго жаждою прохладишь одною чашею студеной воды, о чемъ просилъ бѣднаго Лазаря страждущій въ пламени богачъ, которому за здѣшнюю роскошную жизнь, за презрѣніе голоднаго и покрытаго струпами Лазаря, воздается тѣмъ, что просить у Лазаря, и не получаетъ просимаго. Вотъ чего отъ васъ требуемъ, и знаю, что вы не будете постыжены, какъ давая отчетъ мнѣ, такъ и въ послѣдній день, въ который будутъ собраны всѣ дѣла наши, по сказанному: и *Азъ гряду совѣты и дѣянія ваши собрати* (Ис. 66, 18.); се человекъ, и дѣло его и *мзда его съ нимъ* (Ис. 40, 10.).

Но вотъ и наше, что приносимъ вамъ изъ пустыни. Ибо и Илія охотно любомудрствовалъ на Кармилѣ, и Іоаннъ въ пустынѣ, и Самъ Іисусъ совершалъ дѣла предъ народомъ, а молитвы большею частію на свободѣ и въ пустыняхъ. Какой же преподанъ симъ урокъ? Тотъ, думаю, что для невозмущаемаго собесѣдованія съ Богомъ нужно погру-

зяться въ безмолвіе и хотя нѣсколько возвести умъ свой отъ не постояннаго. Ибо Самъ Онъ не имѣлъ нужды въ уединеніи; да и не было мѣста, гдѣ бы могъ Онъ укрыться, будучи Богомъ и все исполняющимъ; уединялся же, чтобы мы знали время и для дѣлъ и для высшаго упражненія. Итакъ какіе же плоды моей пустыни? Какъ добрый купецъ, всюду собирающій прибыль, хочу и изъ нея доставить вамъ нѣчто для купли.

Однажды, когда день уже склонялся къ вечеру, ходилъ я одинъ, погрузившись самъ въ себя, и мѣстомъ прогулки былъ морскій берегъ. Всегда имѣю обычай облегчать труды такими отдыхами. Потому что и тетива, постоянно натянутая, не выдерживаетъ напряженія, а надобно ее спускать съ стрѣлы, чтобъ можно было снова натянуть, и чтобъ она было не бесполезною для стрѣлка, но годилась въ случаѣ употребленія. Такъ я ходилъ; ноги переносили меня съ одного мѣста на другое, а взоръ покоился на морѣ. Зрѣлище было непріятно, хотя оно бываетъ всего пріятнѣе въ другое время, когда при ясномъ небѣ море покрывается пурпуромъ, тихо и кротко играя, плещетъ въ берега. Но чтò же происходило въ это время? Охотно скажу, и даже словами Писанія: *вѣтру велию дышающу* (Іоан. 6, 18.), море волновалось и завывало, а волны, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ буряхъ, однѣ вставъ вдали и постепенно, то достигая наибольшей высоты, то понижаясь, сокращались при берегахъ; а другія, ударившись о ближнія скалы и отраженные ими, превращались въ пѣнистыя и высоколетящія брызги. Тутъ были выбрасываемы

небольшіе камни, поросты, улитки и самыя легкія раковины, и нѣкоторыя опять поглощаемы съ отливомъ волны. Но твердо и неподвижно стояли скалы, какъ-будто ничто ихъ не тревожило, кромѣ того, что ударялись о нихъ волны. Изъ сего умѣлъ я извлечь нѣчто полезное для любомудрія. И какъ все примѣняю къ себѣ, особенно если что-нибудь случившееся приводитъ меня въ круженіе, какъ было и теперъ: то не безъ вниманія смотрѣлъ я на видимое, и это зрѣлище было для меня урокомъ.

Я сказалъ себѣ: не море ли — жизнь наша и дѣла человѣческія? И въ ней много соленого и непостояннаго. А вѣтры — это не постигающія ли насъ искушенія и всякая неожиданность? Сіе — то, кажется мнѣ, примѣчая, досточудный Давидъ говорить: *спаси мя Господи, яко внидоша воды до души моея; избавь меня изъ глубинъ водныхъ, приидохъ во глубины морскія, и буря потопаи мя* (Пс. 68, 2. 3.). Что же касается до искушаемыхъ; то одни, разсуждалъ я, какъ самыя легкія бездушныя тѣла, увлекаются и нимало не противостоятъ напастямъ, потому что не имѣютъ въ себѣ твердости и вѣса, доставляемыхъ разумомъ цѣломудреннымъ и готовымъ бороться съ встрѣтившимися обстоятельствами; а другіе, какъ камень, достойны того Камня, на Которомъ мы утверждены, и Которому служимъ. Таковы всѣ, которые, руководясь умомъ любомудрымъ и стоя выше низкой черни, все переносятъ твердо и непоколебимо, и посмѣваются колеблющимся, или жалѣютъ о нихъ, — посмѣваются по любомудрію, жалѣютъ по человѣколюбію. Сами же

для себя вмѣняютъ въ стыдъ--отдаленныя бѣдствія презирать и даже не почитать бѣдствіями, но уступать надъ собою побѣду настоящимъ, и притомъ кратковременнымъ, какъ будто онѣ постоянны, оказывать любомудріе безвременно, а въ случаѣ нужды оказываться нелюбомудрыми; что подобно тому, какъ если бы сталъ почитать себя отличнѣйшимъ борцемъ, кто никогда не выходилъ на поприще, или искуснымъ кормчимъ, кто высоко думаетъ о своемъ искусствѣ, въ тихую погоду, а въ бурю бросаетъ изъ рукъ кормило.

Но какъ уже одинъ разъ остановился я на семь разсужденіи; то встрѣтилъ и другое подобіе, весьма приличное настоящему предмету. Можетъ-быть почтете меня старикомъ и баснословомъ, когда сообщу вамъ оное; однакожъ вы должны узнать это, потому что, какъ извѣстно, и Писаніе неоднократно употребляетъ такія подобія для ясности изложенія. По баснословію, есть дерево, которое зеленѣетъ, когда его рубятъ, и противоборствуетъ желѣзу, а если о необыкновенномъ должно и выражаться необыкновенно, которое смертію живетъ, отъ сѣченія разрастается, истребляемое умножается. Конечно, это баснь и произволь вымысла: но мнѣ представляется, что таковъ же точно и человѣкъ любомудрый. Онъ прославляется въ страданіяхъ, скорби обращаетъ въ поводъ къ добродѣтели, украшается несчастіями, не превозносится десными оружіи правды, не изнемогаетъ предъ шуми (2 Кор. 6, 7.), но въ различныхъ обстоятельствахъ всегда пребываетъ одинаковъ, или дѣлается еще свѣтлѣе, какъ золото въ горнилѣ.

Посмотримъ на него такъ: знатнаго ли онъ происхожденія? — Наравнѣ съ благородствомъ крови покажетъ въ себѣ благодравіе, такъ что заслужить уваженіе въ двоякомъ отношеніи, станешь ли разбирать его родословіе, или смотрѣть на него самого. Или онъ статуя низкой работы и изъ дешеваго брѣнія (если есть различіе между брѣніемъ и брѣніемъ)? — Замѣнить это духовнымъ благородствомъ, которое каждый напечатлѣваетъ самъ въ себѣ, къ худшему или лучшему; а всякое другое благородство, которое въ насъ всѣвается, или граматами намъ сообщается, отмѣтитъ ничего нестоящимъ и подложнымъ. Ибо благородство бываетъ троякое. Одно свѣше, и по оному всѣ мы равно благородны; потому что всѣ созданы по образу Божію. Второе зависитъ отъ плоти, и по оному, такъ какъ оно состоитъ въ тлѣніи, не знаю, благороденъ ли кто. Третье познается по порокамъ и по добродѣтелямъ, и въ немъ участвуемъ мы больше или меньше въ той мѣрѣ, какъ думаю, въ какой сохраняемъ или растлѣваемъ въ себѣ образъ Божій. Сіе-то послѣднее благородство возлюбить истинный мудрецъ и истинно любомудрый. Четвертый родъ благородства, которое зависитъ отъ грамотъ и указовъ, тогда удостою слова, когда соглашусь признать красотою подрумяненную красоту, или уважать обезьяну, которой велѣно быть львомъ. Юноша ли онъ? — Мужественно возстанетъ противъ страстей и воспользуется юностію для того, чтобъ не подвергнуться чему-либо свойственному юнымъ, но въ юномъ тѣлѣ показать старческое благоразуміе; и возрадуется о побѣдѣ больше, нежели увѣн-

чанне въ Олимпіи. Ибо одержить побѣду на общемъ позорищѣ — на позорищѣ вселенной, и побѣду не продажную (г. Преклоняется ли онъ къ старости? — Но не состарѣется душою, встрѣтитъ кончину, какъ предустановленный день необходимаго освобожденія, съ радостію перейдетъ въ жизнь грядущую, гдѣ нѣтъ ни незрѣлаго, ни старца, но всѣ совершенны по духовному возрасту. Надѣленъ ли онъ цвѣтущею красотою? — Въ одной красотѣ будетъ просіявать у него другая, въ тѣлесной — душевная. Сохранился ли безъ поврежденія цвѣтъ его красоты? — Онъ углубленъ самъ въ себя и не знаетъ, смотрятъ ли на него другіе. Безобразна ли его наружность? — За-то благообразенъ сокровенный его челоѣкъ, какъ цвѣтистая и самая благовонная роза, которая еще не раскрылась изъ своей оболочки, не имѣющей ни цвѣта ни запаха. Красный добротою паче сыновъ челоѣческихъ, онъ не дастъ и времени посмотрѣть на его внѣшность, обращая зрителя къ иному. Крѣпокъ ли онъ по внѣшнему челоѣку? — Употребить здоровье къ лучшему: по-дастъ совѣтъ, поразитъ словомъ, будетъ говорить смѣло, станетъ проводить время во бдѣніи, спать на голой землѣ, поститься, истощать вещественное, созерцать земное и небесное и со всѣмъ тщаніемъ помышлять о смерти. Сдѣлается ли онъ боленъ? — Станетъ бороться съ болѣзнію. А если будетъ побѣжденъ; то одержитъ верхъ, достигнувъ того,

---

(г) На олимпійскихъ и другихъ игрищахъ часто сильныя борцы уступали за девѣти надъ собою побѣду слабѣйшимъ.

чтобъ уже не бороться. Богатъ ли онъ? — Умудрится расточить богатство, и изъ своего имущества, какъ распорядитель чужаго, будетъ удѣлять нуждающимся, чтобъ и приѣмлющему послужило это во благо, и ему самому сосредоточиться въ Богѣ, ничего не имѣя кромѣ креста и тѣла. Бѣденъ ли онъ? — Обогатится въ Богѣ, посмѣваясь надъ имѣющими у себя многое, потому что они, какъ непрестанно приобрѣтаютъ, такъ непрестанно нищенствуютъ, имѣя нужду еще въ большемъ, и пьютъ для того, чтобъ чувствовать больше жажды. Алчетъ ли онъ? — Препитается съ птицами, которыя кормятся, не сѣя и не воздѣлывая земли, проживетъ съ Илією у Сарептянки. *Чванецъ ея не оскудѣетъ, и водоносъ муки не умалится* (3 Цар. 17, 14.); первый непрестанно будетъ источать, другой приносить обильную жатву, чтобъ страннолюбивая вдова сподобилась чести, и питатель имѣлъ пропитаніе. Жаждетъ ли онъ? — Источники и рѣки дадутъ ему питіе не упоющее и не мѣрою подаваемое; а если и вездѣ оскудѣютъ воды отъ бездождія, то можетъ-быть онъ будетъ пить изъ потока (3 Цар. 18, 5.). Потерпитъ ли онъ холодъ? — Его терпѣлъ и Павелъ (2 Кор. 11, 27.). Притомъ, долго ли потерпитъ? Есть одѣяніе и изъ камня, въ чемъ да увѣрить тебя Іовъ, который говоритъ: *занеже не имѣяху покрова, въ каменіе облекошася* (Іов. 24, 8.).

Размотри и большія еще совершенства. Будутъ ли его злословить? Онъ препобѣдитъ тѣмъ, что за злословіе не воздастъ злословіемъ. Будутъ ли его гнать? — Перенесетъ. Будутъ ли хулить? — Утп-

шится (1 Кор. 4, 13.). Будутъ ли клеветать?— Станетъ молиться. Ударятъ ли въ десную ланиту?— Обратитъ и другую; а еслибъ у него была третія, подставилъ бы и ту, чтобъ ударившаго скорѣе научить великодушію, вразумить его дѣломъ, когда не могъ словомъ. Будутъ ли ругаться надъ нимъ?— Сіе терпѣлъ и Христось. И онъ почтенъ будетъ участіемъ въ Христовыхъ страданіяхъ. Назовутъ ли Самаряниномъ, скажутъ ли, что имѣетъ въ себѣ бѣса?— Все приметъ съ Богомъ. Сколько бы многочисленны ни были его страданія, все еще недоста-нетъ многого: оцета, желчи, терноваго вѣнца, тро-стниковаго скиптра, багряницы, креста, гвоздей, сраспинаемыхъ разбойниковъ, мимоходящихъ и хулящихъ. Богу надлежало и въ томъ преимуще-ствовать, чтобъ въ самомъ посрамленіи претерпѣть большее! Нѣтъ ничего столь непреодолимаго и не-побѣдимаго, какъ *любомудріе*! Все уступить ско-рѣе, нежели *любомудрый*. Это *осель дивій* въ пу-стынѣ, какъ говоритъ Іовъ, ничѣмъ не связанный и свободный, *смѣйся многу народу града, сту-жанія данническаго не слышай* (Іов. 39, 7.) Это *единорогъ*—животное самовольное. *Похощетъ ли ти работати*, привяжешь ли его *при яслехъ* (Іов. 39, 9.), подведешь ли подъ ярмо? Когда лишенъ онъ будетъ всего на землѣ, у него готовы крылья, какъ у орла; онъ возвратится въ домъ на-стоятеля своего, воспаритъ къ Богу. Скажу кратко: непреодолимы только Богъ и Ангель, а въ-треть-ихъ человекъ *любомудрый*, невещественный въ веществѣ, неограниченный въ тѣлѣ, небесный на землѣ, безстрастный въ страданіяхъ, всему усту-

пающій побѣду, кромѣ самомнѣнія, и тѣхъ, которые думаютъ овладѣть имъ, побѣждающій своимъ низложеніемъ.

Поелику же слово мое, начавъ съ представленнаго мною подобія, изобразило любомудраго мужа; то по сему изображенію разсмотримъ сами себя. *Мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти* (1 Кор. 7, 40.); хотя нѣчто изъ сказаннаго можетъ уязвлять и низлагать меня, чтобъ мои ненавистники и враги, если найдутъ меня побѣжденнымъ, имѣли извиненіе, ежели не намѣренію, то, по крайней мѣрѣ, поведенію своему; а если окажусь совершеннѣе и выше нападающихъ на меня, или оставили злобу свою, или изобрѣли новый путь неправды (такъ какъ настоящій мною презрѣнъ), и сверхъ злобы своей не могли быть обличены въ неразуміи, какъ *беззаконнующіи вотще* (Пс. 24, 3.) и не умѣющіе сдѣлать неправды, о чемъ стараются. Посмотримъ же, чѣмъ оскорбятъ меня рѣшающіеся на все, что только можетъ сдѣлать человѣкъ въ обиду человѣку? Назовутъ невѣждою? — Я знаю одну мудрость — бояться Бога. *Ибо начало премудрости страхъ Господень* (Притч. 1, 1.), и: конецъ слова, все слушай, Бога бойся (Еккл. 12, 13.). Такъ сказалъ премудрый Соломонъ. Посему пусть докажутъ, что во мнѣ нѣтъ страха; и тогда побѣдятъ. А что касается до иной мудрости; то я частію самъ оставилъ ее, а частію желаю и надѣюсь приобрѣсть, по упованію на Духа. Укорять въ бѣдности? — Но она — мое избыточество. Охотно бы совлекъ я съ себя и сіи рубища, чтобъ безъ нихъ идти по терніямъ жизни! Охотно, какъ можно скорѣе, сложилъ

бы съ себя и этотъ тяжелый хитонъ (д), чтобъ получить болѣе легкій. Назовутъ убѣжавшимъ изъ отечества?—Какъ низко думаютъ о насъ сіи въ подлинномъ смыслѣ ругатели и ненавистники странныхъ! Развѣ есть опредѣленное мѣстомъ отечество у меня, для котораго отечество вездѣ и нигдѣ? А ты развѣ не странникъ и не пришлецъ? Не хвалю твоей обители, если такъ думаешь; смотри, чтобъ не лишиться тебѣ истиннаго отечества, въ которомъ должно заготовлять себѣ жительство. А за старость и болѣзненность не укоряй насъ. Въ этомъ виновны не только вещество и природа, но (узнай нѣчто изъ моихъ таинъ!) не мало истощено и разсудкомъ (похваляюсь тѣмъ нѣсколько). Да и ты, тучнѣющій и питающій плоть свою, не составляешь для меня пріятнаго зрѣлища. Хорошо, еслибъ и у тебя видно было нѣсколько сѣдинъ и блѣдности, чтобъ можно было увѣриться, что ты человѣкъ разумный и любомудрый! Чтѣ же еще? Низложить съ престоловъ?—Съ какихъ? Развѣ съ удовольствіемъ вступилъ я теперь на престоль и прежде вступалъ? Развѣ почитаю блаженными тѣхъ, которые восходятъ на престолы? Развѣ сдѣлаешь ихъ для меня пріятными, ты—восходящій недостойно? Развѣ случившееся недавно не обнаружило предъ вами моего образа мыслей? Или и это была одна забава и испытаніе любви, какъ могутъ частію подзрѣвать, а частію разглашать, люди искусные

(д) То-есть тѣло душевное, чтобъ облечься въ тѣло духовное (1 Кор. 15, 44.).

на то, чтобъ собственные свои пороки видѣть въ другихъ? Что же значило сокрушеніе? Что же значили заключенія, которыя всенародно произносилъ я самъ на себя? Что значили слезы, которыя ко мнѣ, едва не возненавидѣнному за сопротивленіе, возбудили въ васъ жалость? Лишатъ предсѣдательства? Но когда и кто изъ благомыслящихъ дорожилъ имъ? А нынѣ бѣгать его, по моему мнѣнію, есть верхъ благоразумія. Ибо за него все у насъ приходитъ въ замѣшательство и колеблется; за него предѣлы вселенной (е) мнутся подозрѣніемъ и ведутъ какую-то невидимую и не имѣющую наименованія брань; за него мы, сотворенные Богомъ, подвергаемся опасности стать тварію людей и лишиться великаго и новаго имени. О, еслибы не было ни предсѣдательства, ни предпочтенія мѣсть, ни мучительныхъ преимуществъ, и насъ различали по одной добродѣтели! А нынѣшній порядокъ, — стать справа, слѣва, въ срединѣ, выше и ниже, идти впереди или рядомъ, произвелъ у насъ много напрасныхъ замѣшательствъ, многихъ низринулъ въ пропасть и поставилъ на сторонѣ козлищъ, многихъ не только изъ низшихъ, но даже изъ пастырей, которые, бывъ учителями Израилевыми, сихъ не уразумѣли (Іоан. 3, 10.). — Не допустятъ къ жертвенникамъ? Но я знаю другой жертвенникъ, образомъ котораго служатъ нынѣ видимые жертвенники, на который не восходили ни орудіе, ни рука каменотесца, на которомъ не

(е) То-есть Востокъ и Западъ.

слышася желѣзо (3 Цар. 6, 7.), котораго не ка-
сались художники и хитрецы, но который весь—
дѣло ума, и къ которому восходятъ созерцаемъ.
Ему буду предстоять я, на немъ пожру пріятное
Богу (Левит. 1, 5.) и жертву и приношеніе и все-
сожженія, столько же лучшія приносимыхъ нынѣ,
сколько истина лучше тѣни. О немъ, какъ думаю,
любомудрствуетъ и великій Давидъ, говоря: и
вниду къ жертвеннику Бога веселящаго духов-
ную юность мою (Пс. 42, 4.). Отъ сего жертвен-
ника не отвлечетъ меня никто, сколько бы ни же-
лалъ. Изгонять изъ города?—Но не изгонять вмѣ-
стѣ и изъ того града, который горѣ. Если же это
возмогутъ сдѣлать мои ненавистники; то дѣйстви-
тельно побѣдятъ меня. А доколѣ не въ силахъ сдѣ-
лать сего, дотолѣ брызжутъ только въ меня водою
и бьютъ вѣтромъ, или забавляются сновидѣніями.
Такъ я смотрю на ихъ нападенія!—Отнимутъ иму-
щество?—Какое? Если мое; то пусть подрѣзываютъ
крылья, которыхъ я не подвязывалъ. А если
церковное; то изъ-за него и вся брань, изъ-за не-
го ревнуетъ о ковчежцѣ тать (Іоан. 12, 6.), и
предаетъ Бога за тридцать сребренниковъ, что
всего ужаснѣе; ибо такой цѣны стѣдуетъ не преда-
ваемый, но предатель. Запретятъ входъ въ домъ?
пресѣкутъ способы къ роскоши? отдалятъ отъ
друзей?—Но, какъ видишь, обременили мы весьма
многихъ, хотя и были ими приглашаемы (не хочу
быть неблагодарнымъ). Если же и обременили, то
развѣ тѣмъ больше, что щадили ихъ, а не тѣмъ,
что были ими принимаемы. Причиною сему то,
что меня покоилъ одинъ благочестивый и боголю-

бывый домъ, бывшій для меня тѣмъ же, чѣмъ домъ Суманитяныни для Елисея, родственннй мнѣ по плоти, родственннй и по духу, на все щедрый, домъ, въ которомъ возрасталь единомушіемъ и сей народъ, не безъ страха и не безъ опасности скрываая гонимое еще благочестіе. Да воздасть Господь дому сему въ день воздаянія! А если я гоняюсь за роскошію; то пусть забавляются надо мною ненавидящіе меня. Нѣтъ зла, котораго бы я въ большей мѣрѣ не желаль себѣ. Что касается до друзей, то очень знаю, что одни, и потерпѣвъ что-либо худое, не убѣгутъ отъ меня; ибо соболѣзнованіе производится только общимъ терпѣніемъ обидь. А если буду презираемъ другими; то я уже приобучился сносить презрѣніе. Ибо одни изъ друзей и искреннихъ, даже явнымъ образомъ, *прямо приближишася и сташа*; другіе, наиболѣе челоуѣколюбивые, *отдалече мене сташа* (Пс. 37, 12. 13.), и въ ночь (ж) сію все соблазнились; едва и Петръ не отрекся, а можетъ-быть и не плачетъ горько, чтобъ уврачевать грѣхъ. И видно, что я одинъ смѣль и исполненъ дерзновенія; я одинъ благонадеженъ среди страховъ, одинъ терпѣливъ — и выставлемый на показъ народу, и презираемый наединѣ, извѣстннй Востоку и Западу тѣмъ, что противъ меня ведутъ брань. Какое высокоуміе! *Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое: аще встанеть на мя брань, на Него азъ уповаю*

(ж) Въ которую Египетскіе Епископы, вошедши въ одинъ храмъ, хотѣли рукоположить Максима.

(Пс. 26, 3.). Не только не почитаю страшнымъ чего-либо изъ настоящихъ событій, но даже забываю о себѣ, плачу объ оскорбившихъ меня, о сихъ, нѣкогда членахъ Христовыхъ, членахъ для меня драгоценныхъ, хотя они нынѣ и растлѣны, о членахъ сея паствы, которую вы едва не предали, даже прежде, нежели она собрана во-едино. Какъ вы расторглись и другихъ расторгли, подобно воламъ, *отъ узъ разрѣшеннымъ* (Малах. 4, 2.)? Какъ воздвигли жертвенникъ противъ жертвенника? *Како быша въ запустыніе внезапно* (Пс. 72, 19.)? Какъ съченіемъ своимъ, и сами себѣ нанесли смерть, и насъ заставили болѣзновать? Какъ простоту пастырей употребили въ пагубу паствъ? Ибо не пасомыхъ стану порицать за неопытность, но васъ винить за вашу злобу. *Въ погибели твоей, Израилю, кто поможетъ* (Ос. 13, 9.)? Какое найду заживляющее врачество? какую обвязку? какъ соединю раздѣленное? какими слезами, какими словами, какими молитвами исцѣлю сокрушенное? Одинъ остается способъ. Троица Святая, покланяемая, совершенная, право нами сочетаваемая и почитаемая, Твое дѣло сіе, Тебѣ принадлежитъ слава совершенія! Ты возстанови снова намъ сихъ столько удалившихся отъ насъ, и пусть самое отдѣленіе научить ихъ единомыслію! Ты намъ за здѣшніе труды воздай небеснымъ и безмятежнымъ. А первое и величайшее изъ сихъ благъ—озариться Тобою совершеннѣе и чище и познать, что Тебя одну и ту же можно и представлять Единицею и находить Троицею, что Нерожденное и Рожденное и Исходящее—одно естество, три личности, *единъ Богъ*,

иже надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ (Еф. 4, 6.), Богъ, къ Которому ничто не прилагаемо, и въ Которомъ ничто не перелагаемо, не умаляемо, не отсѣкаемо, Котораго отчасти уже постигаемъ, отчасти стараемся постигнуть, и нѣкогда постигнуть, якоже есть, тѣ, которые хорошо Его искали здѣсь и въ жизни и въ созерцаніи. Ему слава, честь, держава во вѣки. Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

ВТОРАГО ТОМА.

ТВОРЕНИЯ Св. Григорія Богослова.

	Стран.
СЛОВО 14, о любви къ бѣднымъ.	1
СЛОВО 15, говоренное въ присутствіи отца, который безмолвствовалъ отъ скорби, послѣ того какъ градъ опустошилъ поля.	47
СЛОВО 16, на память Св. Мучениковъ Маккавеевъ.	70
СЛОВО 17, говоренное встревоженнымъ жителямъ Назі- анза и прогнѣванному градоначальнику.	87
СЛОВО 18, говоренное въ похвалу отцу и въ утѣшеніе матери Нонны въ присутствіи Св. Василія, къ которому обращено вступленіе въ слово.	100
СЛОВО 19, говоренное Св. Григоріемъ Богословомъ о словахъ своихъ Юліану, производившему на- родную перепись и уравненіе податей.	147
СЛОВО 20, о поставленіи Епископовъ и о догматѣ Св. Троицы.	163
СЛОВО 21, Похвальное Аванасію Великому, Архіепис- копу Александрійскому.	176
СЛОВО 22, о мирѣ, говоренное въ общемъ собраніи единовѣрныхъ, бывшемъ послѣ примиренія.	214
СЛОВО 23, о мирѣ, говоренное въ Константинополѣ по случаю распри, происшедшей въ народѣ о нѣкоторыхъ несогласныхъ между собою Епи- скопахъ	228

	Стран
СЛОВО 24, въ похвалу Св. Священномученика Кипріяна, говоренное на другой день его памяти, по возвращеніи Григоріевомъ изъ села.	246
СЛОВО 25, въ похвалу Философа Ирона, возвратившагося изъ изгнанія.	266
СЛОВО 26, произнесенное Св. Григоріемъ Богословомъ о себѣ самомъ, когда овъ, послѣ Максимова покушенія занять архіепископскій престолъ въ Константинополь, возвратился изъ села.	291

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Должно читать:
7	7	сослужитель	сослужителя
20	17	или низкой	низкой
23	9	дальнюю	дольнюю
27	1	Невродь	Невродь
28	27	разнымъ	равнымъ
64	9	бѣдствія	бѣдствія.
70	3	о Маккавейхъ.	о Маккавейяхъ?
248	2	сильнѣ	важнѣ.

